

РОНАЛЬД КОУЗ

**ОЧЕРКИ
ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
НАУКЕ И ЭКОНОМИСТАХ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Smolbny
Смольный
Институт
Бизнеса

НОВОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
МЫШЛЕНИЕ

Ronald Coase

Essays on
Economics and
Economists

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS
CHICAGO · LONDON · 1994

Рональд Коуз

Очерки об экономической науке и экономистах

Перевод с английского

МАКСИМА МАРКОВА

Под научной редакцией

ДАНИЛЫ РАСКОВА

Smolny

Санкт-Петербургский
государственный университет
Saint Petersburg State University
Филологический факультет
Смольнинский институт
информатики и математики

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

СЕРИИ «НОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ»

Автономов В. С. (НИУ ВШЭ), Ананьин О. И. (НИУ ВШЭ),
Анашвили В. В. (РАНХиГС), Болдырев И. А. (Университет
им. Гумбольдта, Берлин), Замань С. (Болонский университет),
Кламер А. (Университет им. Эразма Роттердамского),
Кудрин А. Л. (СПбГУ), Макклоски Д. (Университет Иллинойса,
Чикаго), Мау В. А. (РАНХиГС), Нуреев Р. М. (НИУ ВШЭ),
Погребняк А. А. (СПбГУ), Расков Д. Е. (СПбГУ),
Широкорад Л. Д. (СПбГУ)

Коуз, Р.

- К55 Очерки об экономической науке и экономистах/пер. с англ.
М. Марков; науч. ред. Д. Расков. — М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. — 288 с. (Серия «Новое экономическое мышление»)

ISBN 978-5-93255-430-2

ISBN 978-5-7133-1535-1

В настоящий сборник вошли избранные статьи лауреата Нобелевской премии Рональда Коуза (1910–2013), основоположника новой институциональной экономической теории, опубликованные в 70–90-е годы XX века. Сборник состоит из двух частей. Первая часть, «Экономическая наука», посвящена методологическим проблемам экономической теории. Автор делится своим видением того, какой должна быть экономическая наука и какую роль она должна играть в жизни общества. Во второй части, «Экономисты», представлены биографические исследования Коуза об Альфреде Маршалле, а также его воспоминания о ряде выдающихся ученых-экономистов (А. Планта, Д. Блэка, Д. Стиглера) и пребывании в Лондонской школе экономики.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся развитием экономической мысли.

УДК 330
ББК 65.02

© Издательство Института Гайдара, 2015

ISBN 978-5-93255-430-2

ISBN 978-5-7133-1535-1

Издательская серия
НОВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ
Совместный проект Факультета свободных искусств
и наук СПбГУ и Института экономической политики
им. Е.Т. Гайдара

Актуальная парадигма современной экономической науки остро нуждается в пересмотре. Налицо необходимость как в критическом переосмыслении основного течения экономической мысли, так и в представлении и оценке значимых альтернатив, которые могли бы реально обогатить мыслительный горизонт и методологический арсенал специалистов в области экономики.

В особенности это справедливо для тех областей, где экономическая логика встроена в социальный, политический и культурный контекст. Дело даже не столько в усовершенствовании уже имеющегося методологического аппарата, сколько во включении в предметную область экономической науки тех сюжетов, которые традиционно недооценивались (а то и вовсе игнорировались) профессиональными экономистами и тем самым оказывались в ведении философии, психологии, социологии, культурологии и других наук.

Принципиальная задача издательского проекта — способствовать фундаментальному переосмыслению оснований экономической науки, что в перспективе могло бы вывести экономическое мышление на качественно новый уровень. Проект включает три основных направления работы: истоки, контексты, перспективы. Выявление новых источников экономического знания связано с публикацией как книг авторов, чьи работы были несправедливо забыты, так и с представлением русскому читателю текстов, относящихся к неортодоксальной экономической мысли. Хочется верить, что привлечение внимания к этим текстам послужит импульсом к превращению экономической науки в подлинно гуманитарную дисциплину, трактующую хозяйственную жизнь человека в неразрывной связи с миром социальных институтов и культурных ценностей.

Содержание

Данила Расков, Максим Марков. Коуз и его методологические взгляды · ix

Жизненный путь · ix; Коуз как экономист-методолог · xiv;
Заметки Коуза об истории экономической мысли · xxiii;
Литература · xxvi

Предисловие · xxviii

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА

Глава 1. Институциональная структура производства · 3

Глава 2. Как экономисты должны делать выбор? · 17

Глава 3. Экономическая теория и сопредельные дисциплины · 38

Глава 4. Экономисты и государственная политика · 54

Глава 5. Рынок товаров и рынок идей · 74

Глава 6. Богатство народов · 87

Глава 7. Воззрения Адама Смита на природу человека · 110

ЭКОНОМИСТЫ

Глава 8. Мать и отец Альфреда Маршалла · 137

Глава 9. Предки и родственники Альфреда Маршалла · 149

Глава 10. Назначение Пигу преемником Маршалла · 173

Глава 11. Маршалл о методе · 191

Глава 12. Арнольд Плант · 202

Глава 13. Дункан Блэк · 212

Глава 14. Джордж Стиглер · 228

Глава 15. Экономическая наука в LSE в 1930-е годы:
личный взгляд · 239

Именной и предметный указатель · 247

Коуз и его методологические взгляды

РОНАЛЬД ГАРРИ КОУЗ (29.12.1910–2.09.2013) прожил столь долгую жизнь, что если совсем недавно он был нашим старшим современником, оказавшим огромное воздействие на развитие современной экономической науки, то старшим современником самого Коуза был Альфред Маршалл. Но особенно поражает не сама продолжительность жизни, а творческое долголетие Коуза, его первая публикация вышла в свет в 1935 году, а последняя — в 2013. Вместе с тем опубликованное теоретическое наследие Коуза не столь велико, как можно было бы ожидать исходя из его влияния. Его творческая манера больше походит на манеру профессора XIX или XVIII века — главным для него были не публикации, а размышления, лекции, общение со студентами и коллегами.

Перевод данного издания на русский язык заполняет важный пробел — это вторая (из двух) теоретическая монография Коуза. Первая — «Фирма, рынок и право» — широко известна, она была опубликована в 1988 году (перед присуждением Коузу Нобелевской премии), а на русском языке вышла в 1993 году (см.: Коуз, 1993). Первая книга объединяет его наиболее значимые теоретические исследования, а вторая — настоящее издание, в оригинале вышедшее в 1994 году, — размышления Коуза о методологии экономической теории, его исследования в области истории экономической мысли, а также воспоминания.

Жизненный путь

Рональд Коуз родился 29 декабря 1910 года в лондонском пригороде Уилсден, где в основном жили представители среднего класса (место рождения для Коуза имеет особое значение, читатель увидит, как много сил он потратил, чтобы выяснить настоящее место рождения Маршалла). Отец Коуза служил телеграфистом на почте, там же до за-

мужества работала его мать (достаточно подробный рассказ о детстве Коуза можно прочитать в его автобиографии, предоставленной Нобелевскому комитету: Coase, 1991). Из-за болезни Коуз поступил в среднюю школу в 12 лет, на год позже, чем это было принято. В результате он не смог овладеть в школе латынью должным образом, что в дальнейшем повлияло на его выбор профессии.

В 1927 году Коуз сдал экзамен на аттестат зрелости, получив отличие по истории и химии. Килбурнская школа, в которой учился Коуз, предоставляла возможность задержаться там еще на два года, чтобы подготовиться к промежуточным экзаменам на бакалаврскую степень, что соответствовало университетскому первому курсу. Перед Коузом встал вопрос выбора специализации. Первоначально он намеревался получить степень по истории, но изучение гуманитарных наук в Англии того времени требовало знания латыни. От специализации в области химии и естественных наук Коуз также отказался, поскольку его не слишком привлекало изучение математики. Оставалась только степень в области коммерции. Успешно сдав экзамены, в 1929 году Коуз перешел на второй курс Лондонской школы экономики (ЛШЭ).

Лондонская школа экономики в 1920–1930-е годы была удивительным учебным заведением. Там работали исследователи, определившие облик экономической науки в XX веке — Лайонел Роббинс, Фридрих Хайек, Джон Хикс и другие. Жизнь Коуза будет надолго связана с ЛШЭ — до 1951 года. Своими воспоминаниями о развитии экономической науки в ЛШЭ он делится в пятнадцатой главе настоящего издания. Но в период учебы в ЛШЭ Коуз больше внимания уделял не экономической теории, а курсам по праву. Он вспоминает: «Я был зачарован судебными делами и юридической аргументацией» (Коуз, 2001а, с. 57). Научным руководителем Коуза в ЛШЭ стал Арнольд Планта, с 1930 года профессор кафедры коммерции, а с 1935 года глава департамента делового администрирования ЛШЭ. Под влиянием Планта Коуз стал больше интересоваться практическими проблемами экономики и управления, а не абстрактными теоретическими построениями (о Плантае см. двенадцатую главу настоящего издания).

Для получения степени бакалавра в ЛШЭ в то время требовалось проучиться три года. Программу первого курса Коуз освоил еще в школе, что освободило для него тре-

тий год обучения, который он, получив стипендию Касселя на научные поездки, решил провести в США для изучения вертикальной и горизонтальной интеграции в промышленности. Именно в ходе этой поездки у Коуза возникли идеи, которые легли в основу его знаменитой статьи «Природа фирмы».

В 1932 году, по возвращении из США, Коуз получил диплом бакалавра. Научная жизнь Великобритании тех лет не была так формализована, как сегодня, и докторской диссертации Коузу писать не пришлось. Он сразу был направлен на преподавательскую работу в недавно основанную при участии ЛШЭ Школу экономики и коммерции в Данди. В этом провинциальном шотландском учебном заведении Коуз познакомился и подружился с другим молодым преподавателем — Дунканом Блэком, который позднее станет одним из основоположников современной экономики политики (воспоминания Коуза о Блэке см. в тринадцатой главе настоящего издания). Дискуссии с Блэком и другими коллегами помогли Коузу окончательно сформулировать основные положения теории издержек осуществления рыночных трансакций. Коуз отмечает, что уже в первой лекции, «прочитанной по курсу организации предпринимательской единицы, содержались основные моменты, позднее появившиеся в моей статье „Природа фирмы“», а черновик этой статьи был подготовлен в 1934 году (наст. изд., с. 216).

Однако первая публикация Коуза была посвящена другому вопросу. Одной из теоретических революций 1930-х годов была разработка концепции несовершенной конкуренции. В 1933 году одновременно были опубликованы «Теория монополистической конкуренции» Эдварда Чемберлина и «Экономическая теория несовершенной конкуренции» Джоан Робинсон. Коуз сразу же принимается за подготовку собственного исследования, в котором применяет подход Робинсон к анализу дуополии у Чемберлина, и уже в 1935 году вышла его статья «Пересмотр проблемы дуополии» (Coase, 1935). Позднее к теоретическому анализу монополии Коуз обратится также в 1937 и 1946 годах. «Природа фирмы» вышла только в 1937 году (Coase, 1937)¹. Эта новаторская статья хотя и была замечена кол-

1. Перевод на русский язык публиковался неоднократно, впервые — в Вестнике СПбГУ (Сер. 5. Экономика. 1992. Вып. 4).

легами, но не была ими воспринята. Ее влияние вырастет только в 1970-е годы, вместе со становлением новой институциональной экономической теории. Как отмечал Коуз в юбилейном сборнике, посвященном 50-летию «Природы фирмы»: «Несомненно, в последние десять лет статью обсуждали больше, чем в предыдущие сорок» (Коуз, 2001b, с. 79).

В 1930-е годы Коуз был загружен преподавательской работой. В 1934 году он переходит из Данди в Ливерпульский университет, где ему приходится читать лекции по банковскому делу и финансам. В 1935 году Коузу удастся вернуться в ЛШЭ, где ему поручают курсы, посвященные теории монополии и коммунальных услуг. Научные исследования Коуза принимают преимущественно эмпирический характер, он занимается проблемами бухгалтерского учета и статистики (в качестве статистика, для нужд правительства, Коуз также работал во время Второй мировой войны), публикует работы о свиноводстве, металлургии и электроэнергетике. После войны в центре внимания Коуза оказываются проблемы радиовещания и монополия ВВС. В 1950 году он обобщил эти исследования в книге «Британское радиовещание: изучение монополии» (Coase, 1950).

В 1951 году Лондонский университет присвоил Коузу, на основе его опубликованных работ, докторскую степень (Doctor of Science) и он получил профессорскую должность в Университете Буффало. Начался американский период жизни Коуза. В 1958 году он перешел в Виргинский университет, где стал сотрудничать с Центром изучения политической экономии Томаса Джефферсона — этот центр был создан Джеймсом Бьюкененом, будущим лауреатом Нобелевской премии (1986), который в те годы работал вместе с Гордоном Таллоком над книгой «Расчет согласия» (1962), заложившей основы современной теории общественного выбора.

В США Коуз продолжает свои исследования коммунальных услуг, публикует статью о британской почте, но главным его интересом остается радиовещание, которое он теперь изучает на американском материале. В частности, Коуз пишет статью о Федеральной комиссии по связи, которую отправляет в недавно основанный Чикагским университетом *Journal of Law and Economics* (Coase, 1959). В этой статье Коуз критиковал административный порядок распределения радио- и телечастот Федеральной комиссией по связи и предложил использовать рыночный механизм

на основе четкого определения и аукционных продаж прав на радиовещание (подобный порядок под влиянием идей Коуза был принят в 1994 году).

Система доводов Коуза настолько заинтересовала сотрудников журнала, что он был приглашен на обед к его редактору, Аарону Директору. На обеде также присутствовали Джордж Стиглер, Милтон Фридмен и другие преподаватели Чикагского университета. Результатом дискуссии, которая состоялась в ходе этого обеда, стало решение Коуза развить свою аргументацию более подробно и распространить ее на все виды прав собственности. Уже в следующем номере журнала вышла его статья «Проблема социальных издержек» (Coase, 1960; рус. пер. см. в: Коуз, 1993), где на основе анализа ряда судебных решений Коуз показывает, что при нулевых трансакционных издержках и четком разграничении прав собственности наиболее эффективное состояние экономики может быть достигнуто путем рыночного обмена, независимо от первоначального распределения этих прав.

В 1966 году Стиглер, в очередном издании своего учебника «Теория цены», обобщил положения «Проблемы социальных издержек» и сформулировал ставшую теперь знаменитой «теорему Коуза». Эта теорема показала возможность решения проблемы внешних эффектов путем частных сделок и стала основой для экономического анализа правовых норм, способствовав рождению таких направлений экономической мысли, как экономика права и экономическая теория прав собственности.

Статья «Проблема социальных издержек» стала еще одним аргументом в защиту свободного рынка и конкуренции. Однако в 1960-е годы такие взгляды казались старомодными и администрация Виргинского университета, которая стремилась сделать преподавание экономической теории более «современным», не слишком благосклонно относилась к либеральным экономистам. Поэтому, когда Коузу предложили профессорскую должность в Чикагском университете, Виргинский университет не стал удерживать будущего нобелевского лауреата.

В 1964 году Коуз становится профессором Школы права Чикагского университета и остается им до конца своей жизни (с 1982 года в качестве заслуженного профессора). Также с 1964 по 1982 год он исполняет обязанности редактора *Journal of Law and Economics*. В Чикаго Коуз про-

должает научную работу (наиболее значительные работы последнего периода жизни Коуза собраны в данном издании) и стремится поощрять развитие исследований институциональной структуры производства, которые оформляются позднее в новую институциональную экономическую теорию. В своей автобиографии Коуз вспоминал: «Я поощрял экономистов и юристов писать о том, как функционируют реальные рынки и о том, как на самом деле правительство воздействует на экономическую деятельность» (Coase, 1991).

По мере признания научным сообществом идей Коуза он получает различные академические отличия и почетные звания, венцом которых стала в 1991 году Нобелевская премия «за открытие и прояснение значения транзакционных издержек и прав собственности для институциональной структуры и функционирования экономики». В обосновании Шведской королевской академии наук упоминаются только две работы Коуза — его статьи «Природа фирмы» и «Проблема социальных издержек». Присуждение Коузу этой престижной премии еще больше повысило авторитет институциональных исследований как научного направления. В 1997 году Коуз становится первым президентом Международного общества новой институциональной экономической теории, а в 2000 году — научным руководителем основанного в его честь Института Рональда Коуза.

Последним исследовательским проектом Коуза стало изучение трансформации китайской экономики. В 1987 году на конференции, посвященной пятидесятилетию «Природы фирмы», он так говорил о своих научных планах: «Я намерен снова поднять паруса, чтобы проложить путь в Китай, и не буду разочарован, если на этот раз всего-навсего открою Америку» (Коуз, 2001с, с. 110). Завершилась эта работа изданием в 2012 году книги «Как Китай стал капиталистическим», подготовленной в соавторстве с американским экономистом китайского происхождения Нинг Вангом (Coase, Wang, 2012).

У Рональда Коуза не было детей, но, очевидно, он был счастлив в семейной жизни. Со своей будущей женой, Марион Рут Хартунг, Коуз познакомился во время студенческой поездки в США в 1932 году. Поженились они 7 августа 1937 года и прожили вместе семьдесят пять лет. 17 октября 2012 года Марион умерла, а меньше чем через год, 2 сентября 2013 года, скончался Коуз.

Коуз как экономист-методолог

Публикуемый сборник во многом посвящен методологии экономической науки. Если статья «Проблема социальных издержек» принесла Коузу всемирную славу и стала самой цитируемой как у экономистов, так и у юристов², то данная книга известна в гораздо меньшей степени. Однако именно эти работы больше говорят о методологических взглядах Коуза, его интеллектуальных пристрастиях и его личности. Многие статьи написаны по случаю или по просьбе: первая глава — лекция при вручении премии им. А. Нобеля, вторая — памяти У. Наттера, третья и четвертая подготовлены на заданные темы по просьбе организаторов конференций, пятая — по случаю обсуждения первой поправки конституции США, шестая и седьмая приурочены к двухсотлетию выхода в свет «Богатства народов». В этих очерках Коуз затрагивает сложные вопросы, которые выходят за рамки экономической теории — как относиться к освоению экономистами сопредельным дисциплин, как выбирать теории, может ли экономист иметь нормативный взгляд на экономическую политику, как обеспечить прогресс в развитии экономической науки?

Экономистам мало свойственна рефлексия относительно предпосылок собственной теории. Коуз — достаточно редкое исключение, к которому уже привлечено определенное внимание³. Метатеоретическая позиция Коуза состоит в том, что экономическая наука прежде всего призвана изучать реально работающую экономику с ее институтами, основываясь на фактах и эмпирической работе. Наличие ценностной позиции у исследователя Коуз считает не только необходимым, но и неизбежным. По мысли Коуза, логичным следствием последовательно проведенного позитивистского подхода (укор М. Фридмену) станет полная остановка исследований и любого теоретического продвижения.

2. Статья Коуза «Проблема социальных издержек» с заметным отрывом стала самой цитируемой у юристов: Palazzolo, 2012.

3. См. Posner, 1993; Mäki, 1998; Мяки, 2004; Макклоски, (1998) 2015, с. 119–136 (глава 6 «Правовая риторика „Природы фирмы“ Рональда Коуза»), риторика работ Коуза в контексте институционализма обсуждалась в: Расков, 2010а, 2010b.

Что дает право Коузу высказываться по вопросам методологии? Скорее не глубокие познания в философии и методологии, но позиция честного и добросовестного профессионала, способного посмотреть на происходящее в науке и в экономике независимым взглядом. Хороший экономист, по мысли Коуза, это не только тот, кто умеет применять инструменты. Не менее важно обладать мужеством отстаивать те взгляды, которые считаешь правильными, обладать такими качествами, как честность и компетентность. Замечательный экономист, согласно Коузу, не может не обладать и высокими нравственными качествами. Именно такой взгляд на фигуру экономиста и позволяет Коузу писать по методологическим вопросам.

Коуз как экономист-методолог весьма критично высказывался относительно неоклассической экономической теории. Эта критика на первый взгляд выглядит странно, поскольку Коуз сам в какой-то степени относится к Чикагской школе экономической мысли и получил признание среди экономистов за вклад в микроэкономику. При более внимательном знакомстве взгляды Коуза становятся вполне последовательными и цельными.

Критику существующей парадигмы Коуз выразил в понятии «экономическая теория классной доски». В нобелевской лекции он сетует, что теория фирмы по большей части лишена эмпирической основы, и добавляет: «Исследуется система, существующая в умах экономистов, а не на земле. Результат таких исследований я назвал „экономической теорией классной доски“ (наст. изд., с. 6). Коуз не раз подчеркивал, что экономисты исследуют кровообращение в бесплотном теле (Coase, 1984, p. 230), оперируют концепцией рационального выбора, лишенной содержания. Они сконцентрировали внимание лишь на абстрактно понятых рыночных отношениях равновесного характера, умозрительных схемах, которые можно прекрасно использовать в виде графиков и диаграмм, но которые не дают реального знания о действующей экономической системе.

Ускали Мяки, как внимательный методолог, пытается дать более четкие очертания этой критике, выражаемой терминами «„абстракция“; „пренебрежение детальным знанием реальной экономики“; „отсутствие эмпирической основы“; ... „выдумывающая воображаемый мир“; „пренебрегающая происходящим на заводах и в офисах“;

и наконец, „чушь“» (Мяки, 2004, с. 97). В интерпретации Мяки «экономическая теория классной доски» — это «теория высокого уровня вертикальной абстракции, не подкрепляемая процессом вертикального абстрагирования» (там же, с. 103). Конкретные случаи, на которых строится общее право, относятся к низкому уровню абстракции, которым экономисты по большей части пренебрегают. Тем самым Коуз выступает не против теоретических обобщений, не против теории, но против слишком высокого уровня абстрагирования и за постоянную работу по движению от накопленных знаний о реально работающей системе к теоретическим построениям.

Отсюда истекает и весьма скептическое отношение Коуза к доминирующей форме математизации теории, которая отражена в подходе Самуэльсона и более свойственна основному течению мысли. При этом Коуз не принципиальный противник математизации: «Возникает тенденция пренебрегать теми аспектами экономической системы, которые трудно измерить. Это отвлекает внимание от самой экономической системы к техническим проблемам измерения. Я не хочу сказать, что мы должны избегать количественных методов» (наст. изд., с. 67). Красота математических выкладок не обольщает Коуза, напротив, как и В. В. Леонтьев, в этой тенденции он видит опасный отход от понимания сути экономики.

Ричард Познер — коллега по Чикагскому университету — в обзоре методологических взглядов Коуза удивляется узкой трактовке экономического и нежеланию Коуза пользоваться математическими методами. С одной стороны, Познер признает, что «много можно сделать с помощью простой экономической теории в сочетании с историческими и даже журналистскими методами эмпирического исследования, отличными от регрессионного анализа..., который использует случайную выборку и статистическую инференцию, а не анекдот и нарратив» (Posner, 1993, p. 203). С другой, сравнивая Коуза с «Джорджем Оруэллом современной экономической науки», Познер саркастически выражает свое мнение в афоризме: «Требуется очень необычный ум, чтобы провести анализ очевидного» (Ibid., p. 205). В ответ на подобные интерпретации Коуз в свойственной ему сдержанной манере отвечал, что он вовсе не против использования абстракций, эконометрики и математических методов, но против бес-

смысленных абстракций, которые лишь затемняют понимание работы экономической системы⁴.

Дискуссия о расширенной либо узкой трактовке экономического проецируется и на оценку достижений экономистов в сопредельных дисциплинах. Типичный представитель Чикагской школы считает движение экономической науки в сторону права, социологии, образования, здравоохранения, демографии и политики самым важным достижением в 1960–1990-е годы. Коуз, напротив, в третьей главе настоящего издания скептически относится к успеху экономистов на сопредельных полях, поскольку главным в междисциплинарном разграничении социальных наук считает предмет исследования и ту специфическую группу вопросов, которая провоцирует изучение самого предмета. Империалистические чаяния экономистов чужды Коузу. Во-первых, проблемы самой экономической науки далеки от разрешения или разрешены неудовлетворительно. Во-вторых, в долгосрочном плане экономистам трудно конкурировать с теми, кто знает свой предмет по существу и в деталях. Сами математические методы могут быть освоены политологами, социологами и правоведами. При этом Коуз считает важным изучать влияние политики, права и других институтов на экономику.

Обсуждение проблемы междисциплинарности и степени математизации приводит к обсуждению ценности той или иной теории. Наиболее острую методологическую критику Коуза вызвала концепция М. Фридмена о позитивной экономической науке. Он категорически не согласен с тем, что главная ценность теории в точности прогноза: «Мнение о том, что о ценности теории следует судить исключительно по степени и точности ее предсказаний, представляется мне неправильным. <...> большинство из нас не станет ценить теорию, если мы не думаем, что эти выводы соответствуют тому, что происходит в реальной экономической системе. Однако теория — это не расписание самолетов или автобусов. Мы не заинтересованы просто в точности ее прогнозов. Теория также служит основой для того, чтобы думать» (наст. изд., с. 19).

Коуз противопоставляет слишком теоретичным рассуждениям Фридмена реальную практику признания тео-

4. См. Posner, 1993; Coase, 1993.

рий. Он использует свой излюбленный подход — обращается к ярким, характерным примерам. Три конкретных эпизода из реальной практики работы экономистов призваны показать правоту Коуза: история признания теорий Хайека и Кейнса, а также теории несовершенной конкуренции Джоан Робинсон и Эдварда Чемберлина. Еще один конкретный пример касается практики работы Коуза в качестве редактора журнала *Journal of Law and Economics*.

Идеи Кейнса быстро признали, поскольку его подход лучше объяснял то, как работает экономическая система, и был проще для понимания. Таким образом, более важными были способность теории объяснить реальные экономические проблемы, а также простота и ясность в сравнении с другими подходами: «Кейнсианский анализ был принят в основном потому, что он был понятнее большинству экономистов. Или, как я отметил ранее, этот анализ предложил лучшую основу для размышлений о проблемах работы экономической системы как единого целого» (наст. изд., с. 24–25).

Примеры показывают, что на практике идеи признаются отнюдь не потому, что обладают предсказательной силой, но потому, что понятны, объясняют экономические изменения, могут служить основой для политических решений. Экономические идеи могут нести определенные ценности. Как справедливо замечает Коуз, сама позитивная методология не может не являться нормативной в своей основе, поскольку провозглашает ценностью сам позитивистский подход, лишенный ценностей.

Необычность методологических взглядов Коуза в США часто объясняли его английским происхождением. «Английскость» (*englishness*) — так озаглавил Поэнер отдельный раздел своей статьи о Коузе (Posner, 1993, pp. 204–205). Познеру вторит и Макклоски: «Я уже сказала, что экономический дискурс у Коуза — в том виде, в каком он присутствует уже в статье 1937 года, — это дискурс британский, правовой, эмпирический, а не французский, не самуэльсоновский и не математический» (Макклоски, (1998) 2015, с. 153). Эмпиризм, придание особого значения конкретным случаям, знание английской литературы, тонкий английский юмор. Среди экономистов авторитетами для Коуза остаются умы Великобритании: давний спор с Пигу, пристальное изучение биографии Маршалла, благоговение перед наследием Смита.

Не будет преувеличением сказать, что Адаму Смиту Коуз уделяет особое место. Коуз сетует на то, что идеи Адама Смита больше дают для понимания экономики, чем современные учебники. Идеи Смита использованы в основном корпусе экономических знаний лишь в части формализации теории «невидимой руки рынка». Коуз с сожалением отмечает, что другие науки неузнаваемо изменились, базовые же идеи у экономистов остались прежними. Как показывают шестая и седьмая главы, Коуз с особым вниманием и благоговением относится к наследию и личности Адама Смита.

Коуз делает акцент на стиле Смита и его внимании к риторике изложения в книге «Богатство народов», проникаемость и широта анализа которой превосходит любую другую книгу по экономике. Смит пишет на доступном языке, использует здравый смысл, ориентируется на широкую аудиторию, отмечает способ изложения не меньше, чем саму суть вещей. С этим Коуз и связывает успех книги: «Стиль Адама Смита, конечно, очень отличается от стиля большинства современных экономистов, которые либо неспособны писать на простом английском, либо решили, что выиграют больше, если будут запутывать свою мысль» (наст. изд., с. 90).

В вопросе отношения к государственному регулированию Коуз повторяет резонные замечания Смита: «Великие нации никогда не беднеют из-за расточительности и неблагоразумия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительности и неблагоразумия государственной власти» (цит. по.: наст. изд., с. 101).

Смит не до конца понят, не все его идеи получили адекватное отражение и продолжение. Один из таких вопросов — трактовка природы человека, которая у немцев получила особое имя «Das Adam Smith Problem». По мнению Коуза, на самом деле нет никакого противоречия между «Богатством народов», где основным мотивом поведения человека выступает эгоизм, и «Теорией нравственных чувств», где таким мотивом оказывается симпатия или благожелательность. Ключевую роль играет понимание того, что разделение труда делает преобладающую часть операций безличными, тогда как благожелательность предполагает личные отношения между людьми. Цитата о благожелательности мясника и пивовара должна дополняться тем, что Смит пишет дальше: «В цивилизованном обществе он [человек] непрерывно нуждается в содействии и сотрудни-

честве множества людей, между тем как в течение всей своей жизни он едва успевает приобрести дружбу нескольких лиц» (цит. по.: наст. изд., с. 94). Сотрудничество огромного числа людей по всему миру не может основываться на личных отношениях. В такой постановке вопроса Смит, по мысли Коуза, «воспринимал человека таким, каким он является в действительности: в нем действительно преобладает себялюбие, но присутствует и некоторая забота о других, он способен размышлять, но необязательно таким образом, чтобы прийти к правильному заключению, он видит результаты своих действий, но сквозь пелену самообмана» (наст. изд., с. 134).

Размышляя о ценности теорий и выборе экономистов, о непосредственной практике признания идей и концепций, Коуз выступает как спонтанный представитель риторического подхода в экономической методологии⁵. Он признает важную роль в науке институтов, социальной организации: «...деятельность экономистов регулируется или, по крайней мере, направляется профессиональными организациями (университетами или обществами) в таких аспектах, как разработка учебных курсов, требования к научным степеням, распределение исследовательских фондов, стандарты публикации и квалификационные требования для трудоустройства. Уважение и положение достигаются в результате работы, которая отвечает стандартам профессии экономиста» (наст. изд., с. 36). Прогресс же в науке, по мнению Коуза, достигается благодаря свободе выбора теорий, автономному принятию решений относительно того чем и как заниматься: «Для того чтобы экономисты были свободны выбирать теории, которые будут наиболее полезны в руководстве их работой, а также создавать новые теории, когда старые покажутся неудовлетворительными, исследования должны осуществляться в пределах относительно свободных образовательных структур. Университеты, исследовательские институты, фонды и другие учреждения, финансирующие исследования, — все должны следовать независимой политике. Даже внутри университетов должна позволяться значительная степень автономии школ и факультетов» (наст. изд., с. 36–37). Таким образом, прогресс в науке определяется как социальной организа-

5. См. Макклоски, (1998) 2015; Расков, 2005.

цией, так и автономией отдельных структур и институтов, которые сами выбирают наиболее перспективные темы для исследований, имеют определенную свободу в решении кадровых и финансовых вопросов.

В контексте риторики отдельный интересный вопрос касается стиля и языка Коуза, который отличался от того языка, на котором говорили современные экономисты. Он не использовал математические методы, эконометрику, не перегружал объяснения современной терминологией. В этом смысле язык Коуза и Смита мало чем отличался — ясность и простота, использование здравого смысла, понятность для более широкого круга читателей. С одной стороны, это привело к задержке восприятия идей Коуза, потребовало «перевода», с другой — позволило транслировать эти взгляды на более широкую аудиторию, и прежде всего на юристов, исследователей менеджмента, бизнеса и финансов. Отдельно надо отметить, что система общего права в США позволила использовать положения статьи Коуза не только в теории, но и на практике — при обосновании судебных решений. Эффект же, о котором пишет Познер, скорее относится к краткосрочному периоду: «Влияние Коуза на экономическую науку уменьшилось из-за того, что его статьи не говорят на языке современной экономической науки, то есть на языке математики, а также вследствие того, что он не пытался развить теорию трансакционных издержек» (Posner, 1993, p. 207). Стиглер, Харт и многие другие перевели идеи Коуза на формальный, теоретический язык.

Вместе с тем, несмотря на необычный стиль — ясный и простой, Коуз остается последовательным экономистом как в своих основных работах, так и в методологических эссе. Коуз — экономист. Он оперирует идеей соотношения затрат и выгод, причем затрат с точки зрения издержек упущенных возможностей (*opportunity cost*). В этом контексте концепция трансакционных издержек (издержек обмена у Коуза) увязывает альтернативность издержек в рамках разных структур управления активами, как выразился бы Уильямсон. Фирма и рынок представляют альтернативу друг другу в плане организации трансакций. Идя дальше, Уильямсон предложил концепцию специфичности активов, которая находится в той же перспективе альтернативности. В статье «Проблема социальных издержек» заложена та же экономическая идея, ее применению помогает

уравнивание в правах виновника и жертвы, которые надеются обоюдной ответственностью, а далее задействуется тот же анализ затрат и выгод двух сторон. По сути, из этого исходит и теорема Коуза. С помощью этого подхода Коуз предлагает соизмерять рынок и государственное управление. Регулятор точно может знать интересы своей семьи, ближайших друзей и принимать решения, учитывающие их интересы, но принимать решения в интересах общества в целом возможно только при наличии очень большого корпуса информации, издержки по получению которой огромны. Коуз, как последовательный экономист, не признает монополию и регулирование рынка идей, которое наблюдается в средствах массовой информации, слишком расточительными считает усилия экономистов в изучении социологии, политики, демографии.

Заметки Коуза об истории экономической мысли

Иллюстрацией методологических взглядов Коуза могут послужить, в определенной степени, его исторические очерки, опубликованные во второй части настоящего издания. Эти очерки также можно условно разделить на две части: одна из них имеет собственно характер исторического исследования и посвящена Маршаллу, а другая — это личные воспоминания Коуза.

Впрочем, отсылки мемуарного характера читатель может встретить в этой книге повсюду. Коуз не только пишет об авторах тех или иных концепций, но и посещает их лекции, разговаривает и обедает с ними. Собственную Нобелевскую лекцию Коуз начинает со скромного заявления: «За свою долгую жизнь я знал некоторых великих экономистов, но я никогда не относил себя к их числу и никогда не водил с ними компанию. Я не внес ничего нового в высокую теорию» (наст. изд., с. 3). Действительно, возможно Коуз и не занимался тем, что называют «высокой теорией», но он всегда оказывался в самом центре развития экономической науки своего времени. Выше мы видели, что в конце 1920-х годов судьба привела его в Лондонскую школу экономики, а в 1960-е он оказался в Чикагском университете, сумев заинтересовать своим подходом лидеров Чикагской школы — Стиглера и Фридмена. Отсюда исклю-

чительно личностное отношение Коуза к развитию экономической науки, где он оказывается не сторонним наблюдателем, а участником событий. Он не только обдумывает это развитие, но и проживает его, экономическая наука проходит через жизнь Коуза и становится ее частью.

Личным отношением пропитаны и очерки Коуза о Маршалле. Он не был учеником последнего в прямом смысле, но очевидно, что Коуз чувствовал себя преемником Маршалла — хотя он и пытается от него дистанцироваться: «Маршалл присутствовал в святцах, но лишь немногие из нас молились исключительно ему» (наст. изд., с. 245–246). Биографические очерки о Маршалле в восьмой и девятой главах оставляют двойственное впечатление. Коуз проделывает огромную работу, со свойственной ему скрупулезностью отслеживая судьбу родственников Маршалла по всей Британской империи. Но может показаться, что сам Коуз придавал этой работе не слишком большое значение — в предисловии к этой книге он пишет: «Раздумывая в молодости о том, чем заняться в преклонные годы, я решил, что интересным проектом, который мог бы их заполнить, является написание биографии Альфреда Маршалла» (наст. изд., с. xxx).

Показательно, что для Коуза как экономиста, интересующегося практическими проблемами, история также чужда, как и абстрактные теоретические построения. Она кажется ему занятием для скучающего пенсионера, тем, о чем можно посудачить за чашкой послеобеденного чая. В своих очерках он достает всех скелетов из шкафа Маршаллов. Перед нами предстает в своем роде типичное викторианское семейство, хорошо знакомое нам по романам Диккенса. Глава семьи — Уильям Маршалл — строгий пуританин и домашний тиран. Он служит в Английском банке, но стремится быть джентльменом и не чужд изящной словесности. Его хобби — древнеанглийский язык и история короля Альфреда, в честь которого он называет своего первенца. Мать семейства — Ребекка Оливер — тихая и нежная женщина, стыдящаяся своего социального происхождения. Она порвала связи со своими родственниками, в семье поговаривают, что ее отец аптекарь, действительно еще хуже — он мясник. Даже сам Альфред Маршалл не знал, что среди его кузенов есть простые рабочие. Несчастливая миссис Маршалл думала, что эту постыдную тайну она унесет в могилу. Так оно и было, пока Коуз не раскопал ее в архивах.

С чисто британским чванством и вниманием к мелким социальным различиям родственники Альфреда Маршалла скрывают подлинное место его рождения. Коуз выясняет, что он родился не в Клэпеме, а в Бермондси (факт, подлинное значение которого может понять только тонкий знаток экономической и социальной географии Лондона в первой половине XIX века). Картина была бы неполна без жестоких детей, которые приходят в восторг при известии о смерти деда, а также доброго дядюшки, сделавшего состояние в колониях, который появляется в трудный момент и дает деньги на учебу в Кембридже (в долг, конечно).

Заслуживает внимание очерк, в котором Коуз исследует переписку Маршалла с коллегами и дневник Джона Невилла Кейнса, связанные с событиями, которые привели в 1908 году к назначению Пигу преемником Маршалла (десятая глава). Проблемы, которые волновали тогда Маршалла, знакомы любому современному заведующему кафедрой — это подготовка новых курсов и распределение педагогической нагрузки. Основных претендентов на профессорскую кафедру, оставляемую Маршаллом, было двое: это блестящий, как казалось, молодой теоретик А. С. Пигу (1877–1959) и заслуженный сотрудник Маршалла Г. С. Фоксвелл (1849–1936), глубокий знаток экономической литературы, склонявшийся к исторической школе. Поскольку формальные показатели (число публикаций) и симпатии Маршалла были на стороне Пигу, выбор был сделан именно в его пользу. Внимание Коуза к этому событию определяется тем, что он рассматривает преемство Пигу скорее не в сугубо административном, а в более общем смысле, как наследника теоретической традиции. Заняв профессорскую кафедру в Кембридже, Пигу сыграл пагубную роль в развитии экономической науки, способствовав распространению той самой «экономической теории классной доски», критике которой сам Коуз посвятил значительные усилия (см. выше). Поэтому ему «кажется очевидным, что Пигу не оправдал высоких надежд, которые возлагал на него Маршалл» (наст. изд., с. 189).

Завершает серию очерков о Маршалле статья о его подходе к методологии экономической науки, подготовленная на основе изучения писем Маршалла, посвященных подготовке «Предмета и метода политической экономии» Дж. Н. Кейнса. В этой статье Коуз пытается доказать, что в отношении методологии экономисты Кембриджской

школы не были так единомышленны, как это принято считать. Коуз показывает, что Маршалл, со скепсисом человека, получившего математическое образование, отрицал существование в экономической науке «теории, о которой можно говорить» (цит. по: наст. изд., с. 195). Маршалл полагал, что дедуктивный и индуктивный методы взаимосвязаны: абстрактные дедуктивные построения должны основываться на собранных и накопленных фактах. Широкое применение математики («математические соблазны») казалось ему опасным для конструктивной работы в экономической науке. Выше мы видели, что подобную методологическую позицию занимал и сам Коуз. Его экономическая теория — это простая наука, а подлинным призванием экономиста является объяснение работы реальной экономической системы.

* * *

Неортодоксальная, независимая и весьма критичная методологическая рефлексия Коуза интересна как сама по себе, так и в плане того значения, которое она может иметь для нового облика экономической науки. Коуз одним из первых выдвинул идею о риторике экономической теории, в рамках которой реалистичность предпосылок и эмпирическая проверка являются функцией убеждения на рынке идей. Кто знает, сколько потребуется времени, чтобы экономисты прислушались к критическим замечаниям Коуза об экспансии в другие науки, их тяге к неосновательным абстракциям и невнимательном отношении к предмету и институциональной сложности экономических процессов.

Данила Расков
Максим Марков

Литература

- Коуз Р. *Фирма, рынок и право*. М., 1993.
- Коуз Р. Природа фирмы: истоки // *Природа фирмы* / Под ред. О. И. Уильямсона и С. Дж. Уинтера. М., 2001а.
- Коуз Р. Природа фирмы: истолкование // *Природа фирмы* / Под ред. О. И. Уильямсона и С. Дж. Уинтера. М., 2001б.
- Коуз Р. Природа фирмы: влияние // *Природа фирмы* / Под ред. О. И. Уильямсона и С. Дж. Уинтера. М., 2001с.
- Макклоски Д. *Риторика экономической науки*. 2-е изд. М.: Из-во Института Гайдара, (1998) 2015.

- Мяки У. Является ли Коуз реалистом? // *Истоки: экономика в контексте истории и культуры*. М. Изд. дом ГУ—ВШЭ. (1998) 2004.
- Расков Д. Е. Экономическая теория как риторика // *Вестник СПбГУ. Серия Экономика*. 2005, Вып. 3. С. 13–30.
- Расков Д. Е. Образ экономики в институционализме // *Вестник СПбГУ. Серия Экономика*. 2010а, № 3.
- Расков Д. Е. Риторика новой институциональной экономической теории // *Вопросы экономики*. 2010б, № 5.
- Coase R. H. The Problem of Duopoly Reconsidered // *The Review of Economic Studies*. Vol. 2, No. 2 (Feb., 1935).
- Coase R. H. The Nature of the Firm // *Economica*, Vol. 4, No. 16 (November 1937).
- Coase R. H. *British Broadcasting: A Study in Monopoly*. London: Longmans Green; Cambridge, MA: Harvard University Press, 1950.
- Coase R. H. The Federal Communications Commission // *Journal of Law and Economics*. Vol. 2 (Oct., 1959).
- Coase R. H. The Problem of Social Cost // *Journal of Law and Economics*. Vol. 3 (Oct., 1960).
- Coase R. H. The New Institutional Economics // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. March 1984, 140.
- Coase R. H. Autobiography // http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/1991/coase-bio.html
- Coase R. H. Coase on Posner on Coase // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 1993. 149 (1).
- Coase R. Wang N. *How China Became Capitalist*. New York: Palgrave Macmillan, 2012.
- Mäki U., Coase R. H. in *The Handbook of Economic Methodology*. Ed. by Davis J., Hands D. W., Mäki U., Edward Elgar. 1998.
- Palazzolo J. The Most-cited Law Review Articles of All Time // *The Wall Street Journal*, June 1, 2012.
- Posner R. The New Institutional Economics Meets Law and Economics // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 149 (1), 1993.
- Posner R. Ronald Coase and Methodology // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 7., N 4 (Autumn), 1993.

Предисловие

МОЕ ЖЕЛАНИЕ опубликовать этот сборник статей было, несомненно, в значительной степени продиктовано тщеславием. Но, как подчеркивал Адам Смит, те черты человека, которые кажутся нам в некоторой степени малопривлекательными, тем не менее могут приносить общественные выгоды. Надеюсь, что так будет и в этом случае.

Первое эссе в первой части, «Экономическая наука», воспроизводит мою лекцию (как лауреата премии памяти Альфреда Нобеля), прочитанную в Стокгольме в декабре 1991 года. Шведская королевская академия наук просила меня рассказать о работе, за которую была присуждена премия, для аудитории, состоящей как из заинтересованных представителей общественности, так и из профессиональных ученых. Это дало мне возможность затронуть современное состояние теории отраслевых рынков, а также обсудить меры, необходимые для его улучшения. В следующих трех эссе рассматриваются общие вопросы относительно того, как экономисты занимаются своим делом: каким образом они решают проблемы экономической системы, выбирают свои теории, решают, какие вопросы входят в их компетенцию, или дают советы по поводу государственной политики. Мне кажется, что мнение, выраженное в этих эссе, отличается от того, которого придерживаются многие экономисты, а возможно, и их большинство. Надеюсь, что прочтение этих эссе расширит мою рыночную долю.

Последние три эссе в этой части имеют несколько отличный характер. Так, статья «Рынок товаров и рынок идей» была решительно осуждена американской прессой, после того как была представлена на собрании Американской экономической ассоциации, но тот интересный вопрос, который был в ней поставлен, был в основном проигнорирован экономистами. В 1976 году отмечалось двухсотлетие публи-

кации «Богатства народов» и в ходе мероприятий, посвященных этой годовщине, мною было прочитано две лекции. Первая, о «Богатстве народов», — в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, а вторая, о «Представлении Адама Смита о человеке», — в Чикагском университете. Они демонстрируют величие Адама Смита, у которого мы продолжаем учиться. Но они также ставят и вызывающий беспокойство вопрос: что нами было сделано за последние двести лет?

Вторая часть, «Экономисты», начинается с четырех статей об Альфреде Маршалле. Раздумывая в молодости о том, чем заняться в преклонные годы, я решил, что интересным проектом, который мог бы их заполнить, является написание биографии Альфреда Маршалла. Готовясь к этому периоду, я начал собирать материалы, и результаты этой работы представлены в данных статьях. Однако, когда мои преклонные годы пришли, я обнаружил, что все еще очень загружен экономическими исследованиями и не имею свободного времени, которое нужно чем-то занять. Вот почему я должен был оставить этот проект. К счастью, биография Альфреда Маршалла готовится профессором Питером Гроеневегеном из Сиднейского университета и скоро мы узнаем правду об этом замечательном экономисте и человеке, который не был лишен недостатков¹.

За этим следуют мои воспоминания о трех экономистах, которых я знал очень хорошо: Арнольде Планте, моем учителе и наставнике, Дункане Блэке, с которым мы были коллегами по первому месту работы в Школе экономики Данди и близкими друзьями вплоть до его смерти, а также Джордже Стиглере, друге и коллеге моих последних лет в Чикагском университете. Этот раздел заканчивается моим рассказом, основанном на личных впечатлениях, о развитии экономической науки в Лондонской школе экономики в 1930-е годы, в период, когда в этом замечательном учреждении делалось много интересной и важной работы.

1. См.: Groenewegen P. (1995). *A Soaring Eagle: Alfred Marshall, 1842–1924*. Edward Elgar., Groenewegen P. (2007). *Alfred Marshall. Economist. 1842–1924.*, N.Y.: Palgrave MacMillan. — *Примеч. ред.*

Экономическая наука

Глава 1

Институциональная структура производства¹

ЗА СВОЮ долгую жизнь я знал некоторых великих экономистов, но никогда не относил себя к их числу и никогда не водил с ними компанию. Я не внес ничего нового в высокую теорию. Мой вклад в экономическую науку состоял в том, что я настаивал на включении в наш анализ столь очевидных характеристик экономической системы, что они ускользали от внимания, подобно почтальону из рассказа Г. К. Честертона об отце Брауне «Человек-невидимка». Тем не менее, если их все-таки включить в анализ, то, по моему убеждению, они приведут к полному изменению структуры экономической теории, по крайней мере, в той ее части, которая называется теорией цен или микроэкономикой. Что я сумел сделать, так это показать большое значение для функционирования экономической системы того, что может быть определено как институциональная структура производства. В этой лекции я объясню, почему, по моему мнению, эти характеристики экономической системы ранее игнорировались и почему их признание приведет (и уже начинает приводить) к изменениям в том, как мы анализируем работу экономической системы и как мы мыслим экономическую политику. Я буду говорить также об эмпирической работе, которую нужно проделать, если цель такой трансформации нашего подхода — достижение лучшего понимания.

Когда я говорю об этой трансформации, мне бы не хотелось представить дело таким образом, что она является результатом только моей работы. Выдающийся вклад в развитие этого предмета внесли, среди прочих, Оливер Уильямсон, Харольд Демсец, Стивен Чен, и я сомневаюсь,

1. Лекция лауреата 1991 года премии памяти Альфреда Нобеля по экономическим наукам, прочитанная 9 декабря 1991 года в Стокгольме, Швеция. © The Nobel Foundation 1991.

что без их работ и трудов многих других ученых значимость моих сочинений была бы признана. Большим достоинством учреждения премии памяти Альфреда Нобеля по экономическим наукам является то, что она, привлекая внимание к важности конкретных областей экономической науки, поощряет дальнейшие исследования в этих областях. Но в то же время выдвижение на первый план работ нескольких или, как в моем случае, одного ученого оставляет в тени значение вклада других способных ученых, исследования которых имели решающее значение для развития данной области.

Я буду говорить о той части экономической науки, которую принято называть теорией отраслевых рынков (*industrial organization*), но, чтобы понять ее современное состояние, необходимо сказать несколько слов о развитии экономической науки в целом. На протяжении двух столетий после выхода в свет «Богатства народов» экономисты, как мне кажется, занимались в основном заполнением пробелов в системе Адама Смита, исправлением его ошибок и приданием его анализу гораздо большей точности. Основная тема «Богатства народов» состояла том, что для нормального функционирования экономической системы нет необходимости в государственном регулировании или централизованном планировании. Экономика может координироваться, к тому же с благотворным результатом, системой цен («невидимой рукой»). После публикации «Богатства народов» основной задачей экономистов, как отметил Харольд Демсец², стала формализация этого утверждения Адама Смита. Заданными факторами являются технология и вкусы потребителей, а выбор индивидов, преследующих свои собственные интересы, управляется системой цен.

Экономисты обнаружили необходимые условия, при которых можно достичь сформулированных Адамом Смитом результатов, а для тех сфер реального мира, где эти условия не обнаруживаются, они предложили такие изменения, чтобы указанные условия выполнялись. Именно это можно найти в учебниках. Харольд Демсец справедливо заметил, что данная теория анализирует крайне децентрализованную систему. Она была большим интеллектуальным

2. Harold Demsetz, *Ownership, Control and the Firm* (1988), vol. 1, p. 145.

достижением и пролила свет на многие аспекты экономической системы. Но никак нельзя сказать, что эта теория достигала всех целей. Концентрация внимания на тех факторах, которые определяют цены, привела к сужению фокуса, что повлекло за собой пренебрежение другими аспектами экономической системы. Действительно, иногда создается впечатление, будто экономисты считают, что их дисциплина имеет дело исключительно с системой ценообразования, а все, что за ее пределами, не имеет к ним никакого отношения. Так, мой бывший руководитель и прекрасный человек Лайонел Роббинс писал в книге «Природа и значение экономической науки» о «кричащих недостатках» старой трактовки теории производства, где обсуждались виды крестьянской собственности и промышленные формы: «Предполагается, что, с точки зрения экономиста, „организация“ является предметом внутреннего промышленного (или сельскохозяйственного) устройства — внутреннего если не для фирмы, то уж во всяком случае для „данной“ отрасли. В то же время существует тенденция полностью исключить фактор, управляющий всей организацией производства, — соотношение цен и издержек»³.

В итоге, по мнению Роббинса, это приводит к тому, что экономист интересуется не внутренним устройством организаций, а только тем, что происходит на рынке, покупкой факторов производства и продажей благ, созданных этими факторами производства. А то, что происходит между покупкой факторов производства и продажей созданных ими благ, по большей части остается без внимания. Не знаю, насколько современные экономисты разделяют позицию Роббинса, но бесспорно, что микроэкономика преимущественно представляет собой исследование того, что определяет уровень цен и выпуска, — недаром этот раздел экономической науки часто называют теорией цен.

Столь пренебрежительное отношение к другим аспектам системы облегчалось еще одной чертой современной экономической теории — растущей абстрактностью анализа, которая, похоже, не требует детализированного знания реальной экономической системы или, по крайней мере, позволяет обойтись без такого знания. В конце своей 63-страничной статьи «Теория фирмы» в недавно опубли-

3. Lionel C. Robbins, *The Nature and Significance of Economic Science* (1932), p. 70.

ликованном «Справочнике по теории отраслевых рынков» Бенгт Холмстром и Жан Тироль приходят к выводу, что «соотношение свидетельства/теория... в настоящее время весьма мало в этой области»⁴. Сэм Пельтцман написал резкий критический обзор «Справочника», где отметил, что там много рассуждений теоретического характера без всякой эмпирической основы⁵.

Исследуется система, существующая в умах экономистов, а не на земле. Результат таких исследований я назвал «экономической теорией классной доски». Фирма и рынок появляются в них лишь в виде терминов, но без какого-либо содержательного наполнения. В рамках основного течения экономической науки фирма часто описывалась как «черный ящик». И это именно так, что выглядит весьма странно, если учесть, что в современной экономической системе большая часть ресурсов задействована внутри фирм и способы их использования зависят от административных решений, а не непосредственно от рыночных операций. Соответственно и эффективность экономической системы в весьма значительной мере определяется тем, как ведут свои дела эти организации, и в особенности, конечно, современные корпорации. Еще более удивительно, если учесть интерес к системе цен, пренебрежение рыночным или, конкретнее, институциональным устройством, управляющим процессом обмена. А поскольку это институциональное устройство в значительной мере определяет производство, мы имеем весьма неполную теорию.

Данное положение уже начало изменяться, и я рад, что сыграл свою роль в этом процессе. Ценность включения таких институциональных факторов в корпус основного течения экономической науки становится особенно явной в свете недавних событий в Восточной Европе. Бывшим коммунистическим странам советуют перейти к рыночной экономике, и того же желают их лидеры, но никакая мало-мальски осмысленная рыночная экономика невозможна без соответствующих институтов. Если бы мы лучше знали свою собственную экономику, мы могли бы с большим правом давать советы этим странам.

4. Richard Schmalensee and Robert D. Willig, eds., *Handbook of Industrial Organization* (1989), p. 26.

5. Sam Peltzman, «The Handbook of Industrial Organization: A Review Article», *Journal of Political Economy* (February 1991), p. 201–217.

Задача двух статей, отмеченных Шведской королевской академией наук, состояла в том, чтобы попытаться заполнить эти пробелы или, точнее, указать направление, в котором следует двигаться, чтобы эти пробелы в конце концов были заполнены. Позвольте начать с «Природы фирмы» (1937). В 1929 году я стал студентом Лондонской школы экономики, обучающимся на степень бакалавра коммерции, специализируясь в группе промышленности. Предполагалось, что эта группа предназначалась для людей, желавших стать руководителями предприятий. Я же очень мало подходил для такого рода деятельности. Однако в 1931 году мне исключительно повезло. В 1930 году профессором коммерции был назначен Арнольд Планта. Он был прекрасным учителем. Я начал посещать его семинар в 1931 году, примерно за пять месяцев до выпускных экзаменов. Этот семинар стал для меня откровением. Планта цитировал сэра Артура Солтера: «Нормальная экономическая система работает сама по себе». И он объяснял, каким образом конкурентная экономическая система, координируемая ценами, приводит к производству товаров и услуг, наиболее высоко оцениваемых потребителями. До того, как я познакомился с учением Планта, у меня были весьма путанные представления о функционировании экономики. После семинара Планта у меня сложилось цельное представление об экономической системе. Планта познакомил меня с «невидимой рукой» Адама Смита.

Поскольку университетские дисциплины за первый год обучения я сдал, еще будучи в средней школе, мне удалось выполнить требования, соответствующие степени бакалавра, за два года. Однако университетские правила присуждения степени предусматривали трехлетнее обучение. Так что у меня оставался свободный год. И тут мне повезло еще раз. Лондонский университет наградил меня стипендией Касселя на научные поездки. Я решил провести год в США, что при достаточно вольной интерпретации правил засчиталось мне как год пребывания в Лондонской школе экономики.

Я решил изучить вертикальную и горизонтальную интеграцию промышленности в США. Планта описывал в своих лекциях разные пути организации разных отраслей, но, казалось, не было никакой теории, объяснявшей эти различия. Я намеревался найти такую теорию. Была еще одна головоломка, которую я считал необходимым разрешить

и которая как будто была связана с основным моим проектом. Взгляд на систему цен как на координирующий механизм был, очевидно, верным, но некоторые аспекты аргументации меня смущали. Плант был противником всех столь модных в период Великой депрессии схем координации промышленного производства посредством той или иной формы планирования. По Планту, конкуренция, действуя через систему цен, обеспечит всю необходимую координацию. И все же имелся такой фактор производства, как управление, функция которого состояла именно в том, чтобы координировать. Зачем оно нужно, если система цен обеспечивает всю необходимую координацию?

Та же проблема вставала в то время передо мной в другом обличье. Всего четырнадцать лет назад произошла Русская революция. Тогда мы очень мало знали о том, как на самом деле будет осуществляться планирование в коммунистической системе. Ленин говорил, что экономика России будет управляться как одна большая фабрика. Однако многие западные экономисты утверждали, что это невозможно. И все же на Западе были фабрики, в том числе и очень большие. Как примирить взгляды экономистов на роль системы цен и на невозможность успешного централизованного экономического планирования с существованием управления и таких явно плановых сообществ, как фирмы, которые функционируют в нашей собственной экономике?⁶

Ответ я нашел к лету 1932 года. Он заключался в том, что необходимо осознать существование издержек использования ценового механизма. Необходимо выяснить, каковы будут цены. Приходится вести переговоры, составлять контракты, проводить проверки, улаживать разногласия и т. д. Эти затраты теперь получили название «транзакционные издержки». Их существование означает, что альтернативные рынку методы координации, которые сами по себе связаны с определенными затратами и во многих отношениях несовершенны, могут тем не менее оказаться предпочтительнее опоры на ценовой механизм, единственный метод координации обычно анализируемый экономистами. Именно стремлением избежать издержек осуществления

6. Более полное описание этих событий можно найти в кн.: Oliver E. Williamson and Sidney G. Winter, eds. *The Nature of the Firm, Origins, Evolution and Development* (1991), p. 34–47. Рус. пер.: *Природа фирмы* / Под. ред. О. И. Уильямсона и С. Дж. Уинтера. М.: Дело, 2001. С. 53–74.

транзакций посредством рынка можно объяснить существование фирмы, в которой размещение факторов производства осуществляется посредством административных решений (и я считал, что оно этим объясняется).

В «Природе фирмы» я утверждал, что в конкурентной системе должен существовать некий оптимальный объем планирования, поскольку фирма, своего рода маленькое плановое сообщество, может продолжить свое существование, только если она выполняет свою координирующую функцию с меньшими издержками, чем в том случае, когда координация осуществляется посредством рыночных транзакций, а также с меньшими издержками, чем эта же функция может выполняться другой фирмой. Для того чтобы иметь эффективную экономическую систему, необходимо наличие не только рынков, но и сфер планирования внутри организаций адекватного размера. Характер этого сочетания определяется в результате конкуренции. Именно это я и утверждал в статье 1937 года. Однако, как видно из сохранившегося письма, написанного мной в 1932 году, основные черты этих рассуждений уже содержались в лекции, которую я прочитал в Данди в начале октября 1932 года⁷. Мне был тогда двадцать один год, и мир сиял в лучах солнца. Я и вообразить себе не мог, что лет через шестьдесят эти идеи станут главным основанием для присуждения мне Нобелевской премии. Странно быть награжденным на девятом десятке за работу, сделанную в двадцать с небольшим.

Нет сомнений, что признание экономистами важности роли фирмы в функционировании экономики побудит их более пристально исследовать деятельность фирмы. Работа Оливера Уильямсона и других авторов привела к лучшему пониманию факторов, управляющих тем, что делает фирма и как она это делает. Мы также можем надеяться узнать в будущем гораздо больше из исследований деятельности фирм, которые недавно начали осуществляться Центром экономических исследований при Бюро переписи населения (Bureau of the Census) США. Но было бы ошибкой думать, что наиболее важным последствием выхода в свет «Природы фирмы» для экономической науки стало привлечение внимания к значению фирмы в современ-

7. Ibid., p. 34-35.

ной экономике: к этому результату, я думаю, мы бы пришли в любом случае. По моему мнению, в будущем важнейшим вкладом данной статьи в экономическую науку будет считаться явное включение трансакционных издержек в экономический анализ.

В «Природе фирмы» я утверждал, что существование трансакционных издержек ведет к возникновению фирмы. Но их эффект распространяется на всю экономику. Бизнесмены, принимая решения о способах ведения дел и о том, что производить, должны учитывать трансакционные издержки. Если издержки осуществления обмена превышают выигрыш, который принесет этот обмен, то обмен не будет иметь места и не будет достигнут большой объем производства, являющийся следствием специализации. Таким образом трансакционные издержки воздействуют не только на контрактные соглашения, но и на то, какие товары и услуги будут производиться. Если не включать в теорию трансакционные издержки, то многие аспекты функционирования экономической системы не будут объяснены, в том числе и возникновение фирмы, но еще многое помимо этого. Фактически значительная часть всего, что мы считаем экономической деятельностью, направлена на устранение препятствий, которые в противном случае воздвигли бы высокие трансакционные издержки, или на такое снижение трансакционных издержек, чтобы индивиды могли договариваться между собой и можно было пользоваться преимуществами того рассредоточенного знания, о котором говорит Хайек.

Мне известен только один раздел экономической науки, где трансакционные издержки использовались для объяснения важной характеристики экономической системы. Он относится к вопросам эволюции и использования денег. Адам Смит указывал на препятствия для торговли, которые могут возникнуть в экономической системе, где есть разделение труда, но весь обмен осуществляется в форме бартера. В этом случае никто не мог бы ничего купить, если сам не обладает чем-то нужным производителю. Эту трудность, объясняет Смит, можно преодолеть путем использования денег. При бартерной системе человек, желающий купить что-либо, должен найти кого-то, имеющего этот товар для продажи, но при этом желающего приобрести товары, находящиеся в собственности потенциального покупателя. Точно так же человек, который хочет продать что-либо,

должен найти кого-то, желающего приобрести то, что этот человек может ему предложить, и одновременно обладает чем-то нужным потенциальному продавцу. Обмен в бартерной системе требует того, что Джевонс назвал «двойным совпадением».

Ясно, что поиск партнеров по обмену с подходящими характеристиками будет, скорее всего, весьма дорогостоящим, и поэтому многие потенциально выгодные обмены не состоятся. Выгода, которую приносит использование денег, состоит именно в уменьшении трансакционных издержек. Использование денег снижает трансакционные издержки еще и тем, что облегчает составление контрактов и уменьшает количество товаров, которое требуется хранить для целей обмена. Однако природа выгод, обеспечиваемых использованием денег, судя по всему, отходит для экономистов на задний план, а того факта, что имеются и другие экономические феномены, вызванные необходимостью смягчить трансакционные издержки, похоже, не замечают.

Теперь я обращусь к другой статье, отмеченной Шведской академией, — к опубликованной около тридцати лет назад «Проблеме социальных издержек». Я не буду здесь подробно останавливаться на ее влиянии на исследования в области права, которое было огромным, а в основном рассмотрю ее влияние на экономическую науку, которое не было столь значительным, хотя я уверен, что со временем оно будет таковым. По моему мнению, примененный в статье подход в конечном итоге трансформирует структуру микроэкономики — и я объясню, почему это произойдет. Я должен добавить, что при написании этой статьи я не преследовал столь общей цели. Я думал, что всего лишь демонстрирую слабости подхода А. С. Пигу к анализу расхождения между частным и общественным продуктом, который стал общепринятым у экономистов. Лишь позднее, отчасти в результате бесед со Стивеном Ченом в 1960-е годы, я пришел к пониманию общего значения написанного мной в этой статье для экономической теории, а также более четко увидел вопросы, требующие дальнейшего исследования.

Вывод Пигу, как и большинства экономистов, опирающихся на стандартную экономическую теорию, состоял (и, пожалуй, состоит до сих пор) в том, что для сдерживания тех, чьи действия наносят ущерб другим (этот ущерб часто именуют негативными внешними эффектами), требуется некое действие правительства (обычно речь идет о налого-

обложении). В этой статье я показал, как мне думалось, что в режиме нулевых транзакционных издержек, являющихся допущением стандартной экономической теории, переговоры между сторонами приведут к заключению таких соглашений, которые максимизируют богатство, независимо от первоначального распределения прав. Это и есть пресловутая «теорема Коуза», название и формулировка которой принадлежат Стиглеру, хотя базируется она на моей работе. Стиглер утверждает, что теорема Коуза вытекает из стандартных допущений экономической теории. Логика ее неоспорима, чего нельзя сказать о сфере ее применения⁸. У меня нет разногласий со Стиглером. Однако я склонен считать теорему Коуза ступенью на пути к анализу экономики с положительными транзакционными издержками. Для меня значение теоремы Коуза состоит в том, что она подрывает систему Пигу. Поскольку в стандартной экономической теории транзакционные издержки предполагаются равными нулю, теорема Коуза демонстрирует, что в данных обстоятельствах рецепты Пигу не являются необходимыми. Конечно, это не означает, что, когда транзакционные издержки положительны, действия правительства (такие как государственное управление, регулирование или налогообложение, включая субсидирование) не могут дать лучшего результата, чем переговоры между индивидами на рынке. Так ли это на самом деле, можно установить, изучая деятельность реальных, а не воображаемых правительств. Мой вывод таков: давайте изучать мир положительных транзакционных издержек.

Если мы переместимся от режима с нулевыми транзакционными издержками к режиму с положительными транзакционными издержками, то сразу же проявится решающее значение правовой системы в этом новом мире. В «Проблеме социальных издержек» я объяснял, что на рынке торгуют не материальными предметами, как часто предполагают экономисты, а правами осуществлять определенные действия, права же, которыми обладают индивиды, устанавливаются правовой системой. В то время как в гипотетическом мире нулевых транзакционных издержек мы можем представить себе ситуацию, когда в ходе обмена стороны

8. George J. Stigler, «Two Notes on the Coase Theorem», *Yale Law Journal* (December 1989), p. 631–633.

могут вести переговоры об изменении любого положения закона, мешающего им предпринимать те или иные шаги, требуемые для повышения ценности продукции, в реальном мире положительных трансакционных издержек такого рода процедура будет исключительно дорогостоящей, и даже там, где она дозволена, подобная контрактация в обход закона будет в значительной мере нерентабельной. По этой причине права, которыми обладают индивиды, наряду с их привилегиями и обязанностями, в значительной степени будут определяться законом. В результате правовая система станет оказывать глубокое воздействие на работу экономической системы и, можно сказать, в определенных аспектах контролировать ее.

Разумеется, желательно, чтобы правами наделялись те, кто может наиболее продуктивно их использовать и у кого есть стимулы это делать. Желательно также, для выявления (и поддержания) такого распределения прав, чтобы издержки передачи прав были низкими, что достигается при ясности закона и не очень обременительных юридических требованиях к передаче прав. Поскольку все это можно осуществить только при наличии соответствующей системы прав собственности (и при гарантированности этих прав), легко понять, почему так много ученых-правоведов (по крайней мере в США) нашли столь привлекательной задачу выяснения характера системы прав собственности и почему в американских школах права так процветает предмет «право и экономика». Действительно, работа продвигается такими темпами, что я не считаю чрезмерно оптимистичной уверенность в том, что основные направления исследований в этой области сформируются уже в ближайшие пять-десять лет.

До совсем недавнего времени большинство экономистов, похоже, если и осознавали наличие связей между экономической и правовой системами, то разве что в самом общем виде. Фондовая и товарная биржи часто используются экономистами в качестве примеров совершенной или почти совершенной конкуренции. Но сами эти биржи весьма детально регулируют деятельность торговцев (не говоря уже о том, что возможно еще и какое-то государственное регулирование). Администрация биржи устанавливает, чем можно торговать, когда можно торговать, условия ликвидации сделки и т. д. По сути, здесь действует своего рода частное право. Без таких правил и инструкций быстрое за-

ключение сделок было бы невозможно. Конечно, когда торговля происходит за пределами бирж (а почти вся торговля там и происходит), дельцы рассредоточены в пространстве и их интересы сильно расходятся, как в случае оптовой и розничной торговли, такое частое право установить трудно, и их деятельность регулируется законами государства.

Для экономистов не имеет большого смысла обсуждать процесс обмена, не уточняя институциональной среды, в рамках которой происходит торговля, ибо эта среда воздействует и на стимулы производства, и на издержки заключения сделок. Думаю, теперь это начали признавать, а особенно ясно это стало в свете нынешних событий в Восточной Европе. Безусловно, ушло то время, когда экономисты могли во всех подробностях анализировать двух индивидов, обменивающих на краю леса орехи на ягоды, и считать такой анализ процесса обмена полным, хотя и он может проливать свет на некоторые аспекты торговли. Процесс контрактации следует изучать в том виде, в котором он существует в реальном мире. Тогда мы узнаем, с какими проблемами приходится сталкиваться и как их преодолевать, и перед нами наверняка откроется обилие институциональных альтернатив, между которыми мы должны сделать выбор.

Оливер Уильямсон приписывает игнорирование или ограниченное использование основной идеи «Природы фирмы» тому обстоятельству, что этой идее не был придан «операциональный» вид. Он имеет в виду, что концепция трансакционных издержек не была интегрирована в общую теорию. Думаю, это верно. На то есть две причины. Во-первых, было бы весьма затруднительно интегрировать трансакционные издержки в стандартную экономическую теорию, которая основывается на допущении о том, что они равны нулю. Экономисты, которые, подобно большинству ученых, по словам Томаса Куна, крайне консервативны в своей методологии, не склонны к такого рода попыткам. Во-вторых, и Уильямсон также отмечал это, хотя я поступил правильно, сделав центральным моментом анализа выбор между организацией внутри фирмы и организацией посредством рынка, я не указал, какими факторами определяется результат такого выбора, и тем самым создал затруднения для других, которые будут строить на том, что часто именуют «фундаментальным открытием». Это тоже верно. Но взаимосвязи, управляющие комбинацией рынка

и иерархии в терминах Уильямсона, исключительно сложны, и при нашем нынешнем уровне невежества выявить эти факторы нелегко.

Мы нуждаемся в увеличении числа эмпирических исследований. В статье, написанной для конференции Национального бюро экономических исследований, я объяснил, почему я так думаю. Вот что я сказал: «Вдохновенный теоретик может обойтись и без такой эмпирической работы, но я полагаю, что вдохновение скорее придет, когда есть стимулы в виде устойчивых соотношений, загадок и аномалий, обнаруженных систематическим сбором данных, особенно если есть прямая нужда сломать сложившиеся стереотипы мышления»⁹. Это утверждение было сделано в 1970 году. Я до сих пор думаю, что в своей основе оно остается верным. Хотя в семидесятые и восьмидесятые годы было проведено много интересных и важных исследований и теперь мы определенно знаем гораздо больше, чем знали в 1970 году, трудно сомневаться, что требуется еще больше эмпирической работы. Однако я пришел к выводу, что главное препятствие, стоящее перед исследователями в теории отраслевых рынков, — нехватка доступных данных о контрактах и деятельности фирм. Именно поэтому я решил кое-что предпринять для решения данного вопроса.

Полагая, что в США огромное количество данных о контрактах и деятельности фирм находится в правительственных департаментах и агентствах в Вашингтоне, округ Колумбия, и что эта информация в значительной степени остается неизвестной экономистам, я организовал летом 1990 года конференцию в Школе права Чикагского университета. На этой конференции правительственные чиновники представили доклады, в которых сообщили о том, какой информацией они располагают и как получить к ней доступ, а также о некоторых исследованиях, проведенных в их департаментах. Аудитория состояла из ученых-экономистов. Как отметил один из коллег, это был тот случай, когда предложение удовлетворяет спрос. Материалы этой конференции были опубликованы в специальном выпуске *Journal of Law and Economics*¹⁰.

9. R. H. Coase, *The Firm, the Market, and the Law* (1988), p. 71. Рус. пер.: Коуз Р. *Фирма, рынок и право*. М.: Дело, 1993. С. 66.

10. *Journal of Law and Economics* 34 (2), pt. 2 (October 1991).

Другое мероприятие, к которому я имею отношение, — создание Центра изучения контрактов и структуры предприятия при Школе бизнеса Питсбургского университета. Этот центр будет формировать обширные собрания коммерческих контрактов и готовить базы данных, доступные для всех исследователей независимо от учреждения, в котором они работают. Не забудем и о работе, которая начнется в Центре экономических исследований при Бюро переписи населения.

Большая доступность информации и поддержка, которую получили все исследователи институциональной структуры производства благодаря присуждению мне Нобелевской премии, приведут к сокращению изящного, но бесплодного теоретизирования, столь частого в экономической литературе по теории отраслевых рынков, и подтолкнут исследования, повышающие уровень нашего понимания работы реальной экономической системы.

Иногда мои высказывания интерпретировали в том смысле, что я враждебно настроен к математизации экономической теории. Это неверно. На самом деле, как только мы начнем выявлять реальные факторы, влияющие на функционирование экономической системы, сложные взаимосвязи между ними, очевидно, потребуют математической обработки, как в естественных науках, а пишущим прозой экономистам, подобным мне, придется откланяться. Скорее бы настало такое время.

Я очень хорошо понимаю, что многие экономисты, которых я уважаю и которыми восхищаюсь, не согласятся с высказанными мною мнениями, а некоторые мои высказывания, возможно, даже обидят их. Однако ученый должен смириться с тем, что все ложное в его высказываниях будет быстро обнаружено, а что касается истинного, то он может рассчитывать в конечном итоге увидеть, как эти истины будут признаны, но только если проживет достаточно долго.

Глава 2

Как экономисты должны делать выбор?¹

Я БЫЛ близко знаком с Уорреном Наттером в период работы в Виргинском университете. Я восхищался тщательностью, с которой он проводил свои исследования, добросовестностью, с которой он исполнял свои академические обязанности, а также мужеством, которое он проявлял, делая то, что он считал правильным. Уоррен Наттер был не только замечательным экономистом, что редкость, но и по-настоящему нравственным человеком, что встречается еще реже. Фрэнк Найт, который так восхищался Уорреном Наттером, говорил нам, что «основной принцип науки — истина или объективность — по существу является моральным принципом, в противоположность любой форме собственного интереса. Предпосылки объективности — честность, компетентность и скромность»². Честность, компетентность и скромность — три этих качества определяют характер Уоррена Наттера. Он знал, что в экономических делах люди в основном мотивируются личным интересом, но считал, что он не является их единственной мотивацией, и, несомненно, полагал, что он и не должен ею быть. В своих собственных действиях Уоррен Наттер проявлял столько же заботы о других, сколько и о самом себе. Я знал его как абсолютно надежного коллегу и друга. Нам очень по-

1. Третья лекция по политической экономии в честь Уоррена Наттера, прочитанная 18 ноября 1981 года в Американском институте предпринимательства для исследований общественной политики (American Enterprise Institute for Public Policy Research), Вашингтон. Опубликовано Американским институтом предпринимательства отдельной брошюрой и переиздана в: *Ideas, Their Origins and Their Consequences*, edited by Frank S. Kaulback, Jr. (1988). Печатается здесь с разрешения Американского института предпринимательства.

2. Frank H. Knight, *Freedom and Reform* (New York: Harper & Brothers, 1947), p. 244.

везло, что он посвятил себя служению экономической науке. Мы все у него в долгу.

Приглашение прочесть лекцию в память об Уоррене Наттере — большая честь. Однако нелегко подготовить лекцию такого уровня, который позволил бы по-настоящему почтить память Уоррена Наттера. Кроме того, существует проблема выбора соответствующей случаю темы. Тем не менее я выражаю надежду, что преуспел в этом, и Уоррен Наттер нашел бы, что вопросы, которые я буду обсуждать, заслуживают значительного интереса, и проявил бы симпатию к моей точке зрения.

Многие экономисты, возможно большинство, считают экономическую теорию наукой о человеческом выборе. И поэтому кажется вполне естественным, что мы должны рассмотреть то, как сами экономисты выбирают поддерживаемые ими теории. Наиболее известная трактовка этой проблемы принадлежит Милтону Фридмену, который в «Методологии позитивной экономической науки», своей самой популярной статье (что само по себе является несколько подозрительным обстоятельством), говорит нам «как решить, следует ли принять предложенную гипотезу или теорию как часть» позитивной экономической науки. Как вы все знаете, ответ, который он дает, состоит в том, что о ценности теории «следует судить по точности, широте охвата и согласованности с реальностью тех предсказаний, которые она дает... Конечная цель позитивной науки — выдвижение «теории» или «гипотезы», которая дает правильные и значимые... предсказания относительно еще не наблюдавшихся явлений»³.

Я должен сразу отметить, что не считаю ответ Милтона Фридмена удовлетворительным. Сказав это, я боюсь, что многие в данной аудитории будут склонны рассматривать мое заявление как «оскорбление величества». Но спешу их успокоить, потому что я убежден в том, что мой взгляд на этот вопрос более созвучен тем общим положениям Фридмена, которые выражены в «Капитализме и свободе» или «Свободе выбирать», чем тем, которые можно найти в «Методологии позитивной экономической науки».

3. Milton Friedman, «The Methodology of Positive Economics», in *Essays in Positive Economics* (Chicago: University of Chicago Press, 1953), p. 3–4, 7. Рус. пер.: Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // *THESIS*, 1994. Вып. 4. С. 21–23. (перевод изменен. — *Примеч. пер.*).

Я также должен добавить, что не претендую на хорошее знание философии науки. Такие слова, как «эпистемология», не отскакивают от моего языка. То, что я собираюсь сказать, основано на моих размышлениях о реальной практике экономистов.

Мнение о том, что о ценности теории следует судить исключительно по степени и точности ее предсказаний, представляется мне неправильным. Разумеется, из любой теории следуют определенные выводы. Она говорит нам, что если что-то случается, то этому последует что-то другое. И это правда, что большинство из нас не станет ценить теорию, если мы не думаем, что эти выводы соответствуют тому, что происходит в реальной экономической системе. Однако теория это не расписание самолетов или автобусов. Мы не заинтересованы просто в точности ее прогнозов. Теория также служит основой для того, чтобы думать. Она позволяет нам понять, что происходит, помогая организовать наши мысли. Столкнувшись с выбором между теорией, которая хорошо предсказывает, но дает нам мало понимания того, как работает система, и теорией, которая дает нам это понимание, но предсказывает плохо, я предпочту последнюю, и я склонен думать, что большинство экономистов сделают то же самое. Несомненно, они будут уверены, что в конечном счете эта теория позволит нам сделать предсказания о том, что произойдет в реальном мире, но, поскольку эти прогнозы возникнут позднее (и, возможно, будут посвящены другим вещам), утверждение о том, что выбор между теориями зависит от их предсказательной силы, становится совершенно сомнительным.

Фридмен расширяет свою аргументацию, утверждая, что о теориях не следует судить по реалистичности их предположений. Позвольте мне процитировать его слова:

Рассмотрим расположение листьев в кроне дерева. Я выдвигаю гипотезу, что листья расположены так, будто каждый лист сознательно стремится максимизировать количество получаемого им солнечного света при данном расположении его соседей, как будто он знает физические законы, определяющие количество солнечного света, которое было бы получено в различных положениях, и может быстро или мгновенно перемещаться из любого положения в любое другое желаемое и незанятое место <...> Вопреки очевидной ложности «предположений» гипотезы, она обладает большим

правдоподобием, поскольку ее следствия согласуются с наблюдениями⁴.

Давайте будем считать правдой, что предпосылка о том, что лист подписывается на *Scientific American* и на *Journal of Molecular Biology* и понимает содержание этих журналов, позволяет нам предсказать, каково будет распределение листьев на дереве. Подобная теория, тем не менее, даст нам очень плохую основу для размышлений о листьях (или деревьях). Наша проблема в том, чтобы объяснить, как листья распределяются на дереве, учитывая отсутствие у них разума. Подобным образом, если взять пример из экономики, мы могли бы предсказать на протяжении последних нескольких лет, какова была бы политика американского правительства в области нефти и природного газа, если бы мы предположили, что целью американского правительства является увеличение мощи и доходов стран ОПЕК и снижение уровня жизни в США. Однако я уверен, что мы предпочли бы теорию, объясняющую, почему американское правительство, которое предположительно не хотело бы прийти к подобным результатам, проводило противоречащую американским интересам политику. Проверяемые прогнозы это еще не все, что имеет значение. И реализм в наших предпосылках необходим, если наши теории необходимы для понимания того, почему система работает так, как она работает. Реализм предпосылок заставляет нас анализировать существующий мир, а не некий воображаемый мир, которого не существует.

Разумеется, наши предпосылки не должны быть совершенно реалистичными. Одни факторы приходится оставлять в стороне, потому что мы не знаем, как с ними работать. Другие мы исключаем, потому что нам кажется, что выгоды от более полной теории не покроют издержек, связанных с их включением. Включение этих факторов может, например, значительно усложнить анализ, не давая нам значительного улучшения в понимании того, что происходит. Повторю еще раз, предпосылки о других факторах не должны быть реалистичными, потому что они совершенно несущественны. Если мы хотим показать, как применение законодательства о минимальной заработной плате сказывается на уровне безработицы среди менее

4. Ibid., p. 19–20. В рус. пер. с. 32–33.

производительных рабочих, нет необходимости быть точным в определении того, каким именно способом осуществляется налогообложение прироста капитала. Существуют веские причины, по которым предпосылки наших теорий не должны быть совершенно реалистичными, но это не значит, что мы должны потерять связь с реальностью.

Теперь я обращаюсь к тому, что представляет, на мой взгляд, наиболее странный аспект «Методологии позитивной экономической науки». То, что дано нам в этой статье, совершенно не является позитивной теорией. По моему убеждению, это лучше всего интерпретировать как нормативную теорию. Нам дана не теория того, как экономисты в действительности выбирают между конкурирующими теориями, но, если я не совсем ошибаюсь, теория того, как экономисты должны выбирать. Когда Фридмен говорит, что «конечной целью позитивной науки является выдвижение „теории“ или „гипотезы“, которая дает правильные и значимые... предсказания относительно еще не наблюдавшихся явлений», я не могу не заметить, что наука не имеет целей, только индивиды имеют цели. Если принять критерий Фридмена как позитивную теорию, то надо показать, что отдельные экономисты действительно делают выбор между конкурирующими теориями в соответствии с этим критерием. Я покажу трудность такой интерпретации аргументации Фридмена, рассмотрев три эпизода. Все они произошли в мои молодые годы, и в отличие от более поздних событий я их живо помню. Эти эпизоды имели место в 1930-х годах, когда экономисты изменили свои воззрения, то есть изменились теории, которые они поддерживали. В основном я буду говорить о том, что произошло в экономической теории в Англии, но для того времени это означало, в очень значительной степени, что эти события имели отношение ко всей экономической науке.

Первый эпизод, о котором я расскажу, имел местное значение, но экономисты, которые были в него вовлечены, были одними из самых лучших в мире. В феврале 1931 года Фридрих Хайек прочитал в Лондонской школе экономики (London School of Economics — LSE) серию публичных лекций на тему «Цены и производство», а в сентябре 1931 года эти лекции были опубликованы отдельной книгой. Несомненно, это была самая успешная серия публичных лекций из прочитанных в LSE во время моего там пребывания, она превосходила даже блестящие лекции Якоба Винера

о теории международной торговли. Аудитория, несмотря на трудности понимания Хайека, была покорена. Нам показалось, что содержание этих лекций имеет большое значение, они заставили нас увидеть то, о чем мы ранее не подозревали. Прослушав их, мы узнали, почему возникла депрессия.

Большинство студентов, изучавших экономику в LSE, и многие сотрудники стали сторонниками Хайека или, во всяком случае, стали включать элементы его подхода в свои собственные исследования. С самонадеянностью молодости я сам изложил хайековский анализ преподавателям и студентам Колумбийского университета (Columbia University) осенью 1931 года. Теперь мне кажется странной та легкость, с которой Хайек завоевал LSE. Я думаю, что отчасти это было результатом недостаточной точности существующего анализа или, во всяком случае, нашего его понимания, так что анализ Хайека, казалось, давал хорошо организованный и плодотворный способ мышления о работе экономической системы как единого целого. Насколько я могу судить, если хайековский анализ и делал предсказания, то только в том смысле, что он объяснял причины возникновения депрессии. Чтобы показать, что это на самом деле так, Лайонел Роббинс опубликовал в 1934 году «Великую депрессию», единственную из его работ, о написании которой, по его более позднему признанию, он сожалел⁵.

Следующий эпизод, который я рассмотрю, никак нельзя назвать имеющим локальное значение, хотя я и наблюдал его из LSE. Речь пойдет о всемирном феномене, о кейнсианской революции. Я не буду говорить о ее значении — она признается подавляющим большинством экономистов. Мне достаточно процитировать утверждение Джона Хикса: «Кейнсианская революция — очевидный пример великой революции [в экономической теории]; существует не более двух или трех других, которые можно было бы сравнить с ней»⁶.

Если в случае Хайека я полагал (ошибочно), что понимаю происходящее, то в отношении Кейнса у меня никогда не было такой иллюзии. К тому времени я был полностью

5. Lord Robbins, *Autobiography of an Economist* (London: Macmillan, 1971), p. 154, 160.

6. Sir John Hicks, «'Revolutions' in Economics», in Spiro Latsis, ed., *Method and Appraisal in Economics* (Cambridge: Cambridge University Press, 1976), p. 208.

погружен в то, что сейчас называется микроэкономикой. Об этом периоде я помню только то, что все, что я говорил, было неправильным, поскольку сбережения равны инвестициям. К счастью, мне не требуется слишком углубляться в сущность «Общей теории» Кейнса, сколько понять причины ее признания в профессиональном сообществе экономистов. В этом Кейнс, безусловно, был триумфатором. Кроме того, это признание не заняло много времени. «Общая теория» была опубликована в феврале 1936 года. Хотя некоторые из ранних отзывов были неприязненными или равнодушными, очень скоро стало понятным, что профессиональное сообщество в своем большинстве собирается принять кейнсианский подход. Абба Лернер, например, опубликовал свою влиятельную оценку кейнсианской системы в *International Labour Review* в октябре 1936 года. Как отметил Пол Самуэльсон,

«Общая теория» захватила большинство экономистов в возрасте до тридцати пяти лет, подобно неожиданной эпидемии, распространяющейся среди изолированного племени островитян в южных морях. Экономисты за пятьдесят обнаружили некоторый иммунитет к болезни. Со временем, большинство экономистов среднего возраста были затронуты этой лихорадкой, часто не осознавая или не признавая своего состояния⁷.

Я не могу ручаться за точность, с которой Самуэльсон ставит реакцию экономистов в США на «Общую теорию» Кейнса в зависимость от их возраста. Но прямого отношения к событиям в Англии это не имеет. В действительности в 1936 году здесь было очень мало экономистов старше пятидесяти лет. Среди кембриджских исследователей или тех, кто был связан с Кейнсом, когда появилась «Общая теория», кроме самого Кейнса, которому было пятьдесят два, только Артур Пигу был старше пятидесяти, и оказалось, что у него не было иммунитета к кейнсианской «болезни» по определению Самуэльсона. Д. Х. Робертсону было тогда сорок пять, Р. Ф. Харроду — тридцать шесть, Джоан Робинсон — тридцать два, Ричарду Кану — тридцать, Дж. Э. Миду — двадцать восемь. Экономисты в LSE были

7. Paul A. Samuelson, «The General Theory», in Robert Lekachman, ed., *Keynes' General Theory: Reports of Three Decades* (New York: St. Martin's Press, 1964), p. 315–316.

еще моложе. Во время публикации «Общей теории» Роббинсу было тридцать семь, Хайеку — тридцать шесть, Хиксу — тридцать один, Лернеру — тридцать два, а Николасу Калдору — двадцать семь.

Зависело ли принятие кейнсианской системы анализа от возрастного распределения экономистов в Британии или нет, ее успех был таков, что к началу войны в 1939 году ее можно было назвать ортодоксальным подходом британских экономистов. Действительно, Роббинс, как директор Экономической секции администрации Военного кабинета (War Cabinet Office), с энтузиазмом поддерживал предложения по вопросам политики занятости выпущенной в 1944 году Белой книги. А сэр Уильям Беверидж, который критиковал «Общую теорию» в 1937 году как не подкрепленную фактами, опубликует свою «Полную занятость в свободном обществе» также в 1944 году, при содействии ряда кейнсианцев, включая Калдора.

Быстрое признание кейнсианской системы произошло, по моему мнению, потому что ее анализ, выраженный в терминах определяющих значений эффективного спроса, казалось, приблизился к пониманию сути того, что происходит в экономической системе, и его было легче понять (по крайней мере в его общих чертах), чем альтернативные теории. То, что кейнсианская система предложила лекарство от безработицы, не требуя никаких жертв, предоставила ясно определенную роль правительству и политику, которую легко осуществить (как тогда казалось), добавило ей привлекательности. Вряд ли можно утверждать, что кейнсианский анализ был принят, потому что он давал точные «предсказания относительно еще не наблюдавшихся явлений». Действительно, Кейнс претендовал на то, чтобы продемонстрировать, что экономическая система может функционировать так, что это приведет к устойчивой массовой безработице. Однако массовую безработицу в 1930-х годах нельзя было охарактеризовать как «еще не наблюдавшееся явление». К тому же необходимо иметь в виду, что и альтернативная теория, которая была вытеснена (по крайней мере в LSE), то есть теория Хайека, объясняла почему экономическая система может функционировать таким образом, что это приведет к массовой безработице. Кейнсианский анализ был принят в основном потому, что он был понятнее большинству экономистов. Или, как я отмечал ранее, этот анализ предложил лучшую основу для размыш-

лений о проблемах работы экономической системы как единого целого. И для большинства из тех экономистов, кто меньше заботился о тонкости анализа, рекомендации Кейнса в области экономической политики, несомненно, стали достаточным основанием для того, чтобы принять его теорию и отвергнуть теорию Хайека.

Третий эпизод, который я рассмотрю, связан с изменением способа анализа экономистами работы конкурентной системы после публикации в 1933 году «Теории монополистической конкуренции» Эдварда Чемберлина и «Экономической теории несовершенной конкуренции» Джоан Робинсон. Эти книги были, по словам Джорджа Стиглера, «приняты с энтузиазмом»⁸. Роберт Л. Бишоп, возможно, несколько преувеличил, но не слишком, когда писал в 1964 году, что существовало «согласие среди экономистов», что эти две книги «вызвали в 1933 году теоретическую революцию, относительное значение которой в микроэкономической области было сопоставимо с кейнсианским анализом в макроэкономике»⁹. Эти книги, безусловно, имели мгновенный успех, а их содержание было быстро воспринято и стало использоваться экономистами, интересующимися теорией ценообразования. Например, хотя эти книги появились в 1933 году, уже в середине 1934 года я закончил статью, в которой использовал геометрический анализ миссис Робинсон для того, чтобы разъяснить и расширить трактовку дуополии Чемберлина, и переписывался как с ним, так и с миссис Робинсон. Эта статья, «Пересмотр проблемы дуополии», была опубликована в *Review of Economic Studies* в 1935 году. Примерно в то же время Калдор написал свою статью «Несовершенство рынка и избыток производственных мощностей», которая также была опубликована в 1935 году в журнале *Economica*. Я не сомневаюсь, что подобная активность среди экономистов, писавших о теории ценообразования, была и в США.

Быстрое принятие этих новых подходов было в значительной степени обусловлено весьма неудовлетворитель-

8. George J. Stigler, «Monopolistic Competition in Retrospect», in *Five Lectures on Economic Problems* (London: London School of Economics, and Longmans, Green and Co., 1949), p. 12.

9. Robert L. Bishop, «The Theory of Imperfect Competition after Twenty Years: The Impact on General Theory», *American Economic Review* 54 (May 1964), p. 33.

ным состоянием существующей теории ценообразования. Такое состояние теории очевидно продемонстрировала полемика в *Economic Journal* в 1920-е годы и, возможно, в особенности опубликованная в 1926 году статья Пьеро Сраффы. Выявленные в этих дискуссиях дилеммы направили нас на путь поиска их решения. Новые книги Чемберлина и миссис Робинсон, начинавшие анализ с принятия решений отдельными фирмами и использовавшие новые аналитические инструменты, такие как графики предельного дохода, казалось, предложили выход из ситуации. Они, несомненно, дали нам многое из того, что можно начертить на классной доске и объяснить нашим студентам. Они расширили наш аналитический аппарат. Казалось, они дали нам лучшее понимание конкурентной системы, было ли это действительно так — другое дело.

Мой собственный взгляд на вклад этих книг в развитие теории не слишком отличается от мнения Стиглера, выраженного в его лекции «Монополистическая конкуренция в ретроспективе», опубликованной в 1949 году. Но особенно интересным и полезным, учитывая вопросы которые я обсуждаю, является то, что в этой лекции Стиглер оценивает теорию монополистической конкуренции Чемберлина, используя методологические принципы Фридмена. Он утверждает, что теория Чемберлина должна быть принята «если она содержит отличные или более точные прогнозы (выявленные в результате наблюдения), чем теория конкуренции». Его собственное убеждение заключается в том, что «прогнозы стандартной модели монополистической конкуренции отличаются лишь в незначительной степени от предсказаний теории конкуренции». Он добавляет, однако, что «это вопрос факта, и он должен быть решен путем эмпирической проверки последствий двух теорий (задание, которое сторонники теории монополистической конкуренции еще не выполнили)»¹⁰.

Тот факт, что сторонники теории монополистической конкуренции не провели эмпирической проверки, чтобы сравнить прогнозы альтернативных теорий конкуренции (и, как я могу добавить, не похоже, чтобы подобные исследования были проведены за годы после выхода статьи Стиглера), свидетельствует в пользу того, что методология Фридмена является не позитивной, а нормативной теорией. Несомнен-

10. Stigler, «Monopolistic Competition», p. 24.

но, Стиглер использовал ее именно таким образом. Он не говорил, что сторонники теории монополистической конкуренции провели такую проверку, но сделали ее плохо и в результате пришли к неправильным выводам. Он говорил, что они вообще ее не проводили. А поскольку они должны были это сделать, то это заслуживает нашего неодобрения.

Если трактовать выбор теорий в соответствии с критерием Фридмена как позитивную теорию, то экономисты должны принять процедуру, которая во многом похожа на следующую. После разработки новой теории экономисты должны сравнить точность ее прогнозов, предпочтительно о «еще не наблюдавшихся явлениях», с прогнозами существующей теории и должны выбрать ту теорию, которая дала лучшие прогнозы. Ничего, даже отдаленно напоминающего эту процедуру, не произошло в тех трех эпизодах, которые я обсуждал, при этом два из них признаны как повлекшие действительно очень важные изменения в экономической теории. Прежде всего, в каждом случае новая теория была принята за период времени, который слишком короток для того, чтобы следовать такой процедуре. Я полагаю, что эти три случая можно считать достаточно типичными для процесса смены одной экономической теории другой. В значительной степени это так, поскольку я не верю, что этот процесс вообще может быть иным. Строгое следование критерию Фридмена в выборе теорий привело бы к полной парализации научной деятельности.

За исключением самых исключительных обстоятельств, данные, требуемые для проверки прогнозов новой теории (статистика и другая информация), будут недоступны или, если доступны, их форма не будет соответствовать требованиям такой проверки (и даже после придания необходимой формы потребуется множество манипуляций того или иного рода, прежде чем они будут способны дать требуемые прогнозы). И кто будет готов взять на себя эти трудные исследования? Тот, кто верит в новую теорию, может согласиться предпринять подобную проверку, чтобы убедить неверующих в том, что теория дает правильные прогнозы. Или тот, кто не верит в новую теорию, может провести эту проверку, чтобы убедить сторонников теории в том, что она не дает правильных прогнозов. Но для того чтобы осуществление проверки имело смысл, кто-то должен верить в теорию, по крайней мере в той степени, чтобы считать, что она вполне может быть правдой. Очень мало вы-

годы в том, чтобы предпринять исследование, ожидаемым результатом которого является демонстрация того, что никем не разделяемая теория дает неправильные прогнозы. И я сомневаюсь, что можно найти такого редактора профессионального журнала, который согласится опубликовать статью, содержащую результаты подобного исследования. Если все экономисты последуют принципу Фридмена в выборе теорий, нельзя будет найти такого экономиста, который поверит в теорию до ее проверки. Парадоксальным результатом будет отсутствие всяких проверок. Именно это я имел в виду, когда говорил, что принятие методологии Фридмена приведет к параличу в научной деятельности. Работа, безусловно, может продолжиться, но перестанут возникать новые теории.

Однако мир не таков. Экономисты, во всяком случае достаточно многие из них, не ждут, пока выяснится, действительно ли предсказания теории точны, прежде чем составить свое мнение. При условии, что это так, какую роль играет проверка предсказаний теории в экономике? Прежде всего, очень часто она вообще не играет никакой роли или ее роль незначительна. В значительной степени экономическая теория, так называемая чистая теория (а это большая часть экономической теории), состоит из логических конструкций, основанных на таких простых предпосылках о человеческой природе, что их трудно поставить под сомнение. Вот пример такой предпосылки: столкнувшись с выбором между 100 и 10 долларами, очень немногие выберут 10 долларов. Отсюда следуют предсказания такого рода, что если цена товара сократится, то спрос на него вырастет, или если вырастет цена, то повысится предложение. Но, конечно, что все это так, должно было быть известным до появления экономики как научной дисциплины. Другие части теории, и в особенности это относится к теории монополии, говорят нам, что если что-нибудь случится, то цена поднимется, опустится или останется той же, в зависимости от состояния спроса и издержек. Само собой разумеется, что подобные предсказания всегда точны. Можно утверждать, что эта теория способна только на то, чтобы сказать нам, поднимется ли цена, опустится или останется той же при заданном состоянии спроса и издержек, но на практике нелегко выяснить, каково реальное состояние спроса и издержек, и обычно оно определяется по результату, а не наоборот.

Некоторые из вас, возможно, склонны думать, что сказанное мной, без сомнения, также верно и в отношении экономической теории моей молодости, а в современной экономической теории, в результате массового использования количественных методов, дела обстоят совершенно иначе. Несомненно, многое изменилось. Но каким образом? То, что я собираюсь сказать, в значительной степени основано на количественных статьях из *Journal of Law and Economics* за период, когда я был его редактором, но я не сомневаюсь, что они отражают общую ситуацию в количественных исследованиях в экономике. Прежде всего, о многих из этих статей можно сказать, что они совершенно не проверяют теорию. Они измеряют определенный эффект, природа которого уже прочно установлена, но его величина неизвестна. Например, экономисты могут предположить, что государственный контроль над вступлением в банковскую деятельность приведет к сокращению числа банков, но без количественных исследований мы были бы не в состоянии оценить степень этого сокращения¹¹. Конечно, в дальнейшем могут быть развиты теории для объяснения того, почему некоторые величины больше, чем другие, и тогда такие исследования могут быть использованы для проверки таких теорий. Но, вообще говоря, на настоящий момент этого не происходит.

Другие статьи принимают форму проверки поддерживаемой автором теории: в них присутствует модель, далее регрессия, а затем выводы. Почти во всех случаях обнаруживается, что статистические результаты подтверждают теорию. Иногда случается, что некоторые из ожидаемых взаимоотношений не являются статистически значимыми, но обычно устанавливается, что они отражают нужное направление изменений. А когда полученные результаты противоречат теории, что иногда случается, эти результаты обычно не рассматриваются в качестве опровергающих теорию, но оставляются как нечто, требующее дальнейшего изучения. Я бы не стал утверждать, что подобные исследования никогда не приводят ученых к тому, чтобы изменить свои теории, но такие случаи представляются достаточно редкими.

Некоторые статьи, конечно, включают проверку альтернативных теорий, и это означает, что некоторые теории обязаны оказаться хуже. Но я сомневаюсь, что такие

11. См.: Sam Peltzman, «Entry in Commercial Banking», *Journal of Law and Economics* 8 (October 1965), p. 11-50.

исследования часто приводят к изменению мнения авторов. У меня сложилось впечатление, что эти количественные исследования почти неизменно опираются на теорию и что наиболее точно они могут быть охарактеризованы как изыскания при помощи теории. Почти во всех случаях теория существует до того, как проводятся статистические исследования, и теория не выводится из исследования.

Я не верю, что, как правило, экономисты могут действовать любым другим способом. В этой точке зрения меня укрепляет тот факт, что в естественных науках количественные методы, как оказывается, не используются существенно иначе, чем в экономической теории. В этом месте я должен выразить мою признательность Томасу Куну.

Впервые я услышал, как Милтон Фридмен излагает свои воззрения на методологию позитивной экономической науки однажды вечером в Лондоне, в компании Ральфа Тарви, перед тем как эссе Фридмена было опубликовано. Моя непосредственная реакция была неблагоприятной. Я высказал различные возражения против точки зрения Фридмена. Но «беспристрастный наблюдатель» Адама Смита, которого попросили бы сообщить об этих дебатах, сказал бы, что я проиграл каждый раунд. Какой бы аргумент я ни выдвинул, у Фридмена был более убедительный контраргумент. И все же я не был убежден. Так продолжалось до 1958–1959 годов, когда мы вместе с Куном были сотрудниками Центра перспективных исследований в области поведенческих наук в Стэнфордском университете (Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences at Stanford). Когда я познакомился со взглядами Куна, мне стало совершенно понятно, что они о методологической позиции Фридмена, которая мне не нравилась. Но в наибольшей степени на меня оказала влияние не аргументация, которая впоследствии появилась в знаменитой книге Куна «Структура научных революций» (хотя я в целом согласен с ее главной идеей), а то, что он говорил в более ранней статье «Функция измерений в современной физической науке», опубликованной в 1961 году¹². Среди прочего, эта статья дает ясное понимание того, что количественные методы используются в экономике по существу так же, как и в естественных науках.

12. Thomas S. Kuhn, «The Function of Measurement in Modern Physical Science», reprinted in *The Essential Tension* (Chicago: University of Chicago Press, 1977), p. 178.

Я говорил, что количественные исследования являются изысканиями при помощи теории. Рассмотрим, что писал Кун:

*Дорога от научного закона до научного измерения редко может быть пройдена в обратном направлении. Чтобы обнаружить количественную закономерность, исследователь, как правило, должен знать, какую закономерность он ищет, а его инструменты должны быть смоделированы соответствующим образом; даже в этом случае природа может не дать без усилий последовательные и поддающиеся обобщению результаты*¹³.

Я уже отмечал ранее склонность экономистов получать такие результаты, которые они ожидают получить от своей теории. В докладе, который я прочитал в Виргинском университете в начале 1960-х годов и на котором Уоррен Наттер, я полагаю, присутствовал, я сказал, что если вы будете достаточно пытаться данные, то природа всегда сознается. Эта поговорка в несколько измененном виде заняла свое место в статистической литературе. Кун сделал акцент более элегантно, и у него процесс выглядит как соблазнение: «Природа явно отвечает на теоретические предрасположенности, с которыми к ней подступает измеряющий ученый»¹⁴.

Я также заметил, что неспособность получить точное соответствие между теорией и количественными результатами обычно не рассматривается как требование отказаться от теории, скорее, несоответствия отбрасываются в сторону, как нечто требующее дальнейшего изучения. Кун говорит следующее: «Отдельные несоответствия... возникают настолько регулярно, что ни один ученый не сможет довести решение своих исследовательских проблем до конца, если он будет останавливаться на большинстве из них. В любом случае опыт неоднократно показывал, что в подавляющей части эти несоответствия исчезают при ближайшем рассмотрении»¹⁵. Именно поэтому Кун утверждает, что «эффективная процедура» заключается в том, чтобы их игнорировать, — вывод, с которым экономисты легко согласятся. Более того, Кун говорит:

Аномальные результаты наблюдения... не могут склонить [ученого] отказаться от его теории до тех пор, пока для ее замены не будет предложена другая. <...> В научной прак-

13. Ibid., p. 219 (выделено в оригинале).

14. Ibid., p. 200.

15. Ibid., p. 202.

тике настоящее решение проблем всегда предполагает сопоставление двух теорий друг с другом и с реальным миром, а не сопоставление единственной теории с реальным миром. В таких тройственных сопоставлениях измерение имеет особое преимущество¹⁶.

Это последнее утверждение Куна имеет особое значение для экономистов. Количественные исследования, как, впрочем, и качественные, могут дать тому, кто верит в теорию, лучшее представление о том, что из нее следует. Однако такие исследования (обычно количественные в естественных науках и все больше и больше в экономике) также играют, по замечанию Куна, другую и очень важную роль. Выбор, с которым сталкиваются экономисты, — это выбор между конкурирующими теориями. Подобные исследования, как количественные, так и качественные, выполняют функцию, которая аналогична функции рекламы и иной деятельности по продвижению товара на обычных рынках. Их целью является не только углубление понимания теории у тех, кто в нее верит, но и привлечение тех, кто в нее не верит, а также предотвращение отступничества существующих сторонников. Эти исследования демонстрируют возможности теории, а определенность количественных исследований позволяет им представить свою точку зрения в особенно убедительной форме. Здесь мы имеем дело с конкурентным процессом, в котором поставщики различных теорий пытаются продать свои товары.

Неспособность осознать, что мы имеем дело с конкурентной ситуацией, похоже, ввела в заблуждение даже такого опытного экономиста, как Дон Патинкин. Рассмотрим его замечание об этом:

Наличие высокой положительной корреляции между политическими взглядами ученого (или, что еще хуже, его научного руководителя) и его эмпирическими выводами порождает во мне очень скептическое отношение к состоянию нашей дисциплины. Я поверю в экономику как науку только тогда, когда в Йеле подготовят докторскую диссертацию, демонстрирующую превосходство монетарной политики на определенном историческом периоде, а в Чикаго — диссертацию, демонстрирующую превосходство фискальной политики¹⁷.

16. Thomas S. Kuhn, Op. cit., p. 211.

17. Don Patinkin, «Keynesian Monetary Theory and the Cambridge School», *Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review* (June 1972), p. 142.

Надеюсь, что Патинкин не считает, что эмпирические выводы фальсифицируются. Если бы это было так, то это было бы поводом для беспокойства. Хотя в экономической теории существуют, я полагаю, некоторые подтасовки, они должны быть достаточно редки и, конечно, нетипичны для Йеля и Чикаго. Патинкин выражает беспокойство о высокой положительной корреляции между политическими взглядами ученого и его эмпирическими выводами. Но так и должно быть. Я бы очень волновался, если бы существовала отрицательная корреляция: если бы, например, экономист из Йеля стал бы отстаивать применение мер фискальной политики, тогда как его диссертация продемонстрировала превосходство монетарной политики. Политические взгляды экономиста должны быть согласованы с результатами его эмпирических изысканий. В реальности Патинкина, по моему мнению, беспокоило то, что, согласно его наблюдениям, в Йеле и Чикаго приходят к разным эмпирическим выводам. Такие различия могут возникнуть потому, что исследователи в этих двух университетах используют различные методы оценки величины важных переменных в сферах, где измерение очень трудно. Но я не думаю, что это то, что Патинкин имел в виду.

Предположим, что Патинкин прав и что эмпирические выводы экономистов в Йеле и Чикаго неодинаковы. Это, несомненно, отражает разницу в их взглядах о том, как работает экономическая система, то есть разницу в теориях, поддерживаемых в двух университетах. Что, по объяснению Куна, неизбежно приводит к разнице в эмпирических выводах. Убежденность в том, что эмпирические выводы научных работников на всех экономических факультетах должны быть одинаковыми, может привести самонадеянную и невежественную администрацию университета к желанию разгромить экономический факультет, имеющий отличный характер, и попытаться переделать его так, чтобы он стал похожим на Йель (мало кто захочет, чтобы все экономические факультеты были похожи на Чикаго). Но это привело бы к посредственности этого университета, а также затруднило бы поиск истины в результате ограничения конкуренции.

Некоторые могут подумать, что я трактовал слова Патинкина слишком буквально и тем самым упустил возможность рассмотреть волновавшую его серьезную проблему. Это вполне может быть правдой. Ранее я сказал, что многие (если не большинство) экономисты выбрали бы примене-

ние одной теории, а не другой, потому что она предоставляет лучшую основу для размышлений. Экономисты, которые выбирают теории, используя этот критерий, не обязательно выберут одну и ту же теорию. Они могут интересоваться различными проблемами или, скорее, различными подходами к одной и той же проблеме, различными методами или использованием различных техник анализа, и все эти факторы могут привести их к тому, чтобы предпочесть одну теорию другой. Это не беспокоит меня. В этих случаях мало что должно быть сделано, кроме того, чтобы предоставить экономистам свободу выбора.

Однако существуют и другие мотивы выбора между теориями, дающие больше поводов для беспокойства. И я думаю, что именно эта обеспокоенность скрывается за несколько шутливым замечанием Патинкина. В публичных дискуссиях, в прессе и политике теории и выводы принимаются не для того, чтобы облегчить поиск истины, а потому что они приводят к определенным политическим заключениям. Теории и их выводы становятся оружием в пропагандистской войне. В экономической науке, предмет которой так тесно связан с государственной политикой, было бы удивительным, если бы некоторые из ученых-экономистов не применяли критерии политических дискуссий при выборе теорий, то есть выбирали теорию в зависимости от того, поддерживает ли она определенный вид политики (возможно, политику, отстаиваемую определенной политической партией). В то же время они могут принижать работу других экономистов, поскольку она представляется имеющей не-правильные политические выводы. Многие из нас, я в этом уверен, могут привести пример исследователя, делавшего серьезную работу и пострадавшего из-за того, что ее политические выводы считались неприемлемыми в его время.

Тем не менее, несмотря на такие случаи, бросается в глаза то, насколько незначительно воздействие подобного поведения в долгосрочном периоде. Для примера рассмотрим, как изменилось мнение ученых в отношении государственного регулирования. Около пятнадцати или двадцати лет назад экономисты, под влиянием Пигу и других, считали, что правительство стремится к благотворному исправлению ситуации, тогда как невидимая рука рынка действует в противоположном направлении. Их политические рекомендации предполагали необходимость значительного государственного регулирования. Исследования, прове-

денные в последующие годы, показали, что подобное регулирование часто не имеет никакого воздействия или его влияние противоположно ожиданиям и нередко служит интересам политически влиятельных групп. В результате большинство экономистов изменили свои взгляды на политику в соответствии с этими новыми выводами.

Можно было бы ожидать, учитывая серьезность ставок, что различные группы, активно представленные на политической арене, будут подстрекать экономистов высказывать мнения, обслуживающие их интересы. Не может быть никаких сомнений в том, что принадлежность экономистов к предпринимательским организациям, профсоюзам или политическим партиям, или даже их консультирование, угрожает научной чистоте. Несомненно, некоторые экономисты коррумпированы. Но мой опыт показывает, что коррупция такого рода, во всяком случае среди квалифицированных ученых-экономистов, очень редка либо вообще не существует. Стиглер говорит: «Я встречал глупых людей, как официальных, так и частных лиц, которые пытались купить мнения, но я не встречал и даже не слышал ни об одном случае, когда бы известный экономист продавал свои профессиональные убеждения». Стиглера явно беспокоит мысль, что это означает, что экономисты не максимизируют свои денежные доходы, поэтому он добавляет:

Когда мы пытаемся решить научную проблему, полностью ли стремление к поддержанию нашего собственного профессионального статуса затмевается нашей любовью к знанию?... Когда мы пишем статью, чтобы продемонстрировать заблуждения в чьей-то чужой работе, разве наше отвращение к ошибке никогда не смешивается с крошечной частицей ликования от возможности продемонстрировать наш собственный ум?¹⁸

Следовательно, если мы должны признать, что мы не максимизируем наши денежные доходы, мы можем, по крайней мере, утешить себя, утверждая, что мы максимизируем нашу самооценку. Верно также и то, что мы ценим уважение наших коллег. Как сказал Самуэльсон, «в долгосрочном периоде ученые-экономисты работают для единственного вознаграждения, которое стоит получить, — нашего

18. George J. Stigler, *The Intellectual and the Market Place* (New York: Free Press of Glencoe, 1963), p. 92.

собственного одобрения»¹⁹. Профессиональное положение экономиста зависит от работы, которая не может быть понята обычным человеком. Самуэльсон обязан своей репутацией не тем своим сочинениям, с которыми знакома широкая общественность, а научным трудам, которые были бы для нее совершенно непонятны.

Точно так же, как и для тех, кто работает в области естественных наук, деятельность экономистов регулируется или, по крайней мере, направляется профессиональными организациями (университетами или обществами) в таких аспектах, как разработка учебных курсов, требования к научным степеням, распределение исследовательских фондов, стандарты публикации и квалификационные требования для трудоустройства. Уважение и положение достигаются в результате работы, которая отвечает стандартам профессии экономиста. Подобное регулирование, выполняемое посредством профессиональных организаций, означает, что мы в весьма значительной степени изолированы от внешнего давления. Однако мы избегаем этой опасности, создавая другую. Эта другая опасность заключается в том, что применение подобных стандартов, воздействующих на читаемые курсы, исследовательские фонды, публикации и занятость, может быть настолько жестким, что создаст препятствия для развития новых подходов. При этом эти стандарты могут зависеть от политических соображений. Если это произойдет, вероятным ответом будет попытка сформировать новые профессиональные группы или перенести работу под другую опеку. Если профессиональная организация достаточно свободна, к чему стремится ситуация в США, а новый поход действительно перспективен, то такие усилия, возможно, увенчаются успехом. В этом отношении имеет определенное значение тот факт, что новое направление исследований, известное как «экономика и право», в весьма значительной степени получило развитие на юридических, а не на экономических факультетах, где несколько узкое понимание экономистами рамок своего предмета привело их, по крайней мере первоначально, к абсолютной незаинтересованности в этой области знания.

Для того чтобы экономисты были свободны выбирать теории, которые будут наиболее полезны в руководстве их

19. Paul A. Samuelson, «Economists and the History of Ideas», *American Economic Review* 52 (March 1962), p. 18.

работой, а также создавать новые теории, когда старые покажутся неудовлетворительными, исследования должны осуществляться в пределах относительно свободных образовательных структур. Университеты, исследовательские институты, фонды и другие учреждения, финансирующие исследования, — все должны следовать независимой политике. Даже внутри университетов должна позволяться значительная степень автономии школ и факультетов.

Я начал этот доклад с вопроса «Как экономисты должны выбирать?». Закончил я его обсуждением организации и финансирования научной деятельности. Не думаю, что я сбился со своего пути. Мы не должны ограничиваться тем, чтобы обсуждать вопрос о том, как экономисты должны выбирать между теориями, разрабатывать критерии и, опираясь на увещевания или, возможно, регулирование, побуждать их использовать эти критерии при осуществлении своего выбора. Вместо этого мы должны исследовать влияние альтернативных институциональных механизмов научных исследований на теории, которые в ходу, и на выбор, который делается. На основе этих изысканий мы можем надеяться открыть то, какие механизмы, управляющие конкуренцией между теориями, с наибольшей вероятностью направят экономистов к тому, чтобы сделать лучший выбор. Парадоксально, но при обращении к методологической проблеме экономической теории, вероятно, наиболее полезным является рассмотреть ее в экономическом ключе.

При выполнении этой задачи нас может вдохновить пример Уоррена Наттера. Как я заметил в начале этого доклада, он обладал теми качествами, которые Найт считал наиболее существенными для хорошего ученого: честностью, компетентностью и скромностью. Но Уоррен Наттер добавил к ним мужество. Бесстрашный в защите того, во что верил, он вызывает в памяти героическую фигуру Доблестного из «Путешествия пилигрима» Баньяна²⁰. Как и о Доблестном, об Уоррене Наттере, несомненно, может быть также сказано, что когда «он перешел... громкий трубный звук раздался на том берегу».

20. Джон Баньян (1628–1688) — английский писатель, протестантский проповедник. — *Примеч. пер.*

Глава 3

Экономическая теория и сопредельные дисциплины¹

МНЕ БЫ ХОТЕЛОСЬ начать с двух общих замечаний. Во-первых, то, что я собираюсь сообщить, в основном основано на моем знании о развитии ситуации в США и Великобритании. Но я достаточно уверен в международном характере науки, чтобы полагать, что наблюдения, относящиеся к этим странам, соответствуют аналогичному развитию во всем мире. Мое второе замечание заключается в том, что тот факт, что в статье затрагивается положение дел в ряде научных дисциплин и так широко охватывается сама экономическая теория, неизбежно должен означать, по крайней мере в моем случае, что многие темы, с которыми автор имеет дело, знакомы ему очень поверхностно. То, что я собираюсь сообщить, часто будет иметь характер предположения, а не заключения, основанного на тщательном изучении литературы во многих областях, охватываемых моей темой. Я полагаю, что такое тщательное исследование подтвердило бы мои утверждения. Но верно также и то, что оно может доказать несостоя-

-
1. Доклад, представленный на конференции Международной экономической ассоциации (International Economic Association) в Киле, Германия, в 1975 г. Первоначально опубликован как часть рабочих материалов конференции в: Mark Perlman, ed. *The Organization and Retrieval of Economic Knowledge* (London; Macmillan, 1977). Перепечатан здесь с разрешения издательства *Macmillan* от имени Ассоциации.

Целью организации этой конференции была поддержка библиотечек. Эту статью меня попросили написать Марк Перльман и Милтон Фридмен во время обеда в клубе *Quadrangle* в Чикагском университете. Столкнувшись с силой убеждения этой грозной пары, я был совершенно обезоружен, и мне не оставалось ничего иного, кроме как уступить. Заглавие моей статьи было выбрано организаторами конференции. Я был не совсем уверен, что имеется в виду под «сопредельными дисциплинами», но я интерпретировал эту фразу как относящуюся к другим общественным наукам, что, как мне кажется, и подразумевали организаторы.

тельность моих взглядов. Обычно доклады, представляемые на международных конференциях, не имеют дело с высоким риском, но мой доклад именно таков. Тем не менее я не думаю, что на этой стадии работы требуются исследования, которые были бы защищены оговорками и которые было бы трудно подвергнуть критике, поскольку они мало что говорят, кроме того, что и так общепризнанно.

Каков же предмет моего исследования? Меня интересует, каковы факторы, определяющие границы между научными дисциплинами, в частности, что определяет границы между экономической теорией и другими общественными науками — социологией, политологией, психологией и т. д. (что не исключает возможности существования областей их пересечения). То, что границы существуют в любой конкретный момент времени может, конечно, быть обнаружено путем изучения той деятельности, в которую вовлечены члены любой профессиональной ассоциации, тех проблем, которые рассматриваются в журналах, посвященных отдельным дисциплинам, тех учебных курсов, которые читаются на факультетах университетов, тех тем, которые затрагиваются в учебниках, а также тех книг, которые собраны в библиотеках, связанных с различными областями знаний. Определение границ является, таким образом, определением того, какими темами занимаются профессиональные ассоциации, журналы, библиотеки и им подобные. Я долго считал, что определение экономической науки, которое Кеннет Боулдинг приписывает Якобу Винеру, «экономическая наука — это то, чем занимаются экономисты»², звучит, по существу, убедительно, но только в том случае, если его дополнить, что никогда не делалось, описанием видов деятельности, в которые экономисты действительно вовлечены.

На вопрос о том, как эти границы между дисциплинами стали такими, какие они есть, можно дать общий ответ — это определяется конкуренцией. Процесс, в сущности, тот же, что и тот, который определяет виды деятельности, предпринимаемые фирмами, или, если взять другой пример, расширение империй. Эдвард Гиббон описывает, как Август пришел к тому, чтобы принять границы Римской империи такими, какие они есть. Гиббон отмечает, что Ав-

2. Kenneth E. Boulding, *Economic Analysis* (New York: Harper, 1955), p. 3.

густу было легко обнаружить, что «Рим при своем тогдашнем чрезмерном величии мог более потерять, нежели выиграть, от случайностей войны и что при ведении войн на большом отдалении от центра завоевания становились все более и более трудными, успех становился все более и более сомнительным, а обладание завоеванными странами становилось менее прочным и выгодным»³. Подобные расчеты в конечном итоге привели (что является основной темой Гиббона) к уходу с большей части территории, относимой к пределам Римской империи, и в конечном итоге к ее разделению в рамках совсем другого набора границ. Совершенно то же самое происходит с научными дисциплинами. Ученые, искусные в каждой конкретной дисциплине, расширяют или сужают ряд вопросов, на которые они пытаются ответить, в зависимости от того, находят ли они выгодным это сделать. Это в свою очередь определяется, в частности, успехом или неудачей практикующих в других дисциплинах ученых в поиске ответов на те же вопросы. Поскольку разных людей удовлетворяют разные ответы, победа не обязательно будет четко определенной, поэтому разные ответы и различные способы решения одной и той же проблемы могут существовать бок о бок, каждый удовлетворяя свой собственный рынок. Одной группе исследователей не требуется вытеснять другую из данной сферы деятельности, если она может, используя экономическую терминологию, просто расширить свою рыночную долю. Разумеется, когда значительно уменьшится число тех, кто удовлетворен ответами, данными любой группой исследователей, и/или останется совсем немного соответствующих нетривиальных вопросов, поле исследований вообще может быть покинуто. На нем останутся только те, чья компетенция в других областях настолько низка, что они не могут конкурировать на более широком, более активном и более прибыльном рынке.

Если мы посмотрим на работу, которой в настоящее время занимаются экономисты, у нас останется мало сомнений в том, что экономическая теория расширяет свои границы или, во всяком случае, что экономисты все больше и больше продвигаются в области других дисциплин. Они ста-

3. Edward Gibbon, *The Decline and Fall of the Roman Empire*, chap. 1 (рус. пер.: Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. Т. 1. — М.: Терра, 2008. Гл. 1.).

ли заметно более активны в политической науке, где ими была развита экономическая теория политики и проделана большая работа по эмпирическому анализу электорального поведения⁴. Экономисты также продвинулись в социологии, и теперь мы имеем экономическую теорию брака⁵. Мы не должны удивляться тому, что существует также экономическая теория самоубийства⁶. Другие предметы, над которыми работали экономисты, — лингвистика⁷, образование⁸ и национальная оборона⁹. Я уверен, что этот список ограничивает только мое недостаточное знакомство с тем, что происходит в других общественных науках. Один из ярких примеров, с которым я знаком, — использование экономической теории в изучении права¹⁰. Общее движение ясно. Экономисты расширяют сферу своих исследований и включают в нее все общественные науки, которые я и считаю тем, что мы имеем в виду, когда говорим о сопредельных дисциплинах экономической теории.

-
4. См., напр., такие работы по экономической теории политики: Duncan Black, *The Theory of Committees and Elections* (Cambridge: Cambridge University Press, 1958); Anthony Downs, *An Economic Theory of Democracy* (New York: Harper, 1957); James Buchanan and Gordon Tullock, *The Calculus of Consent* (Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press, 1962) (рус. пер.: Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия // Бьюкенен Дж. Сочинения. — М.: Таурус Альфа, 1997. Т. 1.); Mancur Olson, *The Logic of Collective Action* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965) (рус. пер.: Олсон М. Логика коллективных действий. — М.: Фонд экономической инициативы, 1995); W. A. Niskanen, *Bureaucracy and Representative Government* (Chicago: Aldine, Atherton, 1971). Об исследовании электорального поведения см.: George J. Stigler, «General Economic Conditions and National Elections», *American Economic Review* (May 1973).
 5. Gary S. Becker, «A Theory of Marriage: Part I», *Journal of Political Economy* (July-August 1973); *Idem*. «A Theory of Marriage: Part II». *ibid.*, (March-April 1974). (См. на рус.: Беккер Г. Выбор партнера на брачных рынках // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 12–36.)
 6. Daniel S. Hamermesh and Neaf M. Soos, «An Economic Theory of Suicide», *Journal of Political Economy* (January-February 1974).
 7. J. Marschak, «Economics of Language», *Behavioral Science* (April 1965).
 8. John Vaizey, *The Economics of Education* (New York: Free Press of Glencoe, 1962); Theodore W. Schultz, *The Economic Value of Education* (New York: Columbia University Press, 1963); *Idem*, *Investment in Human Capital* (New York: Free Press of Glencoe, 1970).
 9. Charles J. Hitch and Roland N. McKean, *The Economics of Defence in the Nuclear Age* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960).
 10. См.: Richard A. Posner, *Economic Analysis of Law* (Boston: Little, Brown and Co., 1972). Рус. пер.: Познер Р. Экономический анализ права: В 2 т. — СПб.: Экономическая школа, 2004.

Каковы причины того, что это происходит? Этому можно дать такое совершенно удовлетворительное в разных смыслах объяснение. К настоящему времени экономисты справились со всеми важными проблемами, стоящими перед экономической системой, и теперь, чтобы не потерять работу или чтобы не быть вынужденными заниматься оставшимися тривиальными проблемами, решили использовать свои немалые таланты для достижения подобного успеха в других общественных науках. Тем не менее нет ни одной знакомой мне области экономической теории, где нельзя было бы найти важных проблем, для которых у нас нет согласованных решений, или даже вопросов, на которые у нас совсем нет ответов. Причиной похода экономистов в пограничные области, безусловно, не является то, что мы разрешили проблемы экономической системы. Более правдоподобным, возможно, было бы утверждать, что экономисты ищут области, в которых они могли бы добиться некоторого успеха.

Другим объяснением этого интереса к пограничным областям могло бы быть то, что современные экономисты имеют более широкое образование, чем их предшественники, и что, как следствие, их интересы шире и в результате их, естественно, не удовлетворяет узость круга проблем, которые стоят перед экономической системой. Подобное объяснение представляется мне совершенно неадекватным. Если мы вспомним Адама Смита, Джона Стюарта Милля или Альфреда Маршалла, то круг вопросов, которые они затрагивали, был значительно шире того, что обычно можно найти в современных работах экономистов. Это впечатление усилится, если мы рассмотрим статьи, появляющиеся в большинстве экономических журналов, которые во все более значительной степени стремятся к тому, чтобы иметь дело с весьма формальными техническими вопросами экономического анализа, обычно трактуемыми математически. Общее впечатление, которое можно вынести, в особенности из журналов, говорит скорее о сужении, а не о расширении предмета. Может показаться, что это не соответствует одновременному движению экономистов в другие общественные науки, но я полагаю, что между этими событиями, которые кажутся противоречащими друг другу, существует взаимосвязь.

Если мы должны попытаться предсказать, какова будет наиболее вероятная сфера приложения усилий эконо-

номистов в будущем — что, безусловно, необходимо, если мы хотим быть полезными библиотекарям и другим лицам, в пользу которых организована эта конференция, — мы должны понять, почему экономисты стали вторгаться в область других общественных наук и какова будет наиболее вероятная ситуация в будущем. Чтобы сделать это, мы должны рассмотреть, что именно сближает группу ученых настолько, что они формируют отдельную специальность, и мы можем назвать одного из них экономистом, другого социологом, третьего политологом и т. д. На мой взгляд, такую группу формирует один или несколько из следующих факторов: единые методы анализа, общая теория или подход к объекту исследования, или одинаковое определение предмета исследования.

На этом этапе я не должен от вас скрывать, что, по моему убеждению, в долгосрочном плане именно определение предмета, то есть тип вопросов, на которые исследователи пытаются ответить, обычно является доминирующим фактором, сплачивающим группу ученых настолько, что они создают признаваемую специальность со своими факультетами и кафедрами в университете, журналами и библиотеками. Я утверждаю это, в частности, потому, что используемые методы анализа и теория или подход к объекту исследования сами в значительной степени определяют тем, что именно изучает группа исследователей, хотя ученые в той или иной дисциплине могут использовать различные методы или подходы к ответу на те же вопросы. Однако в краткосрочном плане способность отдельной группы использовать определенные методы анализа или подходы может дать ее участникам такое преимущество, что они будут способны успешно перейти в другую область и даже доминировать там. Делая это разграничение, я не хочу отрицать, что на некотором этапе методы, подходы и определение предмета могут оказывать определенное воздействие. Я также не утверждаю, что методы и подходы неизбежно оказывают свое влияние только в краткосрочном периоде. Они могут доминировать также и в долгосрочном плане. Но я полагаю, что есть основания считать, что это относится к редким случаям.

Если корректно мое описание сил, образующих научную дисциплину, а также справедливы оценки их долгосрочных и краткосрочных воздействий, то нам надо решить, является ли современное движение экономистов в другие обще-

ственные науки торжеством их метода или подхода, или же подобное расширение их работы отражает и взаимосвязано с решением основного вопроса, на который пытаются ответить экономисты, то есть является неизбежным следствием изучения предмета. В той степени, в которой это движение основано на методе или подходе, мы можем ожидать постепенного вытеснения экономистов из недавно завоеванных ими областей. В той степени, в которой оно вызвано необходимым расширением предмета изучения, мы можем ожидать постоянного расширения круга проводимых экономистами исследований.

Мой первый пример метода — линейное программирование — является одной из тех областей, где я особенно некомпетентен, но, к счастью, в литературе нетрудно найти его обсуждение¹¹. Это, если я правильно понимаю, математический метод, позволяющий обнаружить оптимальные пропорции комбинации затрат для достижения определенного результата при минимальных издержках. Подобная техника имеет потенциальные возможности для приложения во многих областях. Однако трудно поверить, что эта исключительно математизированная техника не сможет быть также легко освоена и также хорошо применена представителями других дисциплин, которые имеют соответствующую квалификацию. В действительности некоторым из этих исследователей может быть легче, чем большинству экономистов, освоить и использовать такой метод. В том случае, когда использование линейного программирования позволило экономистам продвинуться в другие области, я ожидал бы, что сила конкуренции будет такова, что они в основном будут оттуда вытеснены, хотя отдельные экономисты смогут продолжать делать свою полезную работу, используя линейное программирование. Так или иначе, кажется невероятным, что знание такой техники, как линейное программирование, может стать настолько существенной частью любой дисциплины, чтобы перевесить значение теории или знание предмета исследования. Никто не станет ожидать, что экономисты будут доминировать в таких областях, как обеспечение продовольствием или нефтепереработка, даже если бы (что кажется неверо-

11. См. об этом: J. R. Hicks «Linear Theory», *The Economic Journal* (December 1960).

ятным) экономисты как класс стали особенно искусны в линейном программировании.

Применение количественных методов, теперь так часто являющееся частью подготовки современного экономиста, также позволило ряду экономистов перейти в соседние дисциплины. В том случае, когда экономистам легче, чем их коллегам из других общественных наук, освоить эти методы и/или применить их с большим умением (в частности, потому, что они используют их так часто), то это сможет перевесить их незнакомство с предметом этих дисциплин и с аналитическими рамками, в которых работают представители других общественных наук. Однако это представляется достаточно хрупкой основой для предсказания долгосрочного движения экономистов в другие общественные науки.

Мой следующий пример — анализ затраты-выгоды — более труден для обсуждения¹². Я бы предположил, что значительная часть вторжений, осуществленных экономистами в сопредельные и не столь сопредельные дисциплины в последние годы, была связана с проведением исследований на основе анализа затрат и выгод. Мне представляется, что данный подход лучше всего может быть описан как метод. Но по сути это прикладная теория цены, имеющая своей целью придать, следуя определенному порядку действий, денежную оценку выигрышам и потерям. И поэтому в этом роде деятельности экономисты, безусловно, имеют ряд очевидных преимуществ. Однако подобные исследования обычно проводятся с целью содействия процессу принятия решений, особенно в государственных учреждениях, причем проблемы для изучения выбираются этими учреждениями, а не для того, чтобы понять систему, частью которой являются данные учреждения. Экономисты же вынуждены работать на незнакомом поле и полагаться, как правило, на данные, которые являются результатом работы других исследователей. В результате вовлеченные в подобные исследования экономисты, как правило, будут играть полезную, но подчиненную роль, за исключением тех слу-

12. Об анализе издержки-выгоды см.: A. R. Prest and R. Turvey, «Cost-Benefit Analysis: A Survey», *The Economic Journal* (December 1965); E. J. Mishan, *Cost-Benefit Analysis* (London: Allen and Unwin; New York: Praeger, 1971); G. H. Peters, *Cost-Benefit Analysis and Public Expenditures* (London: Institute of Economic Affairs, 1966).

чаев, когда изучаемые конкретные решения тесно взаимосвязаны с основной областью их интересов.

Более важным и более убедительным является направление, которое я ассоциирую с именем Гэри Беккера. По его мнению, экономическая теория или экономический подход могут сформировать средства, с помощью которых экономисты могут работать в других общественных науках, если не взять верх над ними¹³. Но перед тем как проанализировать эту точку зрения, я рассмотрю то, что считаю нормальной связующей силой научной дисциплины, то есть ее предмет.

Что изучают экономисты? Чем они занимаются? Они изучают экономическую систему. Альфред Маршалл в первом издании «Принципов экономической науки» определил экономическую теорию так: «Политическая экономия, или экономическая теория, занимается исследованием действий человека в его повседневной жизни; она изучает то, как он получает свой доход и как он его использует»¹⁴. Современный экономист Джордж Стиглер сформулировал это иначе: «Экономическая теория занимается исследованием действия экономических организаций, а экономические организации представляют собой социальные (и редко индивидуальные) структуры, занимающиеся производством и распределением экономических благ и услуг»¹⁵. Оба этих определения экономической теории подчеркивают, что экономисты исследуют определенные виды деятельности. И это хорошо сочетается с теми темами, которые действительно рассматриваются в книгах по экономической теории. Экономисты исследуют работу общественных институтов, которые составляют экономическую систему: фирм, рынков товаров и услуг, рынков труда, рынков капитала, банковских систем, международной торговли и т. д. Именно общий интерес к этим общественным институтам отличает экономическую профессию.

Совсем другой вид определения принадлежит Лайонелу Роббинсу: «Экономическая наука — это наука, изучающая

13. См.: Gary S. Becker, «The Economic Approach to Human Behaviour», in *Essays in the Economic Approach to Human Behavior* (Chicago and London: The University of Chicago Press, 1976), p. 3–54. Рус. пер. см. в кн.: Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. — М.: ГУ ВШЭ, 2003.

14. Alfred Marshall, *Principles of Economics*, C. W. Guillebaud, ed., 9th variorum ed. (London and New York: Macmillan, for The Royal Economic Society, 1961), p. 131.

15. George J. Stigler, *The Theory of Price* (New York: Macmillan, 1952), p. 1.

человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление»¹⁶. Подобное определение делает экономическую теорию наукой о человеческом выборе. Оно, очевидно, слишком широко, если рассматривать его как описание того, что делают экономисты. Экономисты не изучают все виды человеческого выбора, или, во всяком случае, до сих пор они этого еще не сделали. Однако представление об экономике как о теории, которая изучает все виды человеческого поведения, или как о подходе, который может быть применен во всех общественных науках, хотя и не говорит нам о природе экономической науки, но, несомненно, призывает к развитию подобной теории.

Ранее я сказал, что в экономической теории существует две тенденции, которые кажутся несовместимыми, но на самом деле таковыми не являются. Первая представляет расширение сферы интересов экономистов настолько, насколько это позволяет определение предмета. Вторая заключается в сужении профессионального интереса до формального, технического, как правило, математического анализа. Все больше растет всеобщность подобного формального анализа. Он может сказать меньше или больше оставить несказанным об экономической системе, но благодаря своей всеобщности этот анализ становится применимым ко всем общественным системам. По моему убеждению, именно всеобщность их аналитических систем облегчает экономистам продвижение в другие общественные науки, где они, вероятно, повторят успех (или провалы), который они имели в самой экономической теории.

Характер этого общего подхода был описан Ричардом Познером в его книге «Экономический анализ права»: «Экономика — это наука о человеческом выборе в мире, где ресурсы ограничены по отношению к человеческим потребностям. Она исследует и проверяет последствия предположения о том, что человек является рациональным максимизатором своих жизненных целей, своего удовлетворения — того, что мы будем называть его „собственным интересом“»¹⁷.

16. Lionel C. Robbins, *The Nature and Significance of Economic Science* (London: Macmillan and Co., 1932), p. 15. Рус. пер.: Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 18.

17. Posner, *Economic Analysis of Law*, 1. Рус. пер.: Познер Р. Экономический анализ права, Т. 1, с. 3–4 (перевод изменен. — Примеч. пер.).

В результате определения экономической теории как «науки о человеческом выборе» она стала исследовать все виды целенаправленного человеческого поведения, а ее сфера тем самым стала включать все общественные науки. Но одно дело заявить подобную претензию, и совсем другое — претворить ее в реальность. Во времена, когда король Англии претендовал на то, чтобы быть также королем Франции, в Париже его не всегда ждал радушный прием. Претензия на то, что экономика — наука о человеческом выборе, для социологов, политологов и юристов не является достаточной причиной покинуть свое поле или вынужденно стать экономистами. Если экономика и станет доминировать над другими общественными науками, то произойдет это не просто в результате изменения определения экономической теории, а потому, что нечто, чем обладают экономисты, позволит им лучше, чем ученым из других общественных наук, разрешить социологические, политические, правовые и другие подобные проблемы. Насколько я понимаю, по мнению Беккера и Познера, решительным преимуществом, которым обладают экономисты в решении социальных проблем, является их теория или подход к человеческому поведению, трактовка человека как рационального максимизатора полезности.

Поскольку в экономической системе действуют те же самые люди, что и в правовой или политической системе, то можно ожидать, что там их поведение будет, в широком смысле, похожим. Но отсюда еще не следует, что подход, развитый для объяснения поведения в экономической системе, будет столь же успешен в других общественных науках. В этих разных сферах человек стремится достичь неодинаковые цели и в особенности различаются институциональные рамки, в которых делается выбор. Мне кажется вероятным, что приобретение способности различать и понимать эти цели и характер институциональных рамок (как, например, в действительности функционируют политическая и правовая системы) потребует специализированного знания, которое вряд ли может быть получено теми, кто работает в какой-то иной дисциплине. Более того, теория, пригодная для анализа одной из этих других социальных систем, потребует, вероятно, включения характеристик, затрагивающих важные специфические взаимоотношения этой системы.

В этом мнении меня укрепляет рассмотрение роли, которую играла теория полезности в экономическом анализе. До настоящего времени она была в основном бесплодной. Утверждение о том, что люди максимизируют полезность, ничего не говорит нам о целях, преследуя которые они вовлекаются в экономическую деятельность, и оставляет нас без всякого понимания того, почему люди делают то, что они делают. Как сообщил нам Стиглер, основной вывод теории полезности заключается в том, что «если потребители не приобретают меньше товара, когда их доходы растут, они, несомненно, купят меньше, когда цена товара вырастет»¹⁸. Но то, что потребительский спрос выше при меньших ценах, известно любому, экономист ли он или нет, кто знаком с действием рынка. Представляется более вероятным, что теория полезности скорее препятствует, чем помогает, экономистам в их работе в сопредельных дисциплинах. Более плодотворными обещают быть последние работы Келвина Ланкастера об анализе «характеристик»¹⁹ и Беккера о «потребительских благах» (commodities)²⁰, которые связывают удовлетворение, доставляемое товарами и услугами с определенными, более фундаментальными потребностями. Но кажется невероятным, что перечень важных «потребительских благ», если использовать термин Беккера, будет одинаков в различных общественных науках или что «потребительские блага» могут быть обнаружены кем-то, кто не является специалистом в этих дисциплинах.

Следует признать, что экономическая теория представляется более развитой, чем другие общественные науки. Но значительное преимущество, которым обладают экономисты, заключается в том, что они могут использовать «денежное мерило». Это дает точность анализа, и поскольку денежное измерение является важной детерминантой человеческого поведения в экономической системе, анализ имеет значительную объяснительную силу. Более того, дан-

18. George J. Stigler, «The Development of Utility Theory», in *Essays in the History of Economics* (Chicago: University of Chicago Press, 1965), p. 155.

19. Kelvin Lancaster, «A New Approach to Consumer Theory», *Journal of Political Economy* (April 1966); *Idem*, *Consumer Demand* (New York: Columbia University Press, 1971).

20. Gary S. Becker and Robert T. Michael, «On the New Theory of Consumer Behaviour», *The Swedish Journal of Economics* 75 (1973).

ные (о ценах и доходах), как правило, доступны, а значит, гипотезы могут быть исследованы и проверены. Как отметил Маршалл,

самым устойчивым стимулом к ведению хозяйственной деятельности служит желание получить за нее плату, которая представляет собой материальное вознаграждение за работу. Она может быть затем израсходована на эгоистичные или альтруистичные, благородные или низменные цели... Однако побудительным мотивом выступает определенное количество денег. Именно это определенное и точное денежное измерение самых устойчивых стимулов в хозяйственной жизни позволило экономической науке далеко опередить все другие науки, исследующие человека²¹.

Действительно, более развитое состояние экономической теории, по сравнению с другими общественными науками, является следствием того, что, по счастливой случайности (для экономистов), важные факторы, определяющие экономическое поведение, могут быть измерены в деньгах. Это означает, что проблемы, стоящие перед представителями других дисциплин, вряд ли рассеются просто в результате вливания экономистов, поскольку их сила, как правило, не перейдет вместе с ними. Маловероятно, что анализ, получивший развитие в экономической науке, может быть успешно применен к другим объектам изучения без значительных модификаций.

Если я прав и метод относительно незначим как основа выбора профессиональной группы, если доминирующим фактором действительно является определение предмета, то есть теория или подход в значительной степени зависит от предмета исследования, что же тогда определяет перспективы работы экономистов в других общественных науках? Я бы не стал ожидать, что их триумфальное продвижение будет продолжаться бесконечно, возможно, экономисты будут вынуждены уйти с некоторых из тех сфер, которые сейчас они так энергично осваивают. Однако этот прогноз зависит от того конкурентного ответа, который дадут представители других дисциплин. Успех экономистов в продвижении в других общественных науках является знаком того, что они обладают некоторыми преимуще-

21. Marshall, *Principles of Economics*, 9th variorum ed., 1, p. 14. Рус. пер.: Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. I. — М., 1993. С. 69.

ствами в решении проблем этих дисциплин. Одно из них, по моему мнению, заключается в том, что они изучают экономическую систему как единую взаимозависимую систему и, следовательно, с большей вероятностью могут выявить основные взаимосвязи в рамках социальной системы, чем кто-то, кто меньше привык смотреть на работу системы в целом. Другое преимущество заключается в том, что в результате изучения экономической теории становится трудно игнорировать факторы, которые, очевидно, имеют большое значение и играют роль во всех социальных системах. Одним из таких факторов является то, что люди в значительной степени выбирают род занятий на основе денежных доходов. Другой фактор заключается в том, что более высокие цены снижают спрос. Подобные факторы могут проявляться в разных облициях, но экономист, скорее всего, сможет их распознать. Наказание, например, можно рассматривать как цену преступления. Экономист не будет спорить, приведет ли увеличение наказания к снижению преступлений, он просто попытается ответить на вопрос: насколько? Экономический анализ может обойти некоторые проблемы, которые присущи другой экономической системе, но часто такой анализ может быть пущен в ход. И экономист в полной мере воспользуется всеми преимуществами тех возможностей, которые возникают, когда может быть использовано «денежное мерило».

Но трудно поверить, если главным преимуществом, которое экономист привносит в другие общественные науки, является просто особый взгляд на мир, что после признания такой экономической премудрости ею не овладеют некоторые из представителей этих наук. Это уже происходит в юриспруденции и политологии. Как только некоторые из этих ученых овладеют простыми, но ценными истинами, которые может предложить экономика (а это естественный конкурентный ответ), экономисты, работающие в других общественных науках, потеряют свое основное преимущество и столкнутся с конкурентами, больше знающими о предмете, которым они занимаются. В такой ситуации, по всей вероятности, только исключительно одаренный экономист сможет сделать значительный вклад в наши знания о других социальных науках.

Однако экономисты могут изучать другие социальные системы, такие как правовая и политическая, не с целью сделать вклад в юриспруденцию или политическую на-

уку, а потому, что это необходимо, если они хотят понять работу самой экономической системы. В последнее время многие экономисты стали понимать, что части других социальных систем настолько переплетены с экономической системой, что они являются ее частью в той же степени, что и социологической, политической или правовой системы. Так, вряд ли возможно обсуждение функционирования рынка без учета природы системы прав собственности, которая определяет, что может быть куплено и продано, а также путем воздействия на издержки выполнения различных видов рыночных сделок, определяет, что и кем продается и покупается в действительности²². Аналогично семья или домохозяйство и образовательная система представляют интерес для социолога, но их деятельность влияет на предложение рабочей силы в различных профессиях и на модели потребления и производства и, следовательно, представляют интерес также и для экономистов. Подобным образом администрирование регулирующих органов и антимонопольная политика, которые являются частью правовой системы и как таковые изучаются юристами, также обеспечивают рамки, в которых фирмы и индивиды принимают решения о своих действиях в экономической сфере.

Необходимость принимать во внимание влияние других социальных систем, прежде всего правовой системы, при анализе работы экономической системы ныне широко признано экономистами. Результат этого — многочисленные исследования воздействия правовой системы на эффективность экономической системы²³. Подобная работа, поскольку она фокусируется на экономической системе, возможно, лучше всего может быть проведена экономистами. Как уже отмечалось ранее, мне представляется, что движение экономистов в другие общественные науки, цель которого — улучшение этих других наук, скорее всего, будет иметь временный характер. В отличие от него изучение экономистами воздействия других социальных систем на экономическую систему станет, я убежден, постоянной

22. О правах собственности см.: Erik Furubotn and Svetozar Pejovich, «Property Rights and Economic Theory: A Survey of Recent Literature», *Journal of Economic Literature* (December 1972).

23. Здесь можно просто сослаться на статьи такого рода, появляющиеся в *Journal of Law and Economics*.

частью работы экономистов. Оно не может быть эффективно произведено теми представителями общественных наук, кто не знаком с экономической системой. Подобная работа может осуществляться в сотрудничестве с учеными из других общественных наук, но вряд ли она будет хорошо сделана без экономистов. Вот почему я думаю, что мы можем ожидать, что сфера экономической теории будет постоянно расширяться и включать исследования в других общественных науках. Но происходить это будет для того, чтобы мы могли лучше понять работу экономической системы.

Глава 4

Экономисты

и государственная политика¹

КРУПНОЕ предприятие, которое я собираюсь рассмотреть, — это исследование экономической теории; я буду оценивать эффективность работы не корпораций, а моих коллег в экономической профессии. Частным аспектом их работы, который я буду анализировать, станет роль, которую экономисты играют в определении государственной политики (public policy).

Разумеется, мне известно, что, по мнению некоторых экономистов, экономическая теория является позитивной наукой, и все, что мы можем сделать, — это описать последствия применения различных типов экономической политики. Мы не можем сказать, какая политика предпочтительна, потому что для того, чтобы сделать это, нам потребуется ввести ценностные суждения, в чем мы не имеем особой компетенции. Так, мы можем сказать, что определенная политика в сельском хозяйстве (например, коллективизация) приведет к массовому голоду, но мы не можем утверждать, желательна ли коллективизация или нет. Подобное самоограничение представляется мне излишним. Мы разделяем (по крайней мере, на Западе) очень похожий набор ценностей, и есть мало причин полагать, что ценностные суждения экономистов особенно эксцентричны. Конечно, в некоторых случаях, когда известны последствия изменения политики, могут возникнуть различные мнения по поводу того, желательно ли такое изменение. Но подоб-

1. В 1974 г. представлено в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе как часть серии лекций под общим заглавием «Крупные корпорации в меняющемся обществе». Первоначально опубликовано в: J. Fred Weston, ed., *Large Corporations in a Changing Society* (New York: New York University Press, 1975). Перепечатано здесь с разрешения издателя. Тема моего выступления была выбрана организаторами. Оно имело мало общего с крупными корпорациями, по крайней мере в моей интерпретации темы.

ные случаи, по моему убеждению, являются исключениями или могут рассматриваться как таковые. Я согласен с утверждением Милтона Фридмена о том, что:

в настоящее время в западном мире, и особенно в Соединенных Штатах, расхождения относительно экономической политики среди незаинтересованных граждан проистекают скорее из различий в предсказаниях об экономических последствиях предпринятых действий, то есть различий, которые, в принципе, могут быть устранены прогрессом позитивной экономической науки, нежели из фундаментальных различий в основополагающих ценностях, то есть различий, в отношении которых люди не могут примириться².

Разумеется, если это так, то в результате анализ последствий различных типов социального устройства становится предписанием для политической деятельности (поскольку мы все разделяем схожие ценности). Таким образом, если установлено, что определенная политика приведет к массовому голоду, то вряд ли имеет значение, добавим ли мы, что подобная политика нежелательна — хотя принципиальный отказ от того, чтобы сделать это, представляется наигранным. В общем, можно было бы ожидать, что заявление о последствиях разных видов государственной политики будет сопровождаться политическими рекомендациями.

Должны ли они это делать или нет, немногие экономисты в действительности воздерживаются от того, чтобы делать заявления о государственной политике, хотя состояние экономики (как здесь, так и в любом другом месте) свидетельствует о том, что эти советы игнорируются, хороши ли они или плохи. Конечно, существует другая возможность, более тревожная, по мнению одних, или более обнадеживающая, по мнению других, что эти советы не принимаются во внимание, хороши ли они или плохи. Я, случается, думаю, что мы ужасающе невежественны по многим аспектам работы экономической системы, по крайней мере в той части экономической теории, которая затрагивает сферу моих интересов — экономику фирмы и отрасли. Я полагаю, мы очень мало знаем о силах, которые определяют организацию от-

2. Milton Friedman, «The Methodology of Positive Economics», in *Essays in Positive Economics* (Chicago: University of Chicago Press, 1953), p. 5. Рус. пер. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 22 (перевод изменен. — Примеч. пер.).

раслевых рынков, или о соглашениях, которые заключаются фирмами во взаимодействиях друг с другом. Нам говорят, конечно, что при рассмотрении экономической системы в целом, то есть в том, что называется макроэкономической политикой, дела обстоят совсем иначе, по крайней мере после появления «Общей теории» Кейнса, и теперь мы знаем, как обеспечить полную занятость при стабильном уровне цен. Я оставляю тем, кто более компетентен в этой области, ответ на вопрос, вызваны ли наши нынешние трудности невежеством, неспособностью воздействовать на политику или какой-либо иной причиной. Но мне кажется, что в последние годы специалисты в этой области обнаруживают такую степень смирения, какой прежде не наблюдалось.

Но, сказав это, я не хотел бы утверждать, что экономисты не могут внести что-то ценное в обсуждение вопросов государственной политики. Проблема заключается в том, что экономисты, похоже, готовы давать советы по проблемам, о которых мы знаем очень мало и наши суждения о которых, скорее всего, будут ошибочными. С другой стороны, если мы и можем сказать что-то важное и соответствующее действительности, то это достаточно просто — на самом деле настолько просто, что для понимания этого требуется очень мало экономической теории или она совсем не требуется. Но что обескураживает, так это то, что эта простая правда так часто игнорируется в дискуссиях об экономической политике.

Хорошее знание экономической теории не требуется для того, чтобы понять, что при более низкой цене потребители приобретут большее количество. Или что после падения цен производители будут согласны предложить меньше. Достаточно легка для понимания даже комбинация этих двух утверждений, демонстрирующая, что, если цена опустится достаточно низко, производители не будут готовы предложить столько, сколько потребители захотят купить (результатом чего станет то, что называется «дефицитом»). В самом деле, суть подобной ситуации будет понятна многим из тех, кто совсем не изучал экономику. Рассмотрим, тем не менее, пример. В начале 1960-х годов Федеральная энергетическая комиссия (Federal Power Commission) начала регулировать цену природного газа у скважины. Цена была заморожена на уровне 1959–1960 годов. Стало очевидно, что он ниже, чем был бы без регулирования. За этим последовало то, что можно было бы ожидать.

Потребление природного газа поощрялось, а для разведки и добычи, напротив, не хватало стимулов. Этот эффект регулирования первоначально маскировался краткосрочным падением стоимости угля и снижением качества поставок (у потребителей стало меньше гарантий доступности газа в будущем). Но со временем природа вызванного регулирования дефицита природного газа (если использовать фразу Пола Макэвоя) стала очевидна даже самым посредственным умам и Федеральная энергетическая комиссия начала предпринимать шаги для повышения цены.

Был произведен целый ряд исследований (Макэвоем и др.), и было достигнуто общее согласие о том, что произошло. Одно из таких исследований проводилось Эдмундом Китчем в Школе права Чикагского университета и было опубликовано в *Journal of Law and Economics* в 1968 году³. Позднее Китч решил, что хорошо было бы продолжить свое исследование. Его выводы были представлены в Вашингтоне в 1971 году в докладе под заглавием «Дефицит природного газа»⁴. Большая часть аудитории состояла из вашингтонских журналистов, сотрудников комитетов Конгресса, занимающихся энергетическими проблемами, и других представителей подобных профессий. Они проявили мало интереса к результатам исследования, но зато очень стремились выяснить, кто его финансировал. Многие, кажется, были убеждены, что программа экономики и права Чикагского университета «куплена» газовой промышленностью. В действительности, это исследование не финансировалось ни одной из организаций, имеющих какие-либо связи с газовой или нефтяной промышленностью. Но значительная часть аудитории, казалось, живет в простом мире, где тот, кто думает, что цены должны расти, является сторонником промышленности, а тот, кто хочет, чтобы цены снизились, является сторонником потребителей. Я бы мог объяснить, что аргументация Китча была в своей основе выдвинута ранее Адамом Смитом, — но большинство слушателей предположило бы, что и он был одним из тех, кто подкуплен Американской газовой ассоциацией.

3. Edmund W. Kitch, «Regulation of the Field Market for Natural Gas by the Federal Power Commission», *Journal of Law and Economics* (October 1968), p. 243.

4. Edmund W. Kitch, «The Shortage of Natural Gas», Occasional Paper of the University of Chicago Law School, no. 2 (Chicago, 1971).

Адам Смит, конечно, не упоминал газовую промышленность, которая не существовала в его время, но он занимался той же проблемой при обсуждении хлебной торговли. Под хлебом Смит, конечно, подразумевал пшеницу. Я процитирую Смита:

Интересы торговца хлебом внутри страны и широких слоев народа, как бы они ни казались противоположными с первого взгляда, совершенно тождественны даже в годы сильнейшего неурожая. В интересах торговца поднимать цену своего хлеба так высоко, как этого требует скудость урожая, и в его интерес никогда не может входить поднятие ее выше этого уровня. Поднимая цену, он ограничивает потребление и заставляет всех, а в особенности низшие классы народа, более или менее соблюдать бережливость и умеренность... Если он поднимет цену недостаточно высоко и благодаря этому так мало ограничит потребление, что запасов урожая не хватит до новой жатвы, он не только теряет часть прибыли, которую мог бы в противном случае получить, но и заставляет народ терпеть до нового урожая если не тягости дороговизны, то убийственные ужасы голода⁵.

Но, как указывает Смит, поскольку торговец будет максимизировать свою прибыль путем такой корректировки цены, по которой он продает, чтобы потребление за сезон было равно предложению, он вряд ли назначит цену на слишком низком уровне. Смит добавляет:

Всякий, изучающий внимательно историю периодов дороговизны и голодовок, которые поражали ту или иную часть Европы в течение настоящего или двух предшествовавших столетий и относительно которых мы имеем довольно точные данные, убедится, что дороговизна никогда не возникала в результате какого-либо соглашения между собой торговцев хлебом внутри страны или какой-нибудь другой причины, а порождалась действительным недостатком хлеба, который создавался иногда и в некоторых отдельных местах ввиду расточительности войны, а в гораздо большем числе случаев — из-за плохого урожая, и что голод никогда не возникал

5. Adam Smith, *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, vol. 1 of *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith*, R. H. Campbell and A. S. Skinner, eds. (Oxford, 1976), p. 524. Рус. пер.: *Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов.* — М.: Соцэкгиз, 1962. С. 381.

по какой-либо иной причине, как в результате насильственных мероприятий правительства, пытавшегося негодными средствами устранить неудобства дороговизны... Когда правительство в стремлении устранить неудобства дороговизны приказывает всем торговцам продавать хлеб по цене, которую оно считает разумной и справедливой, оно или удерживает их от доставки хлеба на рынок, что может иногда вызывать голод даже в начале года, или, если они и привозят его туда, это даст населению возможность и потому поощряет его потреблять хлеб так неумеренно, что это должно неизбежно породить голод еще до конца года. Не ограниченная, ничем не стесняемая свобода хлебной торговли не только представляет собою единственное средство для предотвращения бедствий голода, она является также наилучшим средством против неудобств дороговизны, ибо неудобные последствия действительного неурожая ничем нельзя предотвратить, их можно только смягчить⁶.

Разумеется, благотворная роль коммерсанта в смягчении неудобных последствий неурожая не понимается. «В неурожайные годы низшие классы населения приписывают свои лишения алчности хлеботорговца, который становится предметом их ненависти и возмущения»⁷. И Смит указывает, что эта враждебность к торговцу проявляется в законах против «скупщиков и спекулянтов», то есть против тех, кто покупает и придерживает запасы для того, чтобы продать их по более высокой цене. Конечно, Смит способен показать, что купцу будет выгодно удерживать запасы только тогда, когда было бы желательно, чтобы он это сделал. И Смит замечает: «Широко распространенную в народе боязнь скупки хлеба и спекуляции им можно сравнить со столь же широко распространенными страхами и подозрениями относительно колдовства»⁸. Здесь Смит пытается дискредитировать идею о том, что бизнесмен, храня запасы, делает цены более высокими, чем они могли бы быть, уподобляя ее вере в колдовство. Подобная аналогия была бы не менее эффективна и сегодня — мы тоже верим в колдовство.

За двести лет, прошедшие после того, как писал Адам Смит, многие экономисты приводили точно такие же доказательства бесполезности политики, направленной

6. Ibid., p. 526–527. Там же, с. 382–383.

7. Ibid., p. 527. Там же, с. 383.

8. Ibid., p. 534. Там же, с. 388.

на удержание уровня цен ниже конкурентного уровня. Одним из них был Эдвин Кеннан из Лондонской школы экономики, который писал в 1915 году. Разумеется, он писал о контроле над ценами, установленном в Британии в начале Первой мировой войны. Так он описывал общественную реакцию на рост цен:

Покупатели, которые должны платить более высокие цены, неожиданно становятся либо «бедными», вынужденными сократить свое потребление необходимых предметов, либо также нанимателями особенно нуждающегося и достойного класса, оставленного без работы этим повышением. Все пострадавшие лица сразу представляются жертвами чудовищного грабежа бессовестной бандой спекулянтов, посредников, капиталистов-кровопийц или взимающих непомерную плату землевладельцев, против которых должны быть немедленно брошены все ресурсы государства. Несколько смутным идеалом кажется немедленный возврат к тому уровню цен, который существовал несколько месяцев или год назад⁹.

Конечно, Кеннан высказывается против контроля над ценами в обычной манере. Но он указывает на парадоксальный аспект ситуации: «Когда цена на вещь повышается, [люди] обвиняют не покупателей или тех лиц, которые могли бы производить ее, но не делают этого, а тех лиц, которые ее производят и продают, не позволяя тем самым цене еще больше вырасти»¹⁰. Так, если существует «дефицит» пшеницы, говядины или масла, мы обвиняем тех, кто производит всю имеющуюся у нас пшеницу, говядину или масло и без усилий которых «дефицит» был бы еще более значительным. Причина, по которой люди обнаруживают такую враждебность, заключается в том, что, как это подчеркивает Кеннан, при необычном росте цен люди

совершенно убеждены в том, что рост, с которым они сталкиваются в настоящий момент, является неестественным, искусственным и совершенно неоправданным, будучи просто результатом злонамеренной работы людей, которые желают обогатиться и которые получили возможность сделать это не в результате изменения экономических условий...

9. Edwin Cannan, «Why Some Prices Should Rise», written in 1915 in *An Economist's Protest* (1927), p. 16–17.

10. Ibid., p. 18.

но, несомненно, в результате некоего совершенного прямого и необъяснимого вмешательства дьявола. Так было с самого начала истории... но в любой исторической ретроспективе будет немного пользы. Одна и та же нелепость возникает из поколения в поколение¹¹.

Я начал эту статью, сказав, что экономисты в своих дискуссиях о государственной политике часто имеют дело с вопросами, которые трудно анализировать и о которых мы знаем очень мало. Следовательно, наши рекомендации по этим вопросам, если им следовать, с большой вероятностью приведут к ухудшению ситуации. С другой стороны, те наши советы, которые, если им следовать, могли бы принести пользу, состоят из нескольких простых истин. Однако история показывает, что именно эти простые истины люди с легкостью отвергают или игнорируют. Когда я впервые начал думать о том, что я собираюсь сказать, я не предвидел сегодняшнюю нефтяную проблему (и в этом я был не одинок). Но характер общественной дискуссии по этой проблеме показывает, что мы ничем не лучше наших предшественников. Мы просто поколение, время которого пришло. Мы наблюдаем то же самое отношение, что и описанное Кеннаном, «рост, с которым мы сталкиваемся в настоящий момент», является «неестественным, искусственным и совершенно неоправданным... результатом злонамеренной работы людей, которые желают обогатиться». Это ставит вопрос о том, какова должна быть роль экономиста в мире, который отвергает тот единственный хорошо обоснованный совет, который он может дать.

Фрэнк Найт в своем президентском обращении к Американской экономической ассоциации в 1950 году ставит этот вопрос — и дает несколько депрессивный ответ:

Я начал все больше задаваться вопросом, является ли моя работа работой, или же шарлатанством, и не могут ли экономисты, в особенности экономисты-теоретики, оказаться в положении, которое Цицерон, ссылаясь на Катона, приписывал римским авгурам — что они должны скрывать свои лица или смеяться, встречаясь друг с другом на улице... Фридреды, как было сказано, выиграли дебаты, но протекционисты выиграли выборы; и это мало что меняет в нашей политике, какая партия победит, общепризнанных протек-

11. Ibid., p. 23.

ционистов или убежденных фритредеров. Инфляция, конечно, должна быть раскачена как более приятная альтернатива налогообложению и затем подавлена с помощью регламентации и контроля... Серьезная проблема заключается в том, что большая часть действительно важных вещей, которым должна научить экономическая теория, — это те вещи, которые люди могли бы увидеть и сами, если бы хотели увидеть. И трудно поверить в полезность попыток преподавания того, что люди отказываются учить или даже серьезно слушать... Надо ли здесь объяснять, если это нуждается в объяснении, что установление цен ниже рыночного уровня приведет к дефициту, а выше — создаст избыток? Однако публика охает и ахает, визжит и лает по поводу недостатка жилых домов и избытка яиц и картофеля, как будто бы эти вещи представляли проблему — большую, чем испачкать обувь, намеренно прогулявшись в грязи¹².

Найт говорит, что, как следствие этого, его интерес переместился от экономической теории к разрешению «вопроса о том, почему обычно люди вообще и образованная элита в частности так проявляют себя различными способами, что выбирают глупость вместо разума (nonsense instead of sense)»¹³. В данной ситуации возможен только один ответ, хотя я полагаю, что он не единственный из доступных. Найт также говорит еще что-то полезное для тех из нас, кто ищет альтернативный ответ: «Объяснение политики предположительно может продвинуться дальше, если мы... спросим, *почему* человек верит в глупость и практикует ее, но в целом действует гораздо менее иррационально, чем рассуждает, — и что из этого следует»¹⁴.

Если бы мы серьезно отнеслись к аргументации, которая используется теми, кто выступает за контроль над ценами и подобные меры, то можно было бы ожидать гораздо более экстремальных и менее разумных предложений, чем те, которые фактически выдвигаются. Так, некоторые сенаторы считают, что снижение цен на бензин пойдет на пользу потребителям, поэтому они вносят в Конгресс предложения, которые сделали бы обязательными цены на бензин декабря прошлого года [1973], а не еще более низкие цены, существо-

12. Frank H. Knight, «The Role of Principles in Economics and Politics», *American Economic Review* (March 1951), p. 2–4.

13. Ibid., p. 2.

14. Ibid., p. 4.

вавшие в 1930-х годах. Федеральная энергетическая комиссия предприняла в 1961 году регулирование цены природного газа у скважины — так определив уровень цен, который должен быть назначен в будущем, чтобы он соответствовал уровню, который существовал в 1959–1960 годах. Как давно сказал Кеннан, описывая ситуацию в другой стране, «несколько смутным идеалом кажется немедленный возврат к тому уровню цен, который существовал несколько месяцев или год назад». Подобным образом политики в своих речах могут высказываться за устранение всякого загрязнения окружающей среды, но их предложения гораздо более умеренны. Более того, мне кажется, наблюдается ослабление поддержки определенной политики по мере увеличения вреда, который она причиняет, — что приводит если не к отказу от такой политики, то по крайней мере к ее сдерживанию. Федеральная энергетическая комиссия в конечном итоге стала содействовать росту цены природного газа у скважины, хотя она, несомненно, действовала медленнее и произвела меньшие изменения, чем хотелось бы большинству экономистов. С ростом цен на нефть забота о судьбе северного оленя на Аляске стала менее настоятельной, и аляскинский нефтепровод теперь, вероятно, будет построен.

Хотя различные виды контроля, такие как контроль над ценами или заработной платой, вводятся для того, чтобы предотвратить действие основных экономических сил, исследование истории такого контроля показало бы, я в этом убежден, что на протяжении длительного периода можно найти очень мало попыток такого контроля, которые не были бы изменены так, чтобы принять в расчет эти силы, или даже оставлены, в результате чего рыночные силы получили свободу действия. Мое заключение состоит в том, что, хотя политика может быть ошибочной, мы не должны считать, что широта ее охвата, жесткость и продолжительность не сдерживаются признанием степени нанесенного ею вреда. Лично я не понимаю, почему политическая система действует таким образом. Возможно, противоположные данной политике интересы приобретают относительно большую силу на политической арене по мере того, как растет величина причиненного политической ущерба. Возможно, признание величины ущерба играет в политическом процессе более прямую роль. Возможно также, что действуют оба этих фактора, я не знаю, хотя

я бы предположил, что оба из этих факторов имеют определенный вес. В любом случае, вероятно, взгляды экономистов на государственную политику в существенной степени играют полезную роль в этом процессе модификации и изменения, даже если они, как правило, и не могут оказывать решающего воздействия на выбор самой политики. Несомненно, при проведении самой неразумной политики невозможно избежать здравого смысла. Спрос на глупость подчиняется общему закону спроса: при более высокой цене наш спрос на нее падает.

Более оптимистичный взгляд на роль экономиста в определении государственной политики или, во всяком случае, на его будущую роль представлен Джорджем Стиглером в его президентском обращении к Американской экономической ассоциации в 1964 году, озаглавленном «Экономист и государство»¹⁵. Стиглер утверждает, что экономисты в прошлом были готовы выражать свои взгляды на роль государства в экономических делах, не делая никаких серьезных исследований того, как государство на самом деле выполняет возложенные на него задачи, или не проводя никакого систематического изучения сравнительной эффективности государственных и частных предприятий. Это верно как для тех, кто, подобно Смиту и Альфреду Маршаллу, хотел ограничить государственное вмешательство в экономическую систему, так и для тех, кто, подобно У. Стенли Джевонсу, А. С. Пигу и целому ряду других экономистов, выступал за расширение роли государства. Замечания Стиглера о наших предшественниках кажутся немного резкими — они сталкивались с трудностями, которые нам не встречаются, они были немногочисленны, и они в основном занимались (особенно лучшие из них) развитием анализа системы ценообразования, — но мне бы не хотелось особо оспаривать его основное заключение. Замечу только, что наши знания очень ограничены — и мы можем прочесть то, что написали наши предшественники.

Стиглер описывает недостаток влияния экономистов на разработку государственной политики, которое он приписывает, и я не хочу это отрицать, их неведению. «Не имея реального опыта и не имея также евангельского пыла, экономисты оказали небольшое влияние на эволюцию эко-

15. George J. Stigler, «The Economist and the State», *American Economic Review* (March 1965), 55(1), p. 1.

номической политики»¹⁶. Но это было в прошлом. Будущее, согласно Стиглеру, будет весьма иным.

Эпоха количественных методов теперь в полном расцвете. Мы вооружены раздутым арсеналом техник количественного анализа, мощь которого настолько превосходит неподготовленный здравый смысл, насколько пушки превосходят лучников. Желание измерять экономические явления в настоящее время преобладает... Это научная революция самой первой величины... Я убежден, что экономическая теория наконец вступила на порог своего золотого века, мало того, мы уже одной ногой там. Революция в нашем мышлении стала захватывать государственную политику, и скоро она предъявит нам чрезвычайно сильный спрос. Станет немыслимым, чтобы маргинальные требования на рынке ценных бумаг ежегодно менялись, без знания того, имеют ли они даже самый скромный эффект. Станет невозможным для системы импортных квот избежать исчисления выгод и затрат. Обращение к словесным формулировкам, внешней экономии или к теореме о совершенной конкуренции при обсуждении того, в какой сфере — публичной или частной — должен осуществляться тот или иной вид экономической деятельности, станет поводом только для анекдотичных воспоминаний. Я не заявляю, что мы должны провести исследования, которые представляются мне желательными, но утверждаю, что никто не сможет задержать их начало... То, что мы хорошие теоретики, не является предметом для споров... Последние полвека экономическая теория свидетельствует о громадном росте мощи, тщательности и смелости нашего количественного анализа. Расширение наших теоретических и эмпирических исследований неизбежно и неотвратимо затронет предмет государственной политики, и мы должны развить свод знаний, необходимых для разработки разумных политических рекомендаций. А затем, откровенно говоря, я надеюсь, что мы станем украшением демократического общества, в котором наше мнение об экономической политике должно преобладать¹⁷.

Я присутствовал при прочтении Стиглером своего обращения, и, когда он закончил этими словами, мне было трудно удержать улыбку. Когда прошло непосредственное воздействие этого красноречивого и волнующего послания,

16. Ibid., p. 12.

17. Ibid., p. 16–17.

утверждения Стиглера вызвали в памяти строфы Поупа: «Надежда в нашем сердце, как звезда; Благословенье в будущем всегда»¹⁸.

Но даже если мы не верим, что перед нами вырисовывается столь блестящая перспектива, мы не должны отчаиваться. Если, как я склонен полагать, экономисты обычно не могут повлиять на основной курс экономической политики, в небольшом масштабе их взгляды могут дать о себе знать. Экономист, который своими усилиями способен отложить на неделю реализацию государственной программы, растрачивающей 100 миллионов долларов в год (что я считал бы скромным успехом), этими действиями отрабатывает свою заработную плату за всю жизнь. В самом деле, если подсчитать общую годовую сумму оплаты труда всех экономистов, занимающихся исследованиями проблем государственной политики (или связанных с нею вопросов), что может составить 20 миллионов долларов (или некоторую подобную величину), то станет ясно, что такие расходы (или даже гораздо большие) были бы оправданы, если они приводят к самому незначительному увеличению валового национального продукта. Нет необходимости в изменении мира для того, чтобы оправдать наши зарплаты. Но способствуют ли советы экономистов по вопросам государственной политики улучшению ситуации в тех случаях, когда они имеют некоторое влияние? В моей трактовке основной установкой Стиглера является не укрепление нашего боевого духа, а побуждение к такому изменению нашего образа действий, чтобы нашим советам стоило следовать. Если в результате мы достигнем моей скромной цели, мы по крайней мере отработаем наше содержание. Если представления Стиглера о будущем правильны, то мы одарим человечество значительными выгодами, превышающими вознаграждение.

Ценный совет, который мы могли предложить в прошлом, — то, что я называл простыми истинами, — следовал, конечно, из теоретической системы, которая, хотя сфера ее действия и была ограничена, неоднократно получала подтверждения. Исходная предпосылка этой теории заключается в том, что производители стремятся заработать как можно больше денег, а потребители хотят получить за свои

18. Рус. пер.: В. Микушевича (*Поуп А. Поэмы.* — М.: Художественная литература, 1988). — *Примеч. пер.*

деньги столько, сколько они могут. Или, если дать более общую формулировку, которая имеет больше приложений, эта теория предполагает, что люди стремятся преследовать в основном свои собственные интересы. Как было достоверно доказано, эта теория обоснованна. Но, разумеется, без знания порядка величин (хотя иногда их и можно вывести) оставалось много вопросов, на которые теория не могла ответить. Но это вряд ли объясняет, почему теория игнорировалась в тех вопросах, на которые она могла бы дать ответы.

Стиглер связывает свои большие надежды в отношении будущего с ростом количественных исследований. Но это развитие имеет свою цену. Оно поглощает ресурсы, которые могли бы быть направлены на развитие нашей теории и на эмпирические исследования экономической системы неколичественного характера. Возникает тенденция пренебрегать теми аспектами экономической системы, которые трудно измерить. Это отвлекает внимание от самой экономической системы, направляя его к техническим проблемам измерения. Я не хочу сказать, что мы должны избегать количественных методов. Но хорошо было бы помнить, что не существует такой вещи, как бесплатная статистика.

Мне бы хотелось на примере проиллюстрировать свое мнение о том, что неколичественные исследования или по крайней мере работа с самыми грубыми формами количественных показателей могут иметь практическую пользу. Примерно в 1960 году сенатор Эстес Кефвер проводил слушания о фармацевтической промышленности, и в частности о практике внедрения новых лекарственных препаратов. На этих слушаниях преобладало стремление показать, что закупочные цены слишком велики и, даже более того, что лекарства часто представляют очень малую и даже сомнительную ценность. Сенатор Кефвер пришел к выводу, что было бы желательно регулировать внедрение новых лекарств. В то время это предложение рассматривалось в обстоятельствах, когда стали известны трагические побочные эффекты использования талидомида беременными. В результате регулирование рынка лекарственных средств получило такую поддержку, что предложение Кефвера, которое в противном случае могло бы не добиться одобрения Конгресса, было принято в качестве закона в 1962 году. Было ли это разумным выбором? Рассмотрим, что сказал один экономист в начале 1965 года, задолго до того, как могли стать известны последствия этого нового закона:

Я задаю себе вопрос. Предположим, я врач из государственной службы здравоохранения и кто-то представляет мне новое лекарство. Я могу одобрить его сейчас, хотя мы и не знаем всех последствий его применения, и обычно для того, чтобы узнать все последствия нового лекарства, требуется от пяти до десяти лет после его выхода. Если я его одобрю, а затем произойдет серия трагедий, подобных трагедии с талидомидом, что со мной случится? Меня, несомненно, снимут с работы, и я стану объектом нападков общественности. Публика станет требовать, чтобы полетели головы. Если я одобрю лекарство, которое я не должен одобрять, то меня подвергнут самым тяжелым наказаниям. Предположим, с другой стороны, что оно окажется прекрасным лекарством, использование которого даст замечательные результаты в долгосрочном периоде, но мы этого пока не знаем. Если я задержу использование лекарства на пять лет, пока не станут ясны все его эффекты, то его отсутствие может привести к смерти значительного числа людей. Но те, кто выживет, не станут писать и жаловаться на то, что я не одобрил лекарство ранее. Меня накажут, если я сделаю ошибку, одобрив лекарство слишком рано, а если я ошибусь, одобрив его слишком поздно, то смогу избежать наказания. Такое сочетание поощрений и наказаний... представляется нежелательным¹⁹.

Это простое применение положения о том, что люди (включая тех, кто осуществляет государственное регулирование) стремятся принимать во внимание свои собственные интересы, приводит к выводу, что результатом регулирования станет значительная задержка введения новых лекарств. Те из нас, кто был свидетелем замечательных успехов здравоохранения, которые произошли в последние годы в результате использования новых лекарств, особенно в период после Второй мировой войны, не смогут не почувствовать, что новые правила могут принести больше вреда, чем пользы. В данном случае так получилось, что к настоящему времени проведено количественное исследование воздействия новых правил регулирования рынка лекарств, проведенное Сэмом Пельтцманом из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе²⁰, которое подтвердило, что опасе-

19. George J. Stigler, «The Formation of Economic Policy», in *Current Problems in Political Economy* (Ind.: DePauw University), p. 74–75.

20. Sam Peltzman, «An Evaluation of Consumer Protection Legislation: The 1962 Drug Amendments», *Journal of Political Economy* (September-October 1973), p. 1049.

ния по поводу этого законодательства вполне оправданны. Среднее число новых лекарств, внедряемых каждый год за период с 1963 по 1970 год, составило около 40% от того количества, которое внедрялось в период с 1951 по 1962 год. Проведенное Пельтцманом статистическое исследование показывает, что причиной этого спада является, вероятно, новое законодательство. Но он пошел дальше. Отметив, что, хотя некоторые из запрещенных законодательством лекарств были бы полезны, другие, несомненно, оказались бы небезопасны или ничем не лучше, чем уже существующие препараты, Пельтцман предпринял попытку подсчитать возможные издержки и выгоды новых правил регулирования рынка лекарств. Результаты, к которым он пришел, заключаются в следующем: выгоды (если таковые имеются) от запрета неэффективных и вредных лекарств значительно уступают тем возможностям, которые упущены в результате отсутствия на рынке эффективных лекарств. Данное заключение было ясно предсказано качественной оценкой вероятных результатов новых правил регулирования рынка лекарств, на которую я обратил ваше внимание ранее. Экономистом, проделавшим эту оценку, был Стиглер. Она представляет собой прекрасный пример не количественного рассуждения.

Результаты, полученные Пельтцманом, были вовсе не удивительными, поскольку на основе нашей нормальной теории можно было бы предположить, что произойдет снижение (возможно, значительное) числа новых лекарств, выводимых на рынок, а преимущества, которые могут дать недавно разработанные лекарства, таковы, что они являются преобладающим фактором. Но что удивительно (и наша теория не дает нам оснований ожидать этого), так это то, что нет убедительных доказательств значительного снижения доли неэффективных лекарств среди препаратов, продававшихся после 1962 года, по сравнению с предшествующим периодом. Все это говорит не о том, что решения врачей и пациентов об использовании лекарств правильны, а о трудности разработки альтернативных институтов, которые позволят улучшить ситуацию.

Это, по моему убеждению, обычная ситуация, хотя в целом экономисты, кажется, предполагают иначе. Причина такого оптимистичного отношения заключается в том, что, хотя большинство экономистов и не игнорируют неэффективность рыночной системы, которую в действительности

они часто склонны преувеличивать, но они склонны упускать из виду неэффективность, присущую государственной организации. И поэтому вряд ли может удивить, что примерно последнюю сотню лет экономисты стремились поддерживать постоянно расширяющуюся роль государства в экономических делах (или молчаливо с ней соглашались) и не чувствовали необходимости в серьезном изучении работы государственных организаций. Но если политические рекомендации должны иметь прочное основание, то требуется принимать во внимание не только то, как в действительности работают рынки, но и то, как на самом деле государственные организации исполняют порученные им задачи.

К счастью, мне кажется, что описанная ситуация находится в процессе изменения. Экономисты (вместе с другими исследователями) начинают более критически смотреть на работу правительства, а исследования, о желательности которых я высказался, теперь начинают предприниматься. Примерно за последние пятьдесят лет было, несомненно, произведено больше серьезных исследований государственного регулирования промышленности, особенно в США, чем за весь предшествующий период. Эти исследования были как количественными, так и качественными. Я уже ссылался на исследования регулирования рынков природного газа и лекарственных средств. Но существуют также исследования регулирования множества других видов деятельности, таких как сельское хозяйство, авиация, банковское дело, радиовещание, электроснабжение, распределения молока, железные дороги и автомобильные перевозки, такси, маркировка виски и зонирование. Я упомянул только те исследования, с которыми я знаком, несомненно, их существует гораздо больше. Основной урок, который можно вынести из этих исследований, ясен: все они наводят на мысль о том, что регулирование является либо неэффективным, либо, если его воздействие заметно, в целом его эффект отрицателен, то есть в результате регулирования потребители получают либо продукт более низкого качества, либо более дорогой продукт, либо и то и другое. Действительно, подобные результаты обнаруживаются настолько постоянно, что возникает загадка: можно ли ожидать, что в результате всех этих исследований будет выяснено, что хотя бы некоторые государственные программы приносят больше пользы, чем вреда.

В своей статье «Проблема социальных издержек»²¹ я доказываю, что при выборе между социальными институтами решение должно быть основано на том, как они работают на практике. Я объясняю, что существуют издержки, возникающие в процессе осуществления рыночных трансакций и что, соответственно, существует перераспределение факторов производства, которое само по себе может повысить объем производства, но которого не происходит, если издержки на необходимые трансакции превышают возможный прирост стоимости произведенной продукции. Подобное перераспределение факторов может, конечно, быть также вызвано государственным регулированием. В этом случае государственное регулирование также имеет издержки — и государственные регулирующие органы могут стремиться не только к повышению объема производства. Здесь у государственного регулирования возникает благоприятная возможность улучшить работу рынка. Я писал, что «прямое государственное регулирование не обязательно даст лучшие результаты, чем предоставление решения проблемы рынку или фирме. Но равным образом нет причин и для того, чтобы при случае такое правительственное административное регулирование не могло привести к росту экономической эффективности»²².

Моя задача в том, чтобы объяснить, почему подобные случаи возникают так редко, если вообще возникают. Можно было бы дать такое объяснение: эти исследования производились в случаях провала государственного регулирования и их дальнейшее продолжение раскроет множество примеров успеха. Но подобное объяснение кажется заслуживает доверия, поскольку исследования были весьма многочисленны, а их диапазон очень обширен. При этом в некоторых из тех случаев, когда был обнаружен провал, можно было ожидать успеха, например, в антимонопольной политике, регулировании рынка лекарств, маркировке и зонировании. Тем не менее я склонен думать, что в этом объяснении есть доля истины, и если мы внимательнее посмотрим на те действия правительства, которые непосредственно затрагивают издержки осуществления рыночных трансакций,

21. R. H. Coase, «The Problem of Social Cost», *Journal of Law and Economics* (October 1960), p. 1-44. Рус. пер.: Коуз Р. Проблема социальных издержек // Коуз Р. Фирма, рынок и право. — М.: Дело, 1993. С. 87-141.

22. Ibid., p. 18.

то мы действительно обнаружим случаи, когда действия правительства улучшают ситуацию. Но я не стал бы ожидать, что учет таких случаев изменит основной вывод, если даже они действительно ему противоречат.

Низкую производительность, которую обнаруживает правительство, можно было бы также объяснить тем, что так уж устроен мир — издержки государства всегда выше издержек рыночных транзакций, направленных на достижение того же результата. Но я считаю это неправдоподобным.

Я пришел к выводу, что наиболее вероятной причиной того, что мы получаем эти результаты, является то, что правительство пытается сделать слишком многое — оно действует в таких гигантских масштабах, что достигло стадии, на которой для многих видов его деятельности, как сказали бы экономисты, предельный продукт отрицателен. Мы можем ожидать достижения этой стадии, если размеры организации позволяют ей неограниченно расширяться. Я подозреваю, что именно это и произошло. Если дальнейшие исследования подтвердят, что положение дел действительно таково, то исправить эту ситуацию можно только путем сокращения активности правительства в экономической сфере. Такого сокращения будет нелегко достичь, так как оно противоречит преобладающим настроениям. Как ни странно, при этом исследования, доказывающие, что многие виды государственной деятельности приносят больше вреда, чем пользы, как правило, встречаются с симпатией. Достаточно часто можно прочитать статью или отчет о выступлении, первая часть которого состоит из разоблачения неэффективности и коррупции, обнаруженных при исполнении определенной государственной программы; но нередко за этой первой частью следует вторая, которая обращает наше внимание на некую насущную социальную проблему в сочетании с предложением, чтобы правительство учредило новую программу или агентство или расширило полномочия старого, чтобы справиться с этой проблемой. Очевидно, что неправильно игнорировать плохое исполнение правительством существующих обязанностей при решении о том, должно ли оно брать на себя новые (старые обязанности в основном когда-то были новыми). Но оптимистичное отношение к возможностям правительства, вызванное таким образом мышления, приведет к постоянному расширению роли государства в экономических

делах (и уже сделало это). Если я прав в том, что попытки приступить к осуществлению новых видов деятельности приводят к тому, что правительство начинает хуже справляться с тем, что оно уже делает, продолжающееся расширение роли государства неизбежно приведет нас к ситуации, в которой большая часть мероприятий правительства приносит больше вреда, чем пользы. Я подозреваю, что мы уже достигли этой стадии.

Все это делает задачу экономиста легкой в одном отношении и тяжелой в другом. Она легка, потому что в настоящее время достаточно порекомендовать ограничение любых видов деятельности правительства. Возросшая сложность нашей задачи заключается в том, что наш опыт взаимодействия с разросшейся государственной машиной в настоящее время не способен дать нам достаточно указаний того, какие задачи должно выполнять государство, когда сфера его действия будет сокращена до более подходящего размера. Но, возможно, я преувеличиваю трудности. Переход к меньшему государству вряд ли будет быстрым — и постепенно мы будем иметь возможность накапливать информацию, необходимую для того, чтобы выяснить, какие функции следует оставить правительству.

Однако все это предполагает, что исследования экономистов, как претендует на это Стиглер, в конце концов будут иметь решающее воздействие на государственную политику. Будут ли экономисты более успешны в ограничении роли государства, чем они были в политике, непосредственно затрагивающей работу рынков и системы ценообразования, еще предстоит выяснить. Но как я отметил, не следует пренебрегать даже скромным успехом.

Глава 5

Рынок товаров и рынок идей¹

НОРМАЛЬНАЯ трактовка государственного регулирования рынков проводит резкое различие между обычными рынками товаров и услуг и теми видами деятельности, которые затрагиваются Первой поправкой² — свободой говорить, писать и исповедовать религию — и которые я для краткости называю «рынком идей». Словосочетание «рынок идей» не совсем точно описывает границы области, к которой применяется Первая поправка. Действительно, эти границы не представляются очень точно определенными. Но не может быть никаких сомнений, что рынок идей, устного и письменного выражения мнений, находится в центре той деятельности, которая защищается Первой поправкой, и именно эта деятельность в основном затрагивается в дискуссиях о Первой поправке.

Аргументация, которую я буду рассматривать, давно предвосхищена в дискуссиях о принятии Первой поправки (которая, очевидно, основана на уже существовавших воззрениях), и здесь для экономистов, хотя это может и не касаться к американских юристов, существует определенная опасность ограничиться обсуждением Первой поправки, а не рассматривать общую проблему, частью которой она является. Опасность эта заключается в том, что наше обсуждение может сосредоточиться на рассмотрении реше-

-
1. Представлено на секции «Экономика Первой поправки» в рамках ежегодной встречи Американской экономической ассоциации в декабре 1973 г. Первоначально опубликовано в *American Economic Review* (May 1974). © 1974 American Economic Association. Перепечатано с разрешения.
 2. Имеется в виду Первая поправка к Конституции США, гарантирующая свободу вероисповедания, свободу слова, свободу печати, свободу собраний и право на подачу петиций. — *Примеч. пер.*

ний американских судов, и в особенности Верховного суда, и тем самым в результате мы приходим к тому, что будем использовать скорее судебный, чем развитый в рамках экономической теории, подход к регулированию рынков. Применение такого подхода уже оказало свое пагубное влияние на обсуждение проблем естественных монополий в общественном производстве и нанесло значительный вред теории монополии вообще. Ограниченность данного подхода проявляется также и в том, что, сосредоточиваясь на решении вопросов в узком контексте американской конституции, он затрудняет использование опыта и размышлений всего остального мира.

Какова же общая проблема, которая будет мною рассмотрена? Она состоит в том, что на рынке товаров государственное регулирование желательно, тогда как на рынке идей государственное регулирование нежелательно и должно быть строго ограничено. Обычно считается, что правительство компетентно и должным образом мотивировано для того, чтобы регулировать рынок товаров. Потребители не имеют возможности сделать соответствующий выбор. Производители часто используют монопольную власть, и в любом случае в отсутствие некоторого государственного вмешательства их действия не будут соответствовать общественным интересам. На рынке идей дела обстоят совершенно иначе. Правительство, если оно попытается осуществить регулирование, будет действовать неэффективно, а его мотивы, как правило, будут недобросовестными. Именно поэтому, даже если правительство будет успешным в том, что оно желает достичь, конечный результат окажется нежелательным. С другой стороны, потребители, если им предоставить свободу, прекрасно смогут разобраться между представленными перед ними альтернативными точками зрения, при этом существует твердая уверенность в том, что производители, которые обнаруживают столь неразборчивое поведение на других рынках, будут действовать в общественных интересах, обладают ли они экономической мощью или нет, публикуются ли они или работают для *New York Times*, *Chicago Tribune* или телевизионной сети *CBS* (Columbia Broadcasting System). Политики, чьи действия иногда нас огорчают, в своих высказываниях безупречны. Странной особенностью такого отношения является то, что коммерческая реклама, которая часто просто выражает мнение, а значит, попадает под защиту Первой

поправки, считается частью рынка товаров. В результате действия правительства, которые направлены на регулирование (и даже подавление) выражения мнений в рекламе, считаются желательными, но если эти мнения выражены в книге или статье, то они оказываются совершенно вне досягаемости государственного регулирования.

Эта амбивалентность по отношению к роли государства на рынке товаров и на рынке идей обычно никем не оспаривается, за исключением тех, кто находится в крайне правой или крайне левой части политического спектра, то есть фашистов и коммунистов. Западный мир по большому счету принимает различия и политические рекомендации, которые из нее следуют. Специфичность этой ситуации, однако, не осталась незамеченной, и я бы хотел привлечь ваше внимание к яркой статье Аарона Директора, который цитирует очень сильное утверждение судьи Уильяма Дугласа из решения Верховного суда. Это заявление, несомненно, сделано с намерением интерпретировать Первую поправку, но, очевидно, оно включает независимую от конституционных соображений точку зрения. Судья Дуглас сказал: «Свобода слова, свобода печати, свобода вероисповедания помещены отдельно и обособленно, они выше и вне полицейской власти, они не являются предметом регулирования подобно заводам, трущобам, жилым домам, добыче нефти и т. п.»³ Директор замечает в отношении свободы слова, что это «единственная область, где *laissez-faire* по-прежнему уважается»⁴.

Почему это должно быть так? Отчасти это может быть связано с тем, что вера в свободный рынок идей имеет другие корни, чем вера в ценность свободной торговли товарами. Пр процитируем снова Директора: «Свободный рынок как желательный метод организации интеллектуальной жизни общества начал отстаиваться задолго до того, как он стал защищаться как желательный метод организации его экономической жизни. Преимущества свободного обмена идеями были признаны раньше, чем добровольного обмена товарами и услугами на конкурентных рынках»⁵. В последние годы, в особенности, я думаю, в Америке (то есть в Северной Америке), это мнение об особом статусе рынка идей под-

3. *Beauharnis v. Illinois*, 343 U.S. 250, 286 (1952).

4. Aaron Director, «The Parity of the Economic Market Place», *Journal of Law and Economics* (October 1964), p. 5.

5. *Ibid.*, p. 3.

креплялось приверженностью к демократии, как это иллюстрируется примером политических институтов Соединенных Штатов, неотъемлемой частью которых считается эффективная работа рынка идей, не подлежащих государственному регулированию. Это открывает обширное поле для обсуждения, от которого я воздержусь. Достаточно сказать, что на практике результаты, действительно достигнутые этой конкретной политической системой, свидетельствуют о том, что существует множество «провалов рынка».

Поскольку существует мнение о том, что свобода рынка идей необходима для поддержания демократических институтов, и, как мне кажется, также и по другим причинам, интеллектуалы обнаружили тенденцию превозносить рынок идей и принижать рынок товаров. Подобное отношение представляется мне неоправданным. По словам Директора, «большей части человечества в обозримом будущем придется посвятить экономической деятельности значительную долю своей активной жизни. Для этих людей такие свободы, как свобода выбора владельцев ресурсов среди доступных и постоянно меняющихся возможностей, форм занятости, инвестиций и потребления, так же важны, как и свобода дискуссий и участия в управлении»⁶. Я не сомневаюсь, что это правильно. Для большинства людей в большинстве стран (и, возможно, во всех странах) обеспечение продовольствием, одеждой и жильем является намного более важным, чем обеспечение «правильными идеями», даже если предположить, что мы знаем, в чем они состоят.

Но оставим в стороне вопрос об относительном значении двух рынков; разница в представлении о роли государства на этих двух рынках действительно достаточно примечательна и нуждается в объяснении. Нельзя просто сказать, что государство должно быть исключено из той или иной сферы деятельности потому, что эта деятельность жизненно важна для функционирования нашего общества. Снижение эффективности работы было бы нежелательно даже на тех рынках, которые относятся преимущественно к низшим. Парадокс заключается в том, что государственное вмешательство, которое столь пагубно в одной сфере, становится благотворным в другой. Этот парадокс становится еще более поразительным, когда мы замечаем, что, как

6. Ibid., p. 6.

правило, сильнее всего настаивают на расширении государственного регулирования на других рынках именно те, кто сильнее всего добивается энергичного соблюдения запретов Первой поправки на государственное регулирование рынка идей.

Как можно объяснить этот парадокс? Мягкий характер Директора позволил ему только сделать намек на следующее:

Поверхностное объяснение предпочтения свободы слова среди интеллектуалов можно дать в терминах вертикали интересов. Каждый стремится преувеличить значимость своего собственного занятия и преуменьшить значимость занятия соседа. Занятием интеллектуалов является стремление к истине, тогда как другие просто зарабатывают себе на жизнь. Интеллектуалы посвящают себя профессии, которая обычно требует глубоких знаний, а другие занимаются торговлей или бизнесом⁷.

Я бы выразился более откровенно. Рынок идей является тем рынком, на котором интеллектуалы ведут свою торговлю. Парадокс объясняется их личными интересами и самоуважением. Самоуважение приводит интеллектуалов к преувеличению значения их собственного рынка. Кажется естественным, что действия других должны регулироваться, в особенности потому, что многие интеллектуалы видят себя в качестве проводников такого регулирования. Но это самоуважение сочетается с личным интересом, который заключается в том, чтобы, в то время как другие подвергаются регулированию, оно бы не затрагивало их самих. В результате становится возможным существование таких противоположных взглядов на роль государства на этих двух рынках. Это немаловажное заключение. Возможно, что такое объяснение неприятно, но я не могу дать другого для столь странной ситуации.

Изучение действий прессы, несомненно, подтверждает основное объяснение доминирования мнения о священности и неприкосновенности рынка идей. Пресса, разумеется, самым непоколебимый защитник доктрины свободы печати. Ее общественное служение осуществляется так, как будто бы оно направляется невидимой рукой. Если мы изучим действия и взгляды представителей прессы, то они после-

7. Ibid., p. 6.

довательны только в одном отношении: они всегда защищают интересы самой прессы.

Рассмотрим доводы прессы в пользу того, что она не должна принуждаться к раскрытию источников опубликованных материалов. Это определяется как защита права общества на знание, которое интерпретируется в том смысле, что публика не имеет права знать источник опубликованного прессой материала. Но желание узнать источник истории возникает не из праздного любопытства. Если источник неизвестен, то трудно определить, насколько можно доверять информации, или проверить ее достоверность. Академическая традиция, в соответствии с которой исследователь в максимально возможной степени раскрывает источники, на которые он опирается, и тем самым делает возможной их тщательную проверку со стороны коллег, представляется прочным и существенным элементом поиска истины. Разумеется, контраргумент прессы имеет определенное значение. Он заключается в том, что некоторые люди не будут честно выражать свое мнение, если станет известным, что они действительно его придерживаются. Но этот аргумент равным образом относится к любому выражению взглядов, относятся ли они к правительству, бизнесу или частной жизни, где откровенность требует конфиденциальности. Однако обычно подобные соображения не удерживают прессу от раскрытия этой конфиденциальности, когда сделать это в ее интересах. Разумеется, обнародование источников опубликованных материалов также может воспрепятствовать потоку информации в тех случаях, когда передача информации предполагает злоупотребление доверием или даже кражу документов. Принятие материалов в таких обстоятельствах не согласуется с высокими моральными стандартами и скрупулезным соблюдением законов, которых пресса ожидает от других. Мне трудно поверить, что основное зло Уотергейтского скандала заключается в том, что он не был организован *New York Times*. Я бы не хотел утверждать, что во всех этих случаях отсутствуют противоречивые соображения, которые трудно оценить. Но я хочу сказать, что пресса не находит сложности в их оценке.

Рассмотрим другой пример, во многих отношениях более поразительный: отношение прессы к государственному регулированию телерадиовещания. Вещание — важный источник новостей и информации; оно входит в компетенцию Первой поправки. Тем не менее содержание программы

телерадиовещательной станции подлежит государственному регулированию. Можно было бы подумать, что пресса, преданная строгому соблюдению Первой поправки, станет постоянно нападать на это ограничение свободы слова и выражения мнений. Но в действительности она этого не делает. За все годы, прошедшие после формирования Федеральной комиссии по радио (Federal Radio Commission) в 1929 году (теперь преобразована в Федеральную комиссию по связи, Federal Communications Commission), в прессе было выражено очень мало сомнений по поводу ее политики. Пресса, которая так стремится избежать оков государственного регулирования, никогда не прилагала усилий для того, чтобы обеспечить подобной свободой телерадиовещательную отрасль.

Чтобы вы не думали, что я проявляю враждебность по отношению к американской прессе, я хотел бы отметить, что британская пресса также действовала подобным образом. В данном случае контраст между действиями и провозглашаемыми убеждениями даже более сильный, поскольку в Британии была установлена контролируемая государством монополия над источником новостей и информации. Можно было бы подумать, что такое оскорбление доктрины свободы прессы привело британскую прессу в смятение. Это не так. Она поддержала телерадиовещательную монополию в основном потому, насколько я могу судить, что ее представители увидели альтернативу Британской радиовещательной корпорации (British Broadcasting Corporation — BBC) в коммерческом вещании, которое предполагает усиление конкуренции за рекламные доходы. Но если пресса не хочет конкуренции за рекламные доходы, то она также не хочет конкуренции в поставке новостей. Вот почему представители прессы сделали все возможное для того, чтобы задуть BBC, по крайней мере в качестве поставщика новостей и информации. Когда монополия первоначально была установлена (в то время она еще называлась Британской радиовещательной *компанией* — British Broadcasting Company), BBC было запрещено передавать новости и информацию, если она не получена от определенного перечня новостных агентств. До 7 часов вечера нельзя было транслировать новости и те передачи, которые могли отрицательно повлиять на продажу газет, сталкивающихся с другими ограничениями. Постепенно, с течением лет, эти ограничения были ослаблены в результате переговоров между прессой и BBC. Но только после начала Второй миро-

вой войны ВВС начала транслировать регулярный новостной бюллетень до 6 часов вечера⁸.

Но можно возразить, что тот факт, что на предпринимателей в основном влияют денежные соображения, не является большим открытием. Что еще можно ожидать от стяжателей газетного мира? Кроме того, можно выдвинуть следующий довод: распространение доктрины теми, кто извлекает из нее выгоду, еще не означает, что доктрина несостоятельна. В конце концов, разве свобода слова и свобода печати не защищается также высоконравственными мыслителями, в основе убеждений которых лежит истина, а не более низменные соображения. Никогда не было, несомненно, более высоконравственного мыслителя, чем Джон Милтон. Поскольку его «Ареопагитика» «за свободу печати от цензуры», пожалуй, самая знаменитая из когда-либо написанных, защитой доктрины свободы печати, мне кажется, было бы целесообразно рассмотреть характер его аргументации за свободу печати. Работа Милтона имеет также и другое преимущество для моей цели. Так как она написана в 1644 году (то есть задолго до 1776 года), мы можем увидеть, какова была природа этой аргументации до того, как появилось какое-либо общее понимание работы конкурентных рынков, а также до возникновения современного представления о демократии.

У меня мало оснований претендовать на то, что я могу выступить проводником мысли Милтона. Я знаю очень мало об Англии XVII века и очень многое в памфлете Милтона мне непонятно. Тем не менее некоторые места из этого памфлета и через века сохраняют свою актуальность, а для их понимания не требуется особой учености.

Как и следовало ожидать, Милтон утверждает приоритет рынка идей: «Дайте мне, прежде всех свобод, свободу знать, свободу выражать свои мысли и свободу судить по своей совести»⁹. Он отличается от рынка товаров и не должен рассматриваться таким же образом: «Истина

8. Обсуждение отношения прессы к монополии в британском телерадиовещании см. в: R. H. Coase, *British Broadcasting, A Study in Monopoly* (Cambridge, Mass., 1950), p. 103–110, 192–193.

9. John Milton, *Areoagistica, A Speech for the Liberty of Unlicensed Printing*, with introduction and notes by H. B. Cotterill (New York, 1959), p. 44. Рус. пер.: Милтон Д. Ареопагитика. Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии (1644) // Современные проблемы. Вып. № 1 (Москва–Новосибирск, март 1997 г.).

и разум не такие товары, которые можно монополизировать и продавать под ярлыками, по уставам и по образцам. Мы не должны стремиться превратить все знание нашей страны в товар, накладывая на него клейма и выдавая торговые свидетельства, подобно тому как мы делаем это с нашими сукнами и тюками с шерстью»¹⁰. Цензура напечатанных материалов является оскорблением ученых мужей и учености:

Когда человек пишет для мира, он призывает к себе на помощь весь свой разум, всю силу своей аргументации; он ищет, размышляет, трудится, он, по всей вероятности, советуется и обсуждает свой труд со своими разумными друзьями; совершив все это, он считает себя столь же осведомленным в своем предмете, как и всякий, писавший до него. И если ни годы, ни прилежание, ни прежние доказательства его способностей не могут поставить его, в этом самом совершенном акте его добросовестности и основательности, на ту ступень зрелости, которая исключает недоверие и подозрительность; если, тем не менее, он должен отдавать свое прилежание, свое ночное бдение... на поспешный суд заваленного делами цензора, быть может, гораздо более молодого, чем он, быть может, гораздо ниже его стоящего по критической способности, быть может никогда не давшего себе труда написать книгу; если его сочинение — раз только оно не будет запрещено или забраковано — должно, точно малолетка с дядькой, появиться в печати с ручательством цензора и его удостоверением на обороте заглавного листа в том, что автор не идиот и не развратитель, — то на это следует смотреть не иначе, как на бесчестие и унижение для автора, для книги, для прав и достоинства науки¹¹.

Цензура также является оскорблением простых людей:

Даже для простого народа это прямое оскорбление, так как простирает свои заботы о нем до того, чтобы не сметь доверить ему какого-нибудь английского памфлета, не значит ли считать его за народ безрассудный, порочный и легкомысленный, — народ, который находится в болезненном и слабом состоянии веры и разума и может принимать что-нибудь лишь через трубку цензора?¹²

10. Ibid., p. 29.

11. Ibid., p. 21.

12. Ibid., p. 30.

На рынке идей делается правильный выбор: «Пусть она [истина] борется с ложью: кто знает хоть один случай, когда бы истина была побеждена в свободной и открытой борьбе?»¹³ Те, кто занимаются цензурой, будут некомпетентны. Цензоры, согласно Мильтону, должны быть «прилежными, учеными и рассудительными». Но это не те качества, на которые мы можем надеяться: «легко себе представить, какого рода цензоров мы должны ожидать впоследствии: то будут люди невежественные, властные и нерадивые или низко корыстолюбивые»¹⁴. Цензоры скорее будут преследовать истину, чем ложь: «раз дело дойдет до запрещения, то запрету легко может подвергнуться и сама истина, ибо для наших глаз, омраченных и ослепленных предрассудком и обычаем, ее первое появление гораздо менее заметно и очевидно, чем многие заблуждения»¹⁵. Кроме того, Мильтон не упускает возможности сообщить нам, что порядок цензуры, против которого он пишет, возник в результате давления представителей самой отрасли: «И как он взял верх... в этом случае можно подозревать обман со стороны некоторых прежних обладателей привилегий и монополий в книжной торговле»¹⁶.

В формировании взглядов Мильтона определенную роль, возможно, сыграл личный интерес, при этом нет никаких сомнений, что его аргументация в значительной степени включает в себе интеллектуальную гордость такого типа, на который ссылается Директор. Писатель является добросовестным и заслуживающим доверия ученым мужем. Цензор же невежествен, некомпетентен, будет руководствоваться низкими мотивами, возможно, будет «моложе» и «ниже стоять по критической способности». Обычный человек всегда предпочтет истину лжи. Эта картина несколько односторонняя, чтобы быть совершенно убедительной. И если она была убедительной для интеллектуального сообщества (а она, очевидно, была часто таковой), то, несомненно, поскольку людей легко уверить в том, что, то, что хорошо для них, «хорошо и для страны».

По моему мнению, это различие между рынком товаров и рынком идей не имеет под собой основы. Между двумя этими рынками нет принципиальной разницы, и при при-

13. Ibid., p. 45.

14. Ibid., p. 25.

15. Ibid., p. 47.

16. Ibid., p. 50.

нятии решений о государственной политике в отношении этих рынков, мы должны принимать во внимание одинаковые соображения. На всех рынках у производителей есть причины быть честными и есть причины быть нечестными; потребители обладают некоторой информацией, но информированы не полностью или даже неспособны усвоить ту информацию, которая у них есть; сотрудники регулирующих органов, как правило, хотят проделать хорошую работу, но часто некомпетентны и подвержены влиянию особых интересов, поскольку им, как и всем нам, ничто человеческое не чуждо и их самыми сильными мотивами не обязательно являются самые высокие.

Когда я сказал, что необходимо принимать во внимание одинаковые соображения, то не имел в виду, что государственная политика должна быть одинаковой на всех рынках. Особые характеристики каждого рынка приводят к тому, что одни и те же факторы имеют разный вес и, соответственно, будут меняться необходимые социальные механизмы. Неразумно иметь одинаковые правовые механизмы для регламентации предложения мыла, жилья, автомобилей, нефти и книг. Моя позиция в том, что мы должны использовать одинаковый *подход* для всех рынков при принятии решений о мерах государственной политики. На самом деле, если мы сделаем это и станем использовать на рынке идей тот подход, который рекомендуется экономистами для других рынков, то очевидно, что аргументация в пользу государственного вмешательства в работу рынка идей будет гораздо сильнее, чем обычно используемая для рынка товаров. Например, экономисты обычно признают необходимость государственного вмешательства, которое может включать прямое государственное регулирование, в тех случаях, когда рынок не работает должным образом, то есть когда существует то, что называют эффектами соседства или побочными эффектами, или, если использовать это несчастное слово, «внешними эффектами». Если мы попытаемся представить, какая потребуется система прав собственности и какие необходимо будет осуществить трансакции, для того чтобы установить такой порядок, когда каждый, кто отстаивает определенную идею или предложение реформы, получил бы в результате выгоду или должен бы был заплатить компенсацию за произведенный ущерб, то мы легко увидим, что на практике это, скорее всего, приведет к серьезному «провалу рынка». Обычно в ситуациях тако-

го рода экономисты говорят о необходимости широкомасштабного государственного вмешательства.

Рассмотрим также пример неосведомленности потребителя, которая обычно считается оправданием государственного вмешательства. Трудно поверить, что при оценке конкурирующих взглядов на экономическую и социальную политику широкая общественность находится в лучшем положении, чем при выборе между разными видами продуктов питания. Тем не менее в одном случае регулирование поддерживается, а в другом нет. Или рассмотрим проблему мошенничества, для предотвращения которого обычно отстаивается необходимость государственного вмешательства. Было бы трудно отрицать, что газетные статьи и выступления политиков содержат большое количество ложных и вводящих в заблуждение заявлений, более того, иногда они, кажется, почти не содержат ничего больше. Государственное вмешательство для предотвращения ложной и вводящей в заблуждение рекламы считается весьма желательным. Тем не менее предложение о создании Федеральной комиссии прессы или Федеральной политической комиссии, по образцу Федеральной торговой комиссии, будет начисто отвергнуто.

Сильная поддержка, которой пользуется Первая поправка, не должна скрывать от нас, что в действительности правительство в значительной степени вмешивается в работу рынка идей. Я упоминал телерадиовещание. Но также характерен пример образования, которое, хотя и играет ключевую роль на рынке идей, подвергается серьезному регулированию. Можно было бы подумать, что те, кто так стремится воспрепятствовать государственному регулированию книг и другой печатной продукции, также найдут предосудительным подобное регулирование в области образования. Но, конечно, здесь существует отличие. Государственное регулирование образования обычно сопровождается государственным финансированием и другими мерами (такими как обязательное школьное обучение), которые повышают спрос на услуги интеллектуалов, а значит, и их доходы¹⁷. Таким образом, собственный интерес, который, как правило, приводит к поддержке свободного рынка в области идей, в случае образования подсказывает другое отношение.

17. См.: E. G. West, «The Political Economy of American Public School Legislation», *Journal of Law and Economics* (October 1967), p. 101.

Я не сомневаюсь, что детальное исследование сможет открыть и другие случаи, когда группы участников рынка идей поддерживают государственное регулирование и ограничение конкуренции, если это приведет к увеличению их доходов, точно так же, как мы обнаруживаем подобное поведение на рынке товаров. Но заинтересованность в монополизации на рынке идей, возможно, меньше. Результатом общей политики регулирования, которая ограничивает рынок, может стать снижение спроса на услуги интеллектуалов. Но более важным, возможно, является то, что схватка между истиной и ложью обычно интереснее публике, чем сама истина. Спрос на услуги писателя и оратора в значительной степени зависит от существования противоречий, а для существования противоречий не нужна единственная и торжествующая истина.

Но независимо от мотивов, которые привели к всеобщему одобрению существующего положения, остается вопрос о том, какая политика нам действительно необходима. Для ответа на этот вопрос мы должны выяснить, как правительство будет осуществлять возложенные на него функции, каковы бы они ни были. Я не уверен, что мы сможем прийти к сколь-нибудь достоверному решению, если мы не оставим существующее двойственное отношение к деятельности правительства на двух рынках и не станем относиться к нему более последовательно. Мы должны решить, является ли правительство некомпетентным, как это обычно предполагается на рынке идей, в этом случае мы должны желать сокращения государственного вмешательства в работу рынка товаров, или же оно эффективно, как это обычно предполагается на рынке товаров, и в этом случае мы желаем повышения государственного вмешательства в работу рынка идей. Разумеется, можно также принять и среднюю позицию: правительство не является ни некомпетентным и подлым, как предполагается на одном рынке, ни эффективным и добродетельным, как предполагается на другом. В этом случае мы должны уменьшить величину государственного регулирования на рынке товаров и можем пожелать увеличения государственного регулирования работы рынка идей. Я с нетерпением ожидаю узнать, какая из представленных альтернатив будет принята моими коллегами по экономической профессии.

Глава 6

Богатство народов¹

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ сегодня, девятого марта [1976 г.], чтобы отметить двухсотлетний юбилей публикации «Исследования о природе и причинах богатства народов» Адама Смита. Я убежден, что мы сделали это не только потому, что эта книга имеет историческое значение как веха в развитии экономической мысли, но и потому, что она живет и теперь и дает нам важные уроки. Моя лекция, и другие ей подобные, полезна только тем, что она может стать первым шагом к тому, чтобы прочитать книгу «Богатство народов» или, если это уже сделано, перечитать ее.

«Богатство народов» — это шедевр. Его взаимосвязанные темы, его тщательное описание экономической жизни, а также его мощные идеи, ярко выраженные и прекрасно иллюстрированные, — все это не может не творить чудеса. Но само богатство этой книги означает, что каждый из нас увидит его по-своему. Она не похожа на таблицу умножения или на современный учебник, содержащий несколько простых понятий, после усвоения которых новое прочтение становится ненужным. В «Богатстве народов» можно найти множество идей, оно ставит перед нами множество проблем, которые стоит обдумать. Хотя может прийти время, когда «Богатство народов» больше не сможет нас ничему научить или, точнее, когда то, чему бы мы могли научиться, не будет иметь никакого отношения к нашим проблемам, но это время еще не пришло и, на мой взгляд, не придет еще очень долго.

1. Первоначально представлена как публичная лекция в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе под эгидой экономического факультета и Фонда исследований в области экономики и образования (Foundation for Research in Economics and Education). Опубликовано Фондом для частного использования и затем напечатано в *Economic Inquiry* (July 1977). Перепечатано здесь с разрешения.

Адам Смит родился в 1723 году. Он поступил в Университет Глазго в возрасте четырнадцати лет, согласно У. Скотту, несколько позже, чем обычно в его время. В 1740 году, когда ему было семнадцать лет, он получил степень магистра искусств. Затем он получает то, что мы бы назвали стипендией для продолжения образования в Оксфорде. Здесь, предоставленный сам себе, без помощи преподавателей, которые, как он описывает в «Богатстве народов», получали свою оплату независимо от того, преподают ли они или нет, Смит в течение шести лет занимается самостоятельным образованием. После этого он возвращается в Шотландию и, в период между 1748 и 1751 годом, читает в Эдинбурге публичные лекции по литературе, риторике и юриспруденции. Кажется очевидным, что лекции по юриспруденции включали раннюю версию некоторых из ведущих идей, которые потом появятся в «Богатстве народов». В 1751 году он был назначен профессором в Университет Глазго, сначала логики, а вскоре после этого моральной философии.

В 1759 году Смит опубликовал «Теорию нравственных чувств», в значительной степени основанную на его лекциях. Но также он читал лекции по юриспруденции, в которых, под заглавием «Полиция» (Police), изложил свои взгляды на экономику. Как отмечает Эдвин Кеннан, это может показаться нам странным, но только потому, что Адам Смит считал, что экономическая система должна контролироваться рынком, — мнение, которое разделяется многими из нас в значительной степени благодаря его работе. Если бы Смит был, используя слова Кеннана, «традиционным защитником государственного контроля над торговлей и промышленностью», подобно многим своим современникам и большинству предшественников, то это бы был само собой разумеющийся заголовок для того, чтобы обсудить контроль над ценами². Удивление у тех, кто слушал лекции Смита в Глазго, мог вызвать не заголовок, а его выводы.

В 1764 году Адам Смит оставил свое профессорство, чтобы стать воспитателем молодого герцога Баклю. Следующие два с половиной года он провел вместе с ним, в основном во Франции. Эта должность принесла ему пожизненную пенсию в 300 фунтов стерлингов в год, и после возвращения в Британию в 1766 году большую часть жизни

2. Adam Smith, *An inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, editor's introduction (Modern Library, 1937), p. xxix-xxx.

Смит провел в Керколди, месте своего рождения, где он посвятил себя научным исследованиям и написанию «Богатства народов».

Из этого краткого описания жизни Адама Смита мы можем увидеть те особые обстоятельства, кроме его гения, которые способствовали столь необычайной влиятельности «Богатства народов». Во-первых, многие основные идеи появляются у него очень рано, вполне вероятно, во время пребывания Смита в Оксфорде. Он обдумывал эти идеи, обогащая свой анализ при помощи чтения и наблюдения, в течение примерно тридцати лет. Он потратил продолжительные периоды времени, сначала в Оксфорде, а затем в Керколди, на самостоятельную разработку своей позиции, очень мало или совсем не контактируя с другими исследователями, интересующимися экономическими вопросами. Смит называл себя «философом-отшельником», и, хотя он также, кажется, был «клубным» человеком, не может быть сомнений, что он наслаждался уединением и мог самостоятельно хорошо работать, совсем не нуждаясь в каком-либо стимулировании со стороны других. В письме своему другу Давиду Юму, написанном из Керколди, он сообщает: «Моя работа здесь — это исследования... Мои развлечения — это долгие одинокие прогулки у моря. Вы можете судить, как я провожу свое время. Я чувствую себя, однако, до крайности счастливым, спокойным и довольным. Пожалуй, за всю мою жизнь я никогда не был таким в большей степени»³.

Независимость ума Адама Смита и его любовь к одиночеству, которая дала полную свободу этой независимости, должно быть, значительно помогли в написании книги, которая положила начало новому предмету. Возможно, не случайно, что Адам Смит и Исаак Ньютон оба родились после смерти своих отцов. Историки экономической мысли говорят нам, и я уверен, что это действительно так, о работах других исследователей, таких как Фрэнсис Хатчесон и Бернард Мандевиль, которые повлияли на Смита. Но он воспринял их идеи и заставил служить своим собственным целям.

Всеобщий успех «Богатства народов» зависит, однако, от другого фактора: его удобочитаемости. Адам Смит, как это видно из тех тем, которые он рассматривал в лекциях в Эдинбурге, а затем в Глазго, интересовался искус-

3. E. G. West, *Adam Smith, the Man and His Works* (1969), p. 153.

ством письма (Джеймс Босуэлл был одним из его учеников). Йозеф Шумпетер несколько неохотно признает мастерство Смита: «В действительности Смит питал неприязнь ко всему, выходящему за пределы ясного здравого смысла. В своем изложении он никогда не поднимался выше уровня понимания даже самых недалеких из своих читателей. Он вел их за собой с осторожностью, подбадривая тривиальностями и безыскусными наблюдениями, сохраняя в них чувство удовлетворения на протяжении всего пути»⁴. Эти слова Шумпетера означают, что «Богатство народов» можно читать с удовольствием. Оно понятно, занято и убедительно. Стилль Адама Смита, конечно, очень отличается от стиля большинства современных экономистов, которые либо неспособны писать на простом английском, либо решили, что выиграют больше, если будут запутывать свою мысль.

Ценные качества, воплотившиеся в «Богатстве народов» и сделавшие книгу столь влиятельной, во многом обязаны тому, что Смит работал в одиночестве и посвятил написанию книги половину своей жизни. Но отсюда следуют и некоторые ее недостатки. Часто отмечалось, что построение «Богатства народов» не особенно удачно с неуклюжими разделами. Действительно, сам Смит называет некоторые особенно длинные разделы «отступлениями». Обычно это объясняется тем, что, поскольку он писал «Богатство народов» на протяжении очень длительного периода, время от времени пополняя разделы, Смит посчитал, что проделать существенные исправления в предыдущих разделах, которых требует более искусное построение, было бы слишком обременительной задачей. Я принимаю это объяснение. Кажется очевидным, что процесс письма давался Смигу крайне болезненно. Похоже, это было верно даже для самого физического акта письма, поскольку он обычно работал, диктуя секретарю.

«Богатство народов» содержит также некоторые неясности и несоответствия, которые могли бы быть удалены, если бы Адам Смит не был так одинок и больше консультировался с другими, хотя надо признать, что немногие из его современников были способны внимательно проанализировать его работу. Существует, однако, и другая

4. Joseph A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (1954), p. 185. Рус. пер.: Шумпетер Й.А. История экономического анализа. Т. 1. – СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 237.

причина, по которой Адам Смит не проявил к своему труду дополнительного внимания, в результате чего могли бы быть удалены некоторые несоответствия: он не знал того, что является Адамом Смитом. Если бы он знал, что мы будем обсуждать его работу через двести лет после ее публикации, он бы, несомненно, был бы еще более тщателен при ее написании. Но я думаю, что мы можем быть рады тому, что он не мог предвидеть столь высокий интерес к своей работе, поскольку наиболее вероятным результатом такого предвидения было бы желание совсем не публиковать «Богатство народов». Когда Адам Смит умирал, он попросил сжечь все его сохранившиеся рукописи, что и было осуществлено к отчаянию всех любителей его творчества. Человек, который так беспокоился о том, чтобы работа, не завершенная должным образом, была скрыта от публики, был бы очень обеспокоен тем тщательным изучением, которому было подвергнуто «Богатство народов». Другим его замечанием, которое он сделал в ожидании смерти, было сожаление о том, что он сделал так мало: «Я намеревался сделать больше»⁵. Все это позволяет предположить, что он никогда не догадывался о том, чего достиг — что его сосредоточенное исследование позволило создать самую важную, из когда-либо написанных, книгу по экономике, работу гения.

Достижением Адама Смита является то, что он придал экономической теории ее форму. Анализируемые им проблемы, используемый подход, даже порядок, в котором рассматриваются различные темы, все это до настоящего времени повторяется в курсах по экономической теории. С определенной точки зрения последние двести лет экономической науки были не более чем «операцией по зачистке», в которой экономисты заполняли пробелы, исправляли ошибки и совершенствовали анализ «Богатства народов».

Адам Смит преуспел в создании системы анализа — нашей системы анализа — посредством ряда мастерских ходов. Некоторые из них нам очень хорошо знакомы. Другие, как мне кажется, нет, даже если они оцениваются по достоинству. Начальная точка Смита хорошо известна. Он отказывается от идеи, которой придерживались многие меркантилисты, что богатство состоит из золота или денег. Для Смита богатством народа было то, что люди получают за свои

5. John Rae, *Life of Adam Smith* (1895), p. 434.

деньги, то есть то, что производится, либо прямо, либо косвенно, путем обмена с другими народами. Эта точка зрения выражается в первых словах «Богатства народов»:

Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года и состоящие всегда или из непосредственных продуктов этого труда, или из того, что приобретается в обмен на эти продукты у других народов. В зависимости поэтому от большего или меньшего количества этих продуктов или того, что приобретается в обмен на них, сравнительно с числом тех, кто их потребляет, народ оказывается лучше или хуже снабженным всеми необходимыми предметами и удобствами, в каких он нуждается⁶.

Мы можем сразу увидеть, что объектом исследования Адама Смита являются поток реальных товаров и услуг за определенный период времени и его отношение с потребителями этих товаров и услуг. Акцент делается на реальные, а не денежные доходы: «Рабочий бывает богат или беден, он хорошо или плохо вознаграждается в зависимости от действительной, а не номинальной цены его труда» (р. 51; рус. пер.: с. 37).

Это начальная точка Адама Смита. Благосостояние народа зависит от его производства. Но величина произведенного зависит в свою очередь от разделения труда: «Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда» (р. 13; рус. пер.: с. 21). Даже производство самых обычных благ требует сотрудничества огромного количества людей:

Присмотритесь к домашней обстановке большинства простых ремесленников или поденщиков в цивилизованной и богатеейшей стране, и вы увидите, что невозможно даже пере-

6. Adam Smith, *An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, vol. 1 of *The Glasgow edition of the Works and Correspondence of Adam Smith*, R. H. Campbell and A. S. Skinner, eds. (1976); p. 10. Рус. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Соцэкгиз, 1962. С. 17. Заметьте, что в дальнейшем все используемые цитаты берутся из «Богатства народов», если не указано иное; номера страниц приводятся по тексту в данном издании.

числить количество людей, труд которых, хотя бы в малом размере, был затрачен на доставление всего необходимого им. Шерстяная куртка, например, которую носит поденный рабочий, как бы груба и проста она ни была, представляет собою продукт соединенного труда большого количества рабочих. Пастух, сортировщик, чесальщик шерсти, красильщик, прядильщик, ткач, ворсировщик, аппретурщик и многие другие — все должны соединить свои различные специальности, чтобы выработать даже такую грубую вещь (р. 22; рус. пер.: с. 25).

И Адам Смит продолжает в этом роде, добавляя все больше и больше деталей, до тех пор, пока не возникает возможность сделать вывод: «...если мы рассмотрим все это, говорю я, и подумаем, какой разнообразный труд затрачен на все это, мы поймем, что без содействия и сотрудничества многих тысяч людей самый бедный обитатель цивилизованной страны не мог бы вести тот образ жизни, который он обычно ведет теперь и который мы неправильно считаем весьма простым и обыкновенным» (р. 23, рус. пер.: с. 26).

Шумпетер отмечает, что «никто ни до, ни после А[дама] Смита никогда не придавал такого значения разделению труда»⁷. Но Адам Смит был прав, настаивая на важности разделения труда, а мы ошибаемся, пренебрегая им. Для этого он поворачивает экономическую науку к изучению человека в обществе и ставит чрезвычайно сложный вопрос: каким образом может быть достигнуто это сотрудничество огромного количества людей в странах по всему миру, необходимое для достижения даже самого скромного уровня жизни? Ответ Адама Смита заключается в том, что это делается при помощи торговли или обмена, использования рынка, подогретого собственным интересом:

Человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них. Всякий предлагающий другому сделку какого-либо рода предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе, — таков смысл всякого подобного предложения. Именно таким путем мы получаем друг от друга

7. Schumpeter, *History of Economic Analysis*, p. 187. Рус. пер.: с. 240.

значительно большую часть услуг, в которых мы нуждаемся. Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах (р. 26–27; рус. пер.: с. 27–28).

Это хорошо известное высказывание и вы и я бесчисленное число раз встречали в той или иной книге. Можно подумать, что здесь утверждается, что над человеком полностью доминируют его собственные интересы, а чувство доброжелательности не оказывает на него никакого влияния. Более того, здесь, кажется, подразумевается, что благожелательность или любовь не может создать основу для функционирования экономической организации. Оба этих умозаключения ошибочны. На поведение человека, как это было известно автору «Теории нравственных чувств», влияет чувство доброжелательности; разделение труда в рамках семьи, даже большой семьи, может поддерживаться любовью или привязанностью. Адам Смит, по моему убеждению, отмечает более тонкий и более важный момент, чем это обычно предполагается. Благожелательность или любовь всегда носит личный характер; сильнее всего она внутри семьи, но может существовать также между коллегами и друзьями. Хотя чем дальше связи, тем в общем-то мы находимся под более слабым влиянием чувств любви и доброжелательности. Именно это говорит Адам Смит в «Теории нравственных чувств».

Как ни странно, но я не могу припомнить никого, кто, процитировав этот знаменитый отрывок (а он повторялся бесчисленное количество раз), также привел бы то, что Смит говорит всего двумя строками выше. «В цивилизованном обществе он [человек] непрерывно нуждается в содействии и сотрудничестве множества людей, между тем как в течение всей своей жизни он едва успевает приобрести дружбу нескольких лиц» (р. 26; рус. пер.: с. 27). Это, как мне кажется, полностью меняет возможное восприятие аргументации Смита. Невозможно полагаться на доброжелательность, чтобы достичь адекватного разделения труда. Мы нуждаемся в сотрудничестве множества людей, многих из которых мы даже не знаем и в отношении которых мы не можем поэтому испытывать благожелательности, так же как они не чувствуют ее по отношению к нам. Дей-

ствительно, даже если мы их узнаем, их жизнь и обстоятельства часто могут настолько отличаться от наших собственных, что нам будет очень трудно почувствовать хоть какую-то симпатию. Опора на собственный интерес — это не просто один из возможных способов достижения разделения труда; для того разделения труда, которое необходимо для цивилизованной жизни, — это единственный способ.

У нас просто нет времени на то, чтобы выяснить, какие люди выигрывают от нашего труда, или изучить их жизненные обстоятельства, и поэтому мы не можем испытывать доброжелательности по отношению к ним, даже если бы такая благожелательность имела бы под собой основания, если бы мы были полностью информированы. Тот факт, что при обсуждении интерпретации Адамом Смитом разделения труда экономисты обычно приводили его знаменитый пример производства булавок (где все находится на одной мануфактуре), а не тот длинный отрывок, который я цитировал ранее (где участники разделения труда разбросаны по всему миру), также поспособствовал отвлечению внимания от крайне ограниченной роли, которую может сыграть благожелательность при обеспечении разделения труда в современной экономике.

Я заметил, что никогда не приводилась цитата о том, что за всю свою жизнь человек «едва успевает приобрести дружбу нескольких лиц». Удивительно, что не приводилось также и высказывание, которое следует за знаменитой цитатой:

Никто не хочет зависеть главным образом от благоволения своих сограждан. Даже нищий не целиком зависит от него... Большая часть его нужд удовлетворяется таким же способом, как и нужды других людей, а именно посредством договора, обмена, покупки. На деньги, которые нищий получает от других людей, он покупает пищу. Старое платье, которое ему дарят, он выменивает на другое, более подходящее для него, или на жилище, пищу, наконец, на деньги, на которые он может купить пищу, одежду, снять помещение в зависимости от потребности (p. 27; рус. пер.: с. 28).

Суть аргументации Адама Смита заключается, на мой взгляд, не в том, что благожелательность или любовь *не является* основой экономической жизни в современном обществе, а в том, что она *не может* ею являться. Мы должны полагаться на рынок и его мотивирующую силу, на соб-

ственный интерес. Если бы человек был устроен так, что он мог отвечать только на чувство доброжелательности, мы бы до сих пор жили в пещерах, а наша жизнь была бы «беспроектна, тупа и кратковременна».

Тем самым эффективная работа рынка становится ключевым фактором поддержания и увеличения комфортабельных стандартов жизни. Сначала Смит показывает, что эффективная рыночная система требует, из-за неудобности бартера, использования денег, в которых выражаются все цены. Затем он показывает, что система ценообразования является саморегулирующимся механизмом, который приводит к такому использованию ресурсов, чтобы максимизировать стоимость их вклада в производство: «Каждый отдельный человек постоянно старается найти наиболее выгодное приложение капитала, которым он может распоряжаться. Он имеет в виду свою собственную выгоду, а отнюдь не выгоды общества. Но когда он принимает во внимание свою собственную выгоду, это естественно или, точнее, неизбежно приводит его к предпочтению того занятия, которое наиболее выгодно обществу» (р. 454; рус. пер.: с. 331). Он «невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это» (с. 456; рус. пер.: с. 332).

Аналитическая система Адама Смита может показаться нам примитивной, но в действительности он приходит к результатам, которые и сегодня считаются точными. Он использует концепцию естественной цены, которую мы назвали бы ценой долгосрочного предложения. Действительный спрос — это количество, на которое предъявляется спрос по этой цене. Вот как Адам Смит описывает положение равновесия:

Если товар доставлен на рынок в количестве, как раз достаточном для удовлетворения действительного спроса, то рыночная цена или совершенно совпадает, или почти совпадает с естественной ценой. Все количество товара, имеющееся налицо, может быть продано именно по этой, но не по более высокой цене. Конкуренция между различными торговцами заставляет их принять эту цену, но не вынуждает соглашаться на меньшую (р. 74; рус. пер.: с. 57).

Он также проходит через операцию, которая знакома тем, кто изучает вводный курс по экономической теории, предполагая, что предложенное количество меньше того, на которое предъявляется спрос по равновесной цене:

Если количество товара, доставленного на рынок, не покрывает действительного спроса, то лица, соглашающиеся заплатить полную стоимость ренты, заработной платы и прибыли, которые надлежит оплатить для того, чтобы товар был доставлен на рынок, не могут получить именно то количество товара, которое им нужно. Не желая совсем остаться без него, некоторые из них предпочитают в таком случае заплатить за него несколько больше. Среди них начнется сейчас же конкуренция, и рыночная цена более или менее повысится в сравнении с естественной ценою (р. 73–74; рус. пер.: с. 57).

И разумеется, он рассматривает, что случится, когда предложенное количество больше того, на которое предъявляется спрос по равновесной цене:

Если количество товара, доставленного на рынок, превышает действительный спрос, то он не может быть полностью продан тем, кто готов заплатить всю стоимость ренты, заработной платы и прибыли, которые надлежит оплатить для того, чтобы товар был доставлен на рынок. Некоторая часть товара должна быть продана лицам, которые согласны заплатить меньше этой суммы, и более низкая цена, даваемая ими, должна понизить цену всего товара в целом. Рыночная цена падает сравнительно с уровнем естественной цены в зависимости от того, насколько избыток предложения товара обостряет конкуренцию между продавцами, или в зависимости от того, насколько им необходимо немедленно сбыть с рук этот товар. Избыточный ввоз скоропортящихся продуктов вызывает гораздо большую конкуренцию, чем такой же ввоз товаров непортящихся, — ввоз апельсинов, например, вызывает большую конкуренцию, чем ввоз железного лома (р. 73–74; рус. пер.: с. 57).

В качестве примера того, каким образом Адам Смит исследует реальную ситуацию, рассмотрим его обсуждение воздействия общественного траура на повышение спроса на черную материю:

Общественный траур повышает цену черной материи (в которой рынок в таких случаях почти всегда испытывает недостаток) и увеличивает прибыли купцов, обладающих сколько-

нибудь значительным количеством ее. Он совсем не отражается на заработной плате ткачей. Рынок испытывает недостаток в товарах, но не в труде, недостаток в уже выполненной работе, но не в работе, подлежащей выполнению. Но этот же траур повышает заработную плату рабочих-портных. В этой области рынок испытывает недостаток в труде. Здесь налицо действительный спрос на большее количество труда или работы, подлежащей выполнению, превышающий предложение. Траур ведет к понижению цены цветных шелковых и шерстяных материй и, таким образом, сокращает прибыли купцов, имеющих на руках сколько-нибудь значительное количество их. Он понижает также заработную плату рабочих, занятых в изготовлении этих товаров, так как всякий спрос на них приостанавливается на шесть месяцев, а может быть, и на целый год. В данном случае рынок оказывается переполненным как товарами, так и трудом (р. 76-7; рус. пер.: с. 59).

Безошибочность этого анализа показывает способность Адама Смита добраться до сути вещей. Возможно, его инструменты примитивны, но зато превосходно его мастерство в обращении с ними. Хотя он и не работает с графиками, но его анализ имплицитно содержит положения, на основе которых можно построить такую кривую спроса, где меньшей цене будет соответствовать больший спрос. Рассмотрим снова мысли Смита о воздействии регулирования цен:

Когда правительство в стремлении устранить неудобства дороговизны приказывает всем торговцам продавать хлеб по цене, которую оно считает разумной и справедливой, оно или удерживает их от доставки хлеба на рынок, что может иногда вызвать голод даже в начале года, или, если они и привозят его туда, это дает населению возможность и потому поощряет его потреблять хлеб так неумеренно, что это должно неизбежно породить голод еще до конца года. Неограниченная, ничем не стесняемая свобода хлебной торговли не только представляет собою единственное средство для предотвращения бедствий голода, она является также наилучшим средством против неудобств дороговизны, ибо неудобные последствия действительного неурожая ничем нельзя предотвратить, их можно только смягчить (р. 527; рус. пер.: с. 383).

Можем ли мы сегодня сказать лучше при обсуждении государственного контроля над ценами на нефть и природный газ?

Умение Адама Смита оперировать экономическим анализом не заслужило, тем не менее, всеобщей похвалы. Грубость его трактовок и отсутствие финальной отделки подвергались резкой критике со стороны некоторых экономистов. Действительно, настолько резкой, что можно было бы подумать, что и сам Адам Смит был бы не нужен, если бы эти ученые жили в 1776 году. Многие экономисты критиковали способ, который Адам Смит использовал для обсуждения различия между «потребительной стоимостью» и «меновой стоимостью»:

Предметы, обладающие весьма большой потребительной стоимостью, часто имеют совсем небольшую меновую стоимость или даже совсем ее не имеют; напротив, предметы, имеющие очень большую меновую стоимость, часто имеют совсем небольшую потребительную или совсем ее не имеют. Нет ничего полезнее воды, но на нее почти ничего нельзя купить... Напротив, алмаз почти не имеет никакой потребительной стоимости, но часто в обмен на него можно получить очень большое количество других товаров (р. 44-45; рус. пер.: с. 37).

Это высказывание на самом деле не является ни оригинальным, ни особенно полезным. Но экономическая теория Адама Смита от этого никак не страдает, потому что он также не дает нам теорию убывающей предельной полезности. Теория полезности всегда была скорее украшением, чем рабочей частью экономического анализа.

Другой отрывок, который вызывал раздражение у экономистов, — это заявление Адама Смита о монопольной цене:

Монопольная цена во всех случаях является высшей ценой, какая только может быть получена. Естественная цена, или цена свободной конкуренции, напротив, представляет собою самую низкую цену, на какую можно согласиться, конечно, если речь идет не об отдельном случае, а о продолжительном времени. Первая во всех случаях является высшей ценой, какую только можно вытянуть у покупателей или какую, как предполагается, они согласны дать; вторая представляет собою низшую цену, какую продавцы соглашаются взять, не прекращая в то же время своего дела (р. 78-79; рус. пер.: с. 61).

Возражения вызвало то, что Смит, говоря о наивысшей цене, которая может быть получена, а не о цене, которая максимизирует прибыль, кажется, не принимает во вни-

мание то, что спрос по более высокой цене будет ниже, или же предполагает, что уменьшение объема спроса лишено непрерывности. Но, как это видно из цитаты, которую я приводил ранее, а также достаточно очевидно повсюду в «Богатстве народов», Смит знал, что кривая спроса имеет отрицательный наклон. При этом ясно, что он не был способен сформулировать определение монопольной цены в строгой манере Курно. Тем не менее Смит имел достаточно четкое представление о конкуренции. Он думал о конкуренции, что иллюстрируется приведенными ранее цитатами, как о соперничестве, как о процессе, а не как об условии, определенном высокой эластичностью спроса, подобно большинству современных экономистов. Я не могу скрывать от вас свое убеждение в том, что в конечном итоге восторжествует взгляд Смита на конкуренцию.

Адам Смит обсуждает также отношение между числом конкурентов и возникающей в результате ценой. Он пишет, что если капитал, вложенный в торговлю «находится в руках двух торговцев, то конкуренция между собой будет вынуждать их обоих продавать свои товары дешевле, чем если бы товар находился в одних руках. Если же весь капитал оказался бы распределенным среди двадцати торговцев, то их конкуренция была бы, соответственно, сильнее, а возможность сговора между ними в целях повышения цен меньше» (р. 361–362; рус. пер.: с. 266). Смит был убежден в том, что увеличение числа конкурентов приведет к снижению цен, как прямо, посредством конкурентного процесса, так и косвенно, снижая возможность заключения ценового сговора. Эта трактовка сформулирована не слишком тщательно, но я не уверен, что современные экономисты могут сформулировать лучше. Мы не должны сетовать на то, что Смит оставил нам несколько проблем, которые необходимо решить, хотя была бы оправданной жалоба на то, что за двести лет после публикации «Богатства народов» мы достигли столь малого прогресса в их разрешении.

Адам Смит показывает, как рыночные операции воздействуют на экономику таким образом, чтобы максимизировать стоимость производства. Для достижения этого не требуется значительного содействия государства:

Каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать

своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица... Государь совершенно освобождается от обязанности, при выполнении которой он всегда будет подвергаться бесчисленным обманам и надлежащее выполнение которой не доступно никакой человеческой мудрости и знанию, от обязанности руководить трудом частных лиц и направлять его к занятиям, более соответствующим интересам общества (р. 687; рус. пер.: с. 497).

Обратите внимание, что Смит, как показывает его ссылка на «законы справедливости», видел необходимость в установлении государством того, что мы назвали бы системой прав собственности. Но он не одобрял те действия правительства, которые идут гораздо дальше этого.

Противодействие Адама Смита более широкому государственному вмешательству возникло не только потому, что он считал его излишним, но и потому, что он чувствовал, что действия государства, как правило, приведут к ухудшению ситуации. Он полагал, что у правительства отсутствуют как знания, так и мотивация для того, чтобы проделать надлежащую работу по регулированию экономической системы. Он пишет: «Великие нации никогда не беднеют из-за расточительности и неблагоразумия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительности и неблагоразумия государственной власти» (р. 342; рус. пер.: с. 252). Кроме того:

...вышей наглостью и самонадеянностью со стороны королей и министров являются поползновения наблюдать за бережливостью частных лиц и ограничивать их расходы... Они сами всегда и без всяких исключений являлись величайшими расточителями во всем обществе. Пусть они наблюдают за собственными расходами и предоставят частным лицам заботиться о своих. Если их собственная расточительность не разоряет государства, отсутствие бережливости у их подданных уже во всяком случае не приведет к этому (р. 346; рус. пер.: с. 255).

Адам Смит объясняет, что государственное регулирование обычно будет находиться под гораздо более сильным влиянием тех, кто от него выигрывает, в результате чего оно не всегда будет выгодно обществу:

...интересы представителей той или иной отрасли торговли или промышленности всегда в некоторых отношениях

расходятся с интересами общества и даже противоположны им. Расширение рынка и ограничение конкуренции всегда отвечают интересу торговцев. Расширение рынка часто может соответствовать также интересам общества, но ограничение конкуренции всегда должно идти вразрез с ними и может только давать торговцам возможность путем повышения их прибыли сверх естественного ее уровня взимать в свою личную пользу чрезмерную подать с остальных своих сограждан. К предложению об издании какого-либо нового закона или регулирующих правил, относящихся к торговле, которое исходит от этого класса, надо всегда относиться с величайшей осторожностью, его следует принимать только после продолжительного и всестороннего рассмотрения с чрезвычайно тщательным, но и чрезвычайно подозрительным вниманием. Оно ведь исходит от того класса, интересы которого никогда полностью не совпадают с интересами общества, который обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его, и который действительно во многих случаях и вводил его в заблуждение, и угнетал (р. 267; рус. пер.: с. 195).

Согласно Адаму Смиту правительство имеет всего три обязанности. Первая заключается в том, чтобы защищать общество от «насилий и вторжения других независимых обществ» (р. 689; рус. пер.: с. 497). По его словам, «оборона страны гораздо важнее, чем богатство» (р. 464–465; рус. пер.: с. 338). Вторая обязанность заключается в установлении системы правосудия, под которой подразумевается правовая система, определяющая права каждого. Экономисты склонны думать, что Смит просто отстаивал использование системы ценообразования, но в «Богатстве народов» можно также найти, что он обсуждает соответствующие институциональные рамки, в которых работает система ценообразования. Соглашаемся ли мы или нет с его взглядами на законы об ученичестве, землевладение, акционерные компании, отправление правосудия или образовательную систему, подход Адама Смита отличается от большинства его последователей тем, что он, безусловно, считал все это надлежащей и важной частью работы экономиста. Мне кажется, только недавно сколь-нибудь значительное число экономистов приняло, что выбор институциональных рамок является предметом, который заслуживает систематического изучения.

Последняя обязанность, которую Адам Смит приписывает правительству, заключается в создании некоторых об-

щественных работ и общественных учреждений. В основном он имеет в виду дороги, мосты, каналы и т. п. Мне кажется, что перечень общественных работ, о котором размышлял Смит, хотя и достаточно ограниченный, был бы еще меньше, если бы он предвидел возможности современных корпораций и современного рынка капитала. Эту позицию можно понять в свете истории современных ему акционерных компаний, о которых у него было очень неблагоприятное мнение. Но даже при обсуждении такого предмета его трактовка непривычна. При рассмотрении финансирования этих общественных работ и управления ими Смит доказывает, что они должны финансироваться за счет платежей потребителей, а не субсидий из государственных доходов:

По-видимому, нет нужды, чтобы расходы на эти общественные работы покрывались из так называемых общественных доходов... Большую часть таких общественных работ легко можно вести так, чтобы получать специальный доход, достаточный для самостоятельного покрытия расходов на них, не отягощая общего дохода общества.

Например, шоссейная дорога, мост, судоходный канал могут в большинстве случаев и устраиваться, и содержаться за счет небольшого сбора с подвод, пользующихся ими; гавань — умеренным портовым потонным сбором с судов, нагружаемых или разгружаемых в ней... Если шоссе, мосты, каналы и т. п., таким образом, сооружаются и поддерживаются торговлей, которая ведется при посредстве их, то они могут быть сооружены только там, где торговля требует их и, следовательно, есть в них надобности... Великолепная дорога не может быть сооружена в пустынной местности, где мало или совсем нет торговли, только потому, что она ведет к даче начальника провинции или к поместью вельможи, которому этот начальник хочет угодить. Большой мост не может быть переброшен через реку в том месте, где никому не нужно переправляться через нее, просто для украшения вида из окон соседнего замка; такие вещи случаются в странах, где подобные работы производятся за счет других доходов, а не тех, которые они могут доставить сами (р. 724—725; рус. пер.: с. 521—522).

Очевидно, что если бы Адама Смита познакомили с предложением о ценообразовании на основе предельных издержек, то он бы понял его преимущества, но не пренебрег бы воздействием подобной политики на предложение.

В этом обзоре «Богатства народов» я сосредоточился на том, что считаю основным вкладом Адама Смита в экономическую теорию: разделении труда, работе рынка и роли государства в экономической системе. Я прекрасно осознаю, что не смог отдать должное великому труду Смита. Однако, чтобы осуществить это, потребовалось бы множество лекций и множество лекторов. В «Богатстве народов» рассматривается целый ряд вопросов, которые, несомненно, столь же важны, как и упомянутые мной. Достаточно только упомянуть обсуждение экономического развития, общественных финансов, образования, религиозных учреждений и прежде всего обсуждение колоний, и в частности американских колоний. Обо всех этих предметах, а это все еще не полный их список, у Адама Смита можно найти много глубоких мыслей, его идеи кажутся яркими и, парадоксальным образом, новыми для современного читателя.

Проиллюстрирую сказанное на примере темы, которую мне было бы трудно обойти на таком мероприятии, как это: взгляда Адама Смита на Американскую революцию. В «Богатстве народов» Америка становится, в сущности, второстепенным сюжетом, который сопровождает основной сюжет, работу ценовой системы. По словам Фэя, «Америка никогда не была далека от мысли Адама Смита. В действительности в конце концов она стала почти навязчивой идеей»⁸. Мнение Смита по американской проблеме было либеральным. Он предвидел будущее величие Америки, которая, по всей вероятности, станет «одним из величайших и сильнейших государств, которые когда-либо существовали на земле» (р. 623; рус. пер.: с. 452). У него было мало веры в руководство британской политики. В письме, написанном из Керколди в июне 1776 года, за месяц до принятия Декларации о независимости, он писал: «...американская компания была начата неуклюже. Но надеюсь, не могу сказать, что ожидаю этого, она закончится лучше. Хотя в Англии в настоящее время и рождаются люди, обладающие замечательными профессиональными дарованиями в самых разных областях, — замечательные юристы, замечательные часовые мастера и замечательные конструкторы часовых механизмов, и т. д. и т. п., но похоже, что она неспособна породить ни государственных деятелей, ни военачальников»⁹.

8. C. R. Fay, *Adam Smith and the Scotland of His Day*, (1956), p. 98.

9. Цит. по: W. R. Scott, *Adam Smith, An Oration*, (1938), p. 23.

Адам Смит не преуменьшал боевые качества американских вооруженных сил. При обсуждении расходов на оборону он утверждает, что хотя обычно ополчение уступает регулярной армии, но после нескольких лет практики их силы уравниваются. Он добавляет: «Если война в Америке протянется еще одну кампанию, американское ополчение во всех отношениях не будет уступать той [британской] постоянной армии, которая... обнаружила не меньшую храбрость, чем самые закаленные ветераны Франции и Испании» (р. 623; рус. пер.: с. 507). Несомненно, именно это он имел в виду, когда писал в другом месте «Богатства народов»: «Очень ошибаются те, кто обольщает себя мыслью, что... наши колонии легко будут завоеваны при помощи одной только силы» (р. 623; рус. пер.: с. 452). В меморандуме, подготовленном в 1778 году, Смит описывает, в качестве вероятного исхода американского конфликта, четыре возможности, одна из которых действительно реализовалась¹⁰. А ближе к концу войны он написал лорду Шелберну, который должен был стать премьер-министром, рекомендательное письмо для Ричарда Освальда, возглавившему мирные переговоры с американцами с британской стороны. Освальд подписал от имени Британии предварительные условия мира в 1782 году. После этого он был лишен своих полномочий и подвергся критике за то, что он поддерживал скорее сторону Америки, чем Британии, и, возможно, это мнение было недалеко от истины. Например, Освальд не только передал предложение Бенджамина Франклина об уступке британских территорий в Канаде Соединенным Штатам, но и, похоже, сочувствовал ему¹¹.

Тем не менее, хотя все это, без сомнения, свидетельствует об отношении Адама Смита, он вовсе не был восхищенным сторонником американского дела. В «Богатстве народов» он описывает мотивы лидеров Американской революции следующими словами:

Люди желают участвовать в управлении государственными делами главным образом ради значения, которое это даст им... Руководящие деятели Америки, подобно деятелям всех других стран, желают сохранить свое влияние. Они чувству-

10. Воспроизводится в: Fay, *Adam Smith and Scotland*, p. 110–114.

11. См.: Richard Oswald, *Memorandum on the Folly of Invading Virginia*, ed., with an essay on Richard Oswald, by W. Stilt Robinson, Jr. (1953), p. 38–43.

ют или воображают, что если их собрания, которые они любят называть парламентами и считают равными по власти парламенту Великобритании, будут в такой степени припущены, что превратятся в скромных слуг и чиновников для поручений этого последнего, то наступит конец большей части их собственного влияния. Они поэтому отвергли предложение об обложении их в порядке раскладки, производимой парламентом, и, подобно другим честолюбивым и высокомерным людям, предпочли обнажить меч в защиту своего влияния и значения (р. 622; рус. пер.: с. 451).

Согласно Адаму Смиту, американские лидеры стремились не к свободе или демократии, а к высокому общественному положению. В соответствии с этим он разработал план, который мог бы его им дать. Он предложил дать колониям представительство в британском парламенте, пропорционально их вкладу в государственные доходы. Если это будет сделано,

перед руководящими деятелями каждой колонии откроется новый способ приобретения влияния и значения, новый и более заманчивый объект для их честолюбия. Вместо того чтобы состязаться из-за ничтожных призов, которые можно выиграть, если позволено так выразиться, в жалкой лотерее колониальной партийной борьбы, они смогут также надеяться, исходя из свойственной людям веры в свои способности и свою счастливую звезду, вытянуть один из больших выигрышей, выбрасываемых иногда колесом большой государственной лотереи британской политической жизни (р. 622-623; рус. пер.: с. 452).

Иными словами, амбициозный американец сможет надеяться стать премьер-министром и, по сути, правителем Британской империи. Адам Смит также доказывает, что в перспективе американцы могут ожидать перенесения столицы Британской империи через океан.

Так велика была доселе быстрота, с какою эта страна развивалась в отношении богатства и населения, что не многим больше, чем через 100 лет, пожалуй, доходы от обложения Америки превысят доходы от обложения Великобритании, и центр империи тогда, естественно, передвинется в ту ее часть, которая даст больше всего для общей защиты и содержания органов государства (р. 625-626; рус. пер.: с. 454).

Джордж Стиглер с одобрением цитирует высказывание Адама Смита как пример обсуждения «политического поведения в совершенно хладнокровных рациональных терминах» и считает, что его план был весьма проницательным. Он противопоставляет это обсуждение другим местам из «Богатства народов», где люди представляются «горячими» или даже «иррациональными» в своих политических действиях, это противоречит мнению о том, что политическое поведение «хладнокровно» и «рационально», а следовательно, ошибочно¹². Но поведение американцев во время революции показывает мне, что люди могут быть одновременно хладнокровными и горячими. Я считаю, что нетрудно понять, почему Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон поддерживали Американскую революцию — Адам Смит адекватно объясняет большую часть их мотивов. Но почему они заручились поддержкой масс, которые страдали и умирали? Приписывание им успешного следования собственным интересам кажется неадекватным объяснением их действий. Революция является рискованным бизнесом для всех, кто в ней участвует, а призы, если революция побеждает, достаются успешным революционным лидерам.

У Адама Смита есть объяснение того, почему американские лидеры имели сторонников, но его можно найти не в «Богатстве народов», а в «Теории нравственных чувств». Обсуждая различие рангов, он пишет: «Наибольшее число людей почти благоговеет перед богатством и знатностью, и, что удивительнее всего, восхищается и благоговеет самым бескорыстным образом»¹³. Это почтение к власти имущим, на котором основано различие рангов, является, по объяснению Адама Смита, необходимой человеческой склонностью для поддержания порядка. Но мы видим, что также она, при определенных условиях, способна произвести беспорядок.

Какие преимущества для обычного американца возникли в результате приобретения независимости от британского правления? Разумеется, были устранены те абсурдные ограничения торговли, установленные в интересах британских торговцев и производителей, которые осуждались

12. George J. Stigler, «Smith's Travels on the Ship of State», *History of Political Economy* 3 (Fall 1971), p. 265, 270–273.

13. Adam Smith, *The Theory of Moral Sentiments* (Glasgow edition, 1976), p. 62. Рус. пер.: Смит А. Теория нравственных чувств. — М.: Республика, 1997. С. 79.

Адамом Смитом. Но американское правительство, проводя свою тарифную политику, вновь установило подобные не-суразные правила в пользу американских торговцев и производителей. Стали ли при независимости налоги ниже, чем они были бы без нее? Поскольку основными расходами, которые Британия осуществляла в Америке, были расходы на оборону, то проблема налогообложения для Адама Смита сводилась к простому вопросу: кто может предложить оборону с более низкими издержками и, если это британское правительство, оплатят ли ее колонии? Если нет, то у Британии нет никаких оснований сохранять свой контроль. «Если какие-либо провинции Британской империи нельзя заставить участвовать в содержании всей империи, то, несомненно, настало время, чтобы Великобритания освободила себя от расхода по защите этих провинций во время войны и от содержания той или иной отрасли их гражданского или военного управления во время мира и постаралась согласовать свои будущие стремления и планы с фактической скудостью своих средств» (р. 947; рус. пер.: с. 677). Это последние слова «Богатства народов».

Существуют даже некоторые основания предполагать, что Адам Смит, возможно, приложил руку к налоговым схемам Чарльза Тауншенда, которые стали одной из предпосылок Американской революции¹⁴. Адам Смит рассматривал налоги как метод оплаты за услуги, которые метрополия предоставляет колониям. Колонии, а точнее их лидеры, превратили экономическую проблему в политическую. Но если бы план Адама Смита был принят полностью, то Американская революция не произошла бы. В одном из детских эссе о 1776 годе, которое я слышал по радио в Чикаго, содержалась такая фраза: «Если бы не 1776 год, Англия бы теперь правила Америкой». Но если бы план Адама Смита был выполнен, то не было бы событий 1776 года, Америка бы теперь правила Англией, а мы сегодня чествовали бы Адама Смита не просто как автора «Богатства народов», но и прославляли бы его в качестве отца-основателя.

«Богатство народов» — это труд, размышления о котором предполагают благоговение. Проницательностью и широтой анализа он превосходит любую другую книгу по экономике. Однако его превосходство вызывает тревогу. Что мы

14. Fay, *Adam Smith and Scotland*, p. 115–116.

делали в последние двести лет? Наш анализ, конечно, стал более изощренным, но мы не проявляем большей проницательности в отношении работы экономической системы, и в некотором смысле наш подход уступает подходу Адама Смита. А когда мы рассматриваем государственную политику, то видим, что до сих пор игнорируются предложения, которые Адам Смит доказал с такой силой, что сделало их «самоочевидными». Я действительно не знаю, почему это так, но, возможно, ответ в значительной степени определяется тем, что мы не читаем «Богатство народов».

Глава 7

Воззрения Адама Смита на природу человека¹

АДАМ СМИТ был великим экономистом, возможно, величайшим из всех, когда-либо существовавших. Сегодня я собираюсь обсудить его воззрения на природу человека. Причина, по которой я это сделаю, заключается вовсе не в том, что понимание человеческой природы, которым обладал Смит, превосходило понимание его современников. Полагаю, что его позиция была достаточно распространена в XVIII веке, во всяком случае, в Шотландии, но, несомненно, и в других местах в Европе XVIII века. Адам Смит не был отцом психологии. Но я убежден, что его воззрения на человеческую природу важны для нас, поскольку их знание углубляет наше понимание его экономической теории. Иногда говорят, что, по представлению Смита, человеческие существа мотивируются исключительно собственным интересом. Собственный интерес, разумеется, является, с точки зрения Смита, мощным мотивом человеческого поведения, но ни в коем случае ни единственным. Я думаю, что важно признать это, так как включение других мотивов в его анализ не ослабило, а, скорее, укрепило его аргументацию в пользу использования рынка и ограничения государственного вмешательства в экономические дела.

Адам Смит не оставил систематического описания своих взглядов на природу человека. Их можно вывести из замечаний в «Теории нравственных чувств» и «Богатстве народов». Более интенсивно человеческой психологией Смит

1. Текст подготовлен для публичной лекции в Школе права Чикагского университета, часть серии лекций «1776 год: Революция в общественной мысли». Данные лекции были посвящены этому необычайному году, когда был опубликован ряд работ, изменивших наш способ мышления, а также произошли события, ставшие началом современного мира. Все лекции были опубликованы в *Journal of Law and Economics* (октябрь 1976). Права на данную статью принадлежат Р. Коузу.

занимается в «Теории нравственных чувств», заявленная цель которой — обнаружение основы того, что определяет наши обусловленные благожелательностью чувства и действия. «Какую бы степень эгоизма мы не предположили в человеке, природе его, очевидно, свойственно участие к тому, что случается с другими, участие, вследствие которого счастье их необходимо для него, даже если бы оно состояло только в удовольствии быть его свидетелем... Оно существует до известной степени в сердцах самых великих злодеев, людей, дерзким образом нарушивших общественные законы»².

Основой нашей заботы о других Адам Смит называет симпатию. Мы формируем наши представления о чувствах других, принимая во внимание то, что сами бы чувствовали в подобных обстоятельствах. Осознание того, что нечто делает наших ближних несчастными, делает несчастными и нас, а когда что-то делает их счастливыми, мы счастливы. Это происходит потому, что мы, при помощи воображения, ставим себя на их место и, по сути, в своем собственном сознании становимся этими другими лицами. Наши чувства могут не иметь такую же интенсивность, как у них, но они того же рода.

Склонность к симпатии усиливается тем, что взаимная симпатия сама по себе является удовольствием: «Ничто не доставляет нам такого удовольствия, как сочувствие к нам, если мы его встречаем в других людях» (р. 13; рус. пер.: с. 35). Поскольку взаимная симпатия сама по себе доставляет удовольствие, она «увеличивает радость и облегчает горе. Она увеличивает радость, открывая для нее новый источник, она облегчает горе возбуждением в нашем сердце единственного приятного ощущения, к которому она тогда способна» (р. 14; рус. пер.: с. 36). Адам Смит отмечает одно из последствий: «Любовь приятна, ненависть же принадлежит к неприятным страстям, а между тем мы охотнее желаем, чтобы наши друзья разделяли нашу ненависть, чем наше расположение к другим людям... Любовь и радость удовлетворяют нас и наполняют наше сердце, не требуя посторонней поддержки, между тем как горест-

2. Adam Smith, *The Theory of Moral Sentiments* (Glasgow edition, 1976), p. 9. (Рус. пер.: Смит А. Теория нравственных чувств. — М.: Республика, 1997. С. 31). Заметьте, что в дальнейшем все цитаты приводятся из «Теории нравственных чувств», если не указано иное.

ные и раздражающие сердце ощущения ненависти и несчастья нуждаются и ищут утешений в нежном сочувствии» (р. 15; рус. пер.: с. 37).

Если наличие симпатии заставляет нас заботиться о других, практика ставить себя на место других, представлять себе их чувства, также имеет следствием то, что мы представляем, каковы их чувства в отношении нас. Это относится не только к тем, кого напрямую затрагивают наши действия, но и к третьим лицам, которые наблюдают, как мы ведем себя по отношению к другим. В результате мы приходим к тому, чтобы увидеть себя так, как нас видят другие. Это укрепляет наше стремление при выборе способа действий принимать во внимание воздействие, которое они окажут на других.

Способ, с помощью которого Адам Смит развивает эту аргументацию, представляет собой очень хороший пример его общего подхода. Он пишет: «Самая ничтожная потеря, самая пустая личная выгода имеют для нас большое значение, доставляют нам более страдания или удовольствия, чем самое серьезное событие, случающееся с человеком, с которым мы не находимся в близких отношениях» (р. 135; рус. пер.: с. 141). Затем он рассматривает гипотетический пример:

Предположим, что обширная Китайская империя с ее миллионным населением внезапно проваливается вследствие землетрясения, и посмотрим, какое впечатление произведет это ужасное бедствие на самого человеколюбивого европейца, не находящегося ни в каких отношениях с этой страной. Я полагаю, что он прежде всего опечалится таким ужасным несчастьем целого народа; он сделает несколько грустных размышлений о непрочности человеческого существования и суете всех замыслов и предприятий человека, которые могут быть уничтожены в одно мгновение. Если он одарен философским складом ума, то может высказать свои соображения о последствиях такого события для европейской торговли и даже для торговли прочих стран мира. По окончании же своих философских рассуждений, выразив все, что было вызвано его человеколюбием, он опять обратится к своим делам и к своим удовольствиям или же отдастся отдохновению с таким спокойствием и равнодушием, как будто катастрофы вовсе и не случилось. Малейший случай, касающийся его лично, оказал бы на него большее впечатление: если бы на следующий день ему должны были от-

резать палец, то он не спал бы целую ночь; и если только землетрясение угрожает не той стране, в которой он живет, то гибель многих миллионов людей не нарушит его сна и менее опечалит его, нежели самая ничтожная личная неудача (р. 136–137; рус. пер. с. 141).

Обратите внимание, что Адам Смит настаивает, что люди ведут себя именно так, как в этом столь ярко описанном примере, — и если мы вспомним, что мало кто из нас потерял аппетит, услышав об огромных потерях человеческих жизней в Бангладеш, Чаде, Гватемале или других местах, то не станем сомневаться в том, что мнение Адама Смита соответствует действительности. Очевидно, что данная цитата может использоваться, по моему мнению с полным на то правом, как иллюстрация силы собственного интереса в определении человеческого поведения. На первый взгляд может показаться странным, что эта цитата расположена в главе, которая озаглавлена «О влиянии и авторитете совести», поскольку описанная Смитом реакция гуманного человека на ужасную катастрофу в Китае, кажется, призвана продемонстрировать отсутствие совести.

Но подобное допущение игнорирует тонкость ума Адама Смита. Учитывая, что людиотреагируют на эту катастрофу описанным образом, он задается вопросом: предположим, что можно было бы предотвратить потерю сотни миллионов жизней, пожертвовав своим пальцем, не откажется ли гуманный человек принести эту жертву? Он дает такой ответ:

Одна подобная мысль приводит в ужас: как бы ни было велико всеобщее развращение и падение нравственности, не найдется, быть может, ни одного человека, который остановился бы на подобной мысли. Чем же объяснить это различие между нашими мыслями и нашими чувствами? Почему основания, побуждающие нас к действию, так чисты и благородны, между тем как сочувствие наше к страданиям посторонних так слабо и эгоистично? Что же, наконец, побуждает великодушных людей постоянно, а невеликодушных хоть изредка жертвовать собственными интересами ради интересов своих ближних, между тем как, в сущности, мы сильно беспокоимся только о личной выгоде и весьма слабо отзываемся на интересы посторонних людей? Ни слабое чувство человеколюбия, ни некоторая благожелательность, которая вложена природой в наше сердце, не в силах заглушить почти не-

одолимого чувства любви к самому себе... необходимо более сильное и более могущественное чувство: необходима любовь ко всему великому и благородному самому по себе, а также то, что может быть внушено этим чувством ради достоинства и величия нашего характера (p. 137; рус. пер.: с. 142).

А. Макфи полагает, что в финале этого красноречивого высказывания звучит фальшивая нота³. Но я так не думаю. В этом последнем предложении выражается (несомненно, несколько витиевато для современного вкуса) суть позиции Адама Смита. Желание пойти на эту жертву возникает у «гуманного человека» не из любви к человечеству, а потому что он смотрит на себя глазами беспристрастного наблюдателя. Как мы бы сказали сегодня, если бы он поступил иначе и выбрал сохранить свой палец, позволив умереть миллионам человек, он не смог бы жить в гармонии с самим собой. Мы должны сохранять достоинство в собственных глазах. Не любовь к китайцам (по отношению к которым мы можем не иметь никаких чувств), а любовь к достоинству и превосходству своего собственного характера заставит гуманного человека, если он столкнется с таким выбором, пожертвовать своим пальцем.

Конечно, Адам Смит знакомит нас с крайним случаем. Но это позволило ему сформулировать свою точку зрения таким образом, чтобы не допустить возражений. Легко увидеть, что, если гуманный человек должен будет потерять не мизинец, а свою руку или ногу, при этом данная жертва спасет сто китайцев, а не сто миллионов, то он может принять другое решение и, вероятно, на самом деле так и делает. Но это не затрагивает позицию Адама Смита. Он, конечно, знал, что степень, в которой мы готовы следовать определенному направлению действий, зависит от связанных с ними издержек. Подобным образом спрос на продукты питания, одежду и жилье также зависит от их цены, но никто не ставит под сомнение их важность при обсуждении работы экономической системы.

Сила, с которой совесть оказывает влияние на наши действия, конечно, ослабляется тем фактом, и Адам Смит это отмечает, что, хотя некоторые люди благородны и добры, другие слабодушны и менее отзывчивы на побуждения беспристрастного наблюдателя. Но еще больше снижает влия-

3. A. L. Macfie, *The Individual in Society: Papers on Adam Smith* (1967), p. 96.

ние беспристрастного наблюдателя другой фактор, который Смит обсуждает подробнее. Как правило, мы думаем о себе, потому что нам это приятно, гораздо лучше, чем это оправдано в действительности. Как пишет Смит, «мы, естественно, расположены к преувеличению наших собственных достоинств» (р. 133; рус. пер.: с. 139). Об этой нашей склонности предаваться самообольщению он говорит:

Наше личное мнение о собственном характере зависит от того, как мы смотрим на наше прошлое поведение, а дурное мнение о самом себе до того неприятно нам, что мы добровольно отводим свои глаза от обстоятельств, которые дали бы нам повод составить о себе такое неприятное мнение. Говорят, что хирург в таком только случае может считаться смелым и решительным, когда рука его не дрожит при операции над самим собой. Человек, который не задумываясь срывает таинственную завесу, набрасываемую страстями на его поступки, отличается не меньшим мужеством... Это непрерывное самообольщение, эта пагубная слабость разума порождает нарушение порядка человеческой жизни. Если бы мы смотрели на наши заблуждения и на наши недостатки так, как смотрят на них прочие люди или как последние смотрели бы на них, если бы они хорошо знали нас, то вскоре каждый человек либо исправился бы, либо вообще не был бы в состоянии взглянуть на самого себя (р. 158; рус. пер.: с. 160).

Впрочем, говорит Адам Смит, «природа... не оставила без лекарства такой жестокий источник заблуждений. Постоянные наблюдения над чужими поступками открывают нам некоторые общие правила того, что должно и прилично делать, и того, чего следует избегать» (р. 159; рус. пер.: с. 160). Эти общие правила поведения имеют большое значение. Они представляют собой единственный принцип, который «может управлять действиями всей массы людей» (р. 162; рус. пер.: с. 163).

Картина, которая возникает из прочтения «Теории нравственных чувств», представляет человека, проникнутого любовью к себе. «Мы не готовы, — говорит Смит, — подозревать кого-либо в недостатке себялюбия» (р. 304; в рус. пер. эта фраза отсутствует. — *Примеч. пер.*). Тем не менее человек обращает внимание на влияние его действий на других. Причина возникновения такого беспокойства о других кроется в существовании основанных на симпатии реакций, которые усиливаются приятностью взаимной симпатии,

подкрепляемой сложным, хотя и очень важным влиянием. Это влияние Смит называет беспристрастным наблюдателем или совестью, которая заставляет нас действовать так, чтобы наше поведение было одобрено сторонним наблюдателем. Под воздействием подобных факторов поведение подчиняется определенным принципам, которым подчиняется в своих действиях, поскольку это приносит одобрение и восхищение, «грубая глина основной массы человечества». Вероятно, Смит согласился бы с тем, что эти факторы затрагивают каждого, хотя и в разной степени.

Следует отметить, что, по мнению Адама Смита, развитие наших нравственных чувств по сути эгоцентрично. Мы заботимся о других, потому что симпатия позволяет нам чувствовать то, что чувствуют они, потому что взаимная симпатия доставляет нам удовольствие, а также потому что мы хотим казаться достойными восхищения в своих собственных глазах; и мы подчиняемся принятым в обществе правилам поведения в значительной степени потому, что мы хотим, чтобы нами восхищались другие. Воздействие этих факторов ослабляется тем, что силы, порождающие чувство благожелательности, сталкиваются с силами, вытекающими из собственного интереса, а точнее с нашим восприятием результата, которое искажается самообольщением.

Адам Смит не стремится оценить относительное значение различных факторов, которые приводят к благожелательным действиям, однако описывает обстоятельства, при которых эти факторы в целом, вероятно, окажут наибольшее влияние. Этот вопрос Смит обсуждает в главе, озаглавленной «О порядке, в котором природа направляет нашу заботливость о каждом человеке и наше внимание к нему». Он говорит:

Попечение о каждом человеке... возложено природой главным и исключительным образом на него самого, ибо во всех отношениях никто не в состоянии лучше исполнить это. Каждый человек живет ощущает собственные удовольствия и страдания, нежели чужие... После нас самих члены одного с нами семейства — лица, живущие вместе с нами, наши родители, наши дети, наши братья и сестры — представляют предмет нашей живейшей привязанности. На их благосостоянии или на их несчастье отражаются главным образом наши поступки: симпатия наша к этим лицам поэтому оказывается наиболее естественной. Мы знаем, до какой степени интересуется их каждый предмет, вследствие чего и наша симпатия

к ним отличается большей точностью и определенностью: она ближе всего подходит к тому, что мы чувствуем к самим себе (р. 219; рус. пер.: с. 216–217).

Далее Адам Смит переходит к рассмотрению симпатии, которая существует в более отдаленных отношениях в пределах одной семьи:

Дети братьев и сестер связываются дружбой, которая после разделения на отдельные семейства продолжается между их родителями. Добрые отношения между родителями укрепляют эту дружбу, в то время как их разлад может уничтожить ее. Пока они живут вместе, привязанность их друг к другу хотя и менее сильная, чем между родными братьями, тем не менее сильнее, чем к посторонним; но так как дружба между ними менее необходима, чем между братьями и сестрами, то она и менее обращается в привычку и потому бывает слабее. Так как дети двоюродных братьев связаны между собой еще слабее, чем сами двоюродные братья между собой, то и дружба их бывает менее прочной. Таким образом, привязанность уменьшается постепенно по мере расширения и ослабления родственных уз (р. 220; рус. пер.: с. 217–218).

Наши чувства естественной привязанности, однако, преодолевают пределы семьи, даже пределы большой семьи.

Между людьми, одаренными счастливым характером, необходимые или естественные обстоятельства нередко порождают дружбу, мало чем отличающуюся от той, которая естественно возникает между членами одного и того же семейства. Товарищи по месту службы, по торговому предприятю называются братьями и часто по-братски расположены друг к другу... Такого рода привязанности могут возникнуть между соседями по самым незначительным поводам (р. 223–224; рус. пер.: с. 221).

Далее идут жители нашей собственной страны и члены отдельных групп внутри страны, к которым мы принадлежим.

Любой человек, естественно, привязан к сословию или к обществу, в котором он родился, более, чем к какому-либо другому. Его собственные интересы и тщеславие, равно как интересы и тщеславие его друзей, с которыми он рядом живет, обыкновенно тесно связаны с существованием этого сословия или сообщества. Он, естественно, печется о расши-

рении его привилегий и горячо защищает их от покушений прочих сословий (р. 230; рус. пер.: с. 227).

По-видимому, Адам Смит считал, что благожелательность наиболее сильна внутри семьи и по мере того, как мы выходим за ее пределы — к друзьям, соседям и коллегам, а затем к другим, кто не входит в их число, сила благожелательности ослабевает, взаимосвязи между людьми становятся более отдаленными и более случайными. А когда мы доходим до иностранцев и членов других сект и групп, интересы которых представляются противостоящими нашим, мы находим не только отсутствие благожелательности, но и наличие недоброжелательности.

Когда две нации конфликтуют, то граждане той и другой стороны не обращают большого внимания на мнение иностранцев об их образе действий: они желают заслужить одобрение только своих сограждан, а так как в каждой нации все настроены на один и тот же лад, то ненависть к врагам есть единственное средство понравиться толпе у себя на родине. В таком случае присутствует пристрастный наблюдатель и присутствует всюду, между тем как «беспристрастный наблюдатель» находится весьма далеко. Поэтому во время войны и переговоров почти никогда не соблюдаются требования справедливости: правда и законность обыкновенно попираются в таком случае... Нередко между противоположными партиями, раздираемыми религиозными или политическими несогласиями, мы встречаем большую вражду, чем между двумя воюющими нациями, и вражда эта сопровождается большими жестокостями (р. 154–155; рус. пер.: с. 157–158)⁴.

Написанная Адамом Смитом картина человеческого поведения не считается нравоучительной. Человек не лишен тонких чувств; он снисходителен к детям, терпим к родителям, добр к друзьям. Но при этом верно также и то, что его преобладающее чувство — себялюбие, что он живет в мире самообождения, что он горд, завистлив, зол, сварлив и обидчив. Представление Смита в действительности является описанием человека таким, каким мы его знаем. К этому аспекту «Теории нравственных чувств» коммен-

4. Якоб Винер, который придерживался подобного мнения, подчеркивает, что чувство у Адама Смита ослабляет «социальная дистанция». См.: Jacob Viner, *The Role of Providence in the Social Order* (1972), p. 80–81.

таторы обычно не привлекали наше внимание. Обычно считается, что в этой книге представлена, здесь я цитирую Якоба Винера, «явно выраженная доктрина гармоничного естественного порядка под божественным руководством, который способствует благополучию человека при помощи его индивидуальных склонностей»⁵. Сейчас я перейду к тому, как могла возникнуть столь мягкая интерпретация весьма нелестной оценки человеческой природы.

Адам Смит непосредственно не обращался к вопросу о существовании естественной гармонии человеческих склонностей. Однако на основе многих из сделанных им высказываний можно заключить, что обобщение Винера недалеко от истины. Возьмем в качестве примера то, что Смит говорит о том факте, что мы судим людей по тому, что они делают, а не по тому, что они намереваются сделать, хотя может показаться более разумным, если бы мы делали это, при оценке их характера, в обратном порядке.

...природа, заронившая в наше сердце семена подобной непоследовательности в суждениях, кажется, имела в виду, как и всегда, счастье и совершенствование человеческой породы. Если бы злостные побуждения или неприязненные чувствования были единственными причинами нашего негодования, то мы немедленно проникались бы последним чувством против человека, которого бы подозревали в подобных побуждениях и неприязненных чувствованиях, даже если бы его поведение вовсе не подтверждало их. Чувства, мысли, намерения стали бы преследоваться наказаниями; и если бы они одни возбуждали наше негодование, если бы недостойная мысль, предшествующая поступку, казалась бы людям столь же достойной мести, как и недостойное действие, то все суды превратились бы в настоящие инквизиционные учреждения. Самое невинное и самое осмотрительное поведение не было бы безопасным... Вот почему действия, которые причиняют или могут причинить действительное зло и тем самым непосредственно вызывают в нас опасение, по законам природы суть единственные, заслуживающие наказания и возмездия со стороны человека. Верховный судья человеческого сердца освободил чувства, мысли и намерения от всякого человеческого суда (хотя перед глазами нашего

5. Jacob Viner, «Adam Smith and Laissez Faire», in *Adam Smith 1776–1926: Lectures to Commemorate the Sesquicentennial of the Publication of «The Wealth of Nations»* (1928), p. 116–155.

разума от них-то и получают свои достоинства и недостатки наши поступки) и подчинил внутренние душевные движения только своему непогрешимому суду. Итак, закон справедливости, согласно которому люди могут быть наказаны в этом мире только за свои действия, но не за свои намерения и замыслы, вытекает из мудрой и полезной непоследовательности наших суждений о достоинствах или недостатках поступков, которая на первый взгляд кажется странной и непонятной. При внимательном же исследовании в каждой частичке природы можно найти доказательства заботливости Творца о ее сохранении и удивляться его мудрости и благости в самих заблуждениях и слабостях человека (р. 105–106; рус. пер.: с. 119).

Адам Смит объясняет, что эта «непоследовательность чувств» имеет определенную положительную полезность.

Человек был создан для деятельности, чтобы путем реализации своих способностей вызвать такие изменения во внешних обстоятельствах жизни, как его собственной, так и прочих людей, какие только необходимы для всеобщего благоденствия и порядка. Он не может поэтому довольствоваться беспечной любовью к ближним или воображать себя другом своих собратьев только потому, что в глубине своего сердца он желает им благополучия. Природа говорит ему, что он обязан пользоваться всеми силами своего тела и своей души, что он должен идти к цели, указываемой ему жизнью, и стремиться к ее достижению, если он желает удовлетворить своим поведением самого себя и других людей и этим заслужить всю похвалу, на которую он имеет право рассчитывать. Он должен согласиться, что одни лишь добрые намерения, не сопровождаемые добрыми делами, не способны заслужить всеобщего одобрения и удовлетворить требования его собственной совести (р. 106; рус. пер.: с. 119–120).

Адам Смит неоднократно отмечает, по разным поводам, что те аспекты человеческой природы, которые кажутся нам предосудительными, в действительности служат полезной социальной цели: «...даже при нынешнем развращенном состоянии человечества мы не можем заключить, что природа поступила с нами особенно строго, наделив нас безусловно дурным свойством, которое не может быть оправдано нами, в какой бы степени оно ни проявилось и какое бы направление ни приняло» (р. 77; рус. пер.: с. 93). Рассмотрим его обсуждение гордости и тщеславия:

Вследствие отвращения, возбуждаемого вообще гордостью и тщеславием, мы склонны ставить людей, обвиняемых нами в подобных недостатках, скорее ниже, чем выше, обыкновенного уровня. Однако такое суждение почти всегда оказывается несправедливо, ибо большая часть тщеславных и гордых людей стоит гораздо выше этого уровня, хотя во все не в такой степени, как воображают первые или как того желают вторые. По отношению к их притязаниям они заслуживают, по-видимому, презрения, но по сравнению с их соперниками они значительно отличаются от них и, бесспорно, стоят выше обыкновенного уровня. В случае наличия действительных достоинств, гордость часто сопровождается многими похвальными добродетелями, а именно правдивостью, честностью, благородством, искренней и постоянной дружбой, твердостью, мужеством. Тщеславие же сопровождается вежливостью, предупредительностью в небольших услугах и великодушием в больших, хотя великодушие это не замедлит придать себе такую цену, какая только будет возможна (р. 257-258; рус. пер.: с. 252).

Для тех из нас, кто занимается изучением того, как работает экономическая система, больший интерес представляет обсуждение Адамом Смитом мнения, которого придерживался его учитель Фрэнсис Хатчесон, о том, что добродетель полностью состоит из благожелательности или любви и что любая примесь эгоистических мотивов отдаляет нас от добродетели. Хатчесон, согласно Смиуту, утверждал, что если

мы узнаем, что поступок, который, как нам казалось, был внушен благодарностью, на самом деле вызван надеждой на новое благодеяние или если поступок, который казался нам внушенным любовью к общему благу, вызван желанием получить награду, то подобное открытие уничтожает все достоинство таких поступков... Самые добродетельные чувства суть такие, которые охватывают большее число разумных существ... менее всего добродетельные чувства суть те, которые имеют в виду счастье одного только человека, как, например, сына, брата или друга (р. 302-303; рус. пер.: 291-292).

Адам Смит, как мы видели, не отрицал ни существование благожелательности, ни того, что она способствует благосостоянию человека. Но эта доктрина Хатчесона представлялась ему излишне крайней.

Забота о собственных интересах и личном счастье иногда может быть побудительной причиной наших поступков, за-

служивающих похвалы. Привычка к бережливости, трудолюбию, скромности, рассудительности хотя и объясняется обыкновенно личными выгодами, тем не менее кажется нам заслуживающей одобрения и общего уважения... Благожелательность есть единственный, быть может, принцип, которым руководствуется в своих действиях божество. В этом нас убеждает ряд правдоподобных аргументов... Но такое несовершенное создание, как человек, существование которого находится в зависимости от стольких внешних случайностей, в поступках своих часто должен руководствоваться, кроме благожелательности, и другими мотивами. Положение человека было бы слишком грустным, если бы чувствования, которые по природе своей должны руководить его поступками, ни в каком случае не могли бы быть добродетельными и достойными уважения и одобрения (р. 304–305; рус. пер.: с. 293–294).

Более того, Смит подчеркивает, что если определение благожелательности предполагает включение «общего счастья человечества», то это потребует от человека делать то, на что Бог, безусловно, способен, но что выходит за пределы возможностей человека: «наблюдение за порядком вселенной и попечение о всемирном благополучии чувствительных и разумных существ принадлежит Богу, а не человеку. Назначение человека более ограничено и соответствует его слабым силам и узости разума. Он должен заботиться о собственном счастье, о благосостоянии своего семейства, своих друзей, своей страны» (р. 237; рус. пер.: с. 233).

В обычную практику Адама Смита не входит провозглашение существования естественной гармонии психологических наклонностей человека. Вместо этого он, как правило, подчеркивает, что отдельным характеристикам человеческих существ, которые могут быть неприятны в том или ином смысле, соответствуют сглаживающие их общественные выгоды. Человеческая природа может показаться противной нашему привередливому вкусу, но, как представляется, человек также способен приспособиться к условиям, в которых он должен существовать, подобно тому как приспособляются глисты. Из различных замечаний Смита можно сделать вывод о том, что любое изменение человеческой природы приведет к ухудшению ситуации. Но Смит избегает подобного общего заключения. Несложно увидеть, почему он так осторожен. Если бы он утверждал о существовании естественной гармонии такого рода, то потребо-

валось бы объяснить, как она установилась. Смит склонен воспринимать вселенную как машину, что, как я предполагаю, было естественным в его время. Он говорит о «разнообразных явлениях, которые постоянно представляет нам великая машина вселенной с производящими их потайными колесами и пружинами» (р. 19; в рус. пер. отсутствует. — *Примеч. пер.*). Если в природе человека существует подобная естественная гармония, то как случилось, что человеческие существа были сконструированы именно такими, какие они есть? Согласно Винеру, Смит считал, что это произошло благодаря божественному руководству, что человек проявляет эти гармоничные характеристики, потому что был создан Богом. Нам трудно проникнуть в сознание человека, жившего двести лет назад, но мне кажется, что Винер слишком преувеличивает степень, в которой Смит был привержен вере в персонифицированного Бога. Как отмечает сам Винер, слово «Бог» редко можно найти в тех местах обсуждения, где мы можем ожидать его появления, оно заменяется словом «Природа» (р. 86) или такими выражениями, как «всеведущий архитектор и руководитель» (р. 289) или «великий режиссер Природы» или даже, при случае, «невидимая рука» (р. 184; рус. пер.: с. 185)⁶.

Мне представляется, что оценить степень веры Адама Смита можно на основе комментария, который он делает в «Богатстве народов», отмечая любознательность человечества в отношении «великих явлений природы», таких как «рождение, жизнь, рост и разложение растений и животных», которые побуждают человека «дознаться их причин». Смит замечает: «Сперва суеверие пыталось удовлетворить это любопытство, объясняя все удивительные явления непосредственной деятельностью богов. Затем философия пыталась объяснить их более простыми причинами или такими, которые лучше известны человечеству, чем действия богов»⁷. Вряд ли такое замечание могло бы быть сделано строгим или даже умеренным деистом.

Суть дела заключается в том, что в 1759 году нельзя было объяснить возникновение такой естественной гармонии, если не верить в существование персонифицированного

6. См.: Viner, «Smith and Laissez Faire», p. 121.

7. Adam Smith, *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* (Glasgow edition, 1976), p. 767. Рус. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Соцэкгиз, 1962. С. 549.

Бога, создавшего все сущее. До Дарвина, Менделя, а возможно, до Крика и Уотсона⁸ если кто-либо замечал, а Адам Смит думал, что он это делал часто, определенную гармонию, существующую в человеческой природе, то ей нельзя было дать никакого объяснения, если не признавать Бога творцом. Лично мне кажется, что Смит не хотел принять именно это объяснение. Использование им термина «Природа» и других иносказаний было способом уклониться от ответа на вопрос, а не заявить о своей позиции. Поскольку Смит мог только чувствовать, что существует некоторое альтернативное объяснение, правильный ответ подрывал веру, и мне представляется, что его позиция близко к этому приближалась. Сегодня мы можем объяснить подобную гармонию в человеческой природе как результат естественного отбора, особую комбинацию психологических характеристик, обеспечивающую наибольшую вероятность выживания. В действительности Смит очень ясно видел соотношение в некоторых областях между теми характеристиками, которые, кажется, были выбраны природой, и теми, которые повышают вероятность выживания.

Рассмотрим следующий отрывок из «Теории нравственных чувств»:

Если дело идет о предмете, на который по его значению можно смотреть как на исключительную цель природы, как на любимейшую ее задачу, то она внушила человеку не только потребность к его достижению, но и потребность и стремление к средствам, необходимым для достижения цели, в виде непосредственной склонности к этим средствам, каковы бы ни были следствия их в прочих отношениях. Индивидуальное самосохранение и продление вида суть две великие цели природы при создании всякого рода живых существ. Человек одарен всеми склонностями, ведущими к этим целям, и отвращением к тому, что отдаляет от них... Но хотя мы и одарены сильнейшими побуждениями для достижения цели, выбор ведущих к ней путей вовсе не предоставлен медленным и сомнительным определениям нашего разума. Природа руководит нами при избрании этих путей с помощью непосредственного и первоначального инстинкта. Голод, жажда, любовь полов, склонность к наслаждению

8. Фрэнсис Крик и Джеймс Уотсон — американские биологи, получившие в 1962 г. Нобелевскую премию за открытие структуры молекулы ДНК. —

Примеч. пер.

и отвращение к страданию влекут нас к этим путям ради собственной их привлекательности, а вовсе не по сознанию той благотворной цели, которая указана им верховым Творцом природы (р. 77-78; рус. пер.: с. 93).

Это очень близко к современному пониманию. «Страсть, которой природа соединила оба пола» (с. 28) или любовь, рассматривалась Адамом Смитом, который всю жизнь пробыл холостяком, как «несколько нелепая». «Страсть эта, кроме испытывающего ее человека, всему миру кажется совершенно несоразмерной с вызывающим ее предметом» (р. 31; рус. пер.: с. 51-52). Но, конечно, страсть, которая объединяет представителей разных полов, обеспечивает распространение видов, и, если рациональность этому препятствует, мы должны положиться на великого режиссера Природы, чтобы гарантировать отсутствие рациональности у человека в этой области. Подобным образом мы больше заботимся о молодых, чем о старых. «По мудрому закону природы отцовская и материнская привязанность силой своей превышает детскую любовь, ибо продолжение и сохранение человеческого рода зависит от первого из этих чувств, а не от второго» (р. 142; рус. пер.: с. 145-146). «В глазах природы ребенок дороже, чем старик, и он возбуждает к себе более живое и всеобщее участие. Так и должно быть... Смерть старика не вызывает большого сожаления, но смерть ребенка может разорвать чье угодно сердце» (р. 219; рус. пер.: с. 217).

Во всех этих случаях природа, как сказал бы Адам Смит, или естественный отбор, как сказали бы мы, делает все для того, чтобы человек обладал такими наклонностями, которые обеспечат распространение вида⁹. Но даже если бы Смиту был известен принцип естественного отбора, сам по себе он бы не мог объяснить ему существование естественной гармонии психологических наклонностей человека. То, что инстинкты, регулирующие сексуальную активность и заботу о детях, являются результатом естественного отбора, еще не представляет проблемы. В конце концов, существуют инстинкты, которые человек разделяет с другими

9. Майкл Т. Гизелин, биолог, отметил, что Адам Смит «ясно понимал», что «наши нравственные чувства имеют адаптивное значение». См.: Michael T. Ghiselin, *The Economy of Nature and the Evolution of Sex* (1974), p. 257.

млекопитающими, и естественный отбор привел к этому результату за очень длительный период. Однако общественное устройство у тигров, волков и даже шимпанзе весьма отличается от того, которое принято у человеческих существ, и, хотя существовал очень длительный период, в течение которого естественный отбор мог работать над формированием человеческой природы, у нас не может быть никакой уверенности в том, что психологические склонности человека должным образом приспособлены к условиям человеческого общества.

По мнению Давида Юма, которое, вероятно, разделялось также Адамом Смитом, вся письменная история человечества показывает, что природа человека остается в основном неизменной:

Честолюбие, скупость, себялюбие, тщеславие, дружба, великодушие, патриотизм — все эти аффекты, смешанные в различной степени и распределенные среди людей, с начала мира были и теперь еще остаются источником всех действий и предприятий, какие только когда-либо наблюдались среди человечества. Вы желаете ознакомиться с чувствами, наклонностями и образом жизни греков и римлян? Изучите хорошенько характер и поступки французов и англичан... Человечество до такой степени одинаково во все эпохи и во всех странах, что история не даст нам в этом отношении ничего нового или необычного¹⁰.

Хотя Адам Смит и не был связан хронологией епископа Ашшера¹¹, ему все еще было трудно использовать естественный отбор для объяснения того, что, как он считал, он обнаружил, то есть гармонии человеческой природы, поскольку письменная история была только небольшой частью истории человечества. Должен существовать более ранний период, когда природа человека была не такой, как сейчас.

К счастью, в последние годы мы многое узнали о древности человека. Теперь мы знаем то, чего Адам Смит знать

10. David Hume, «Human Uniformity and Predictability», in Louis Schneider, ed., *The Scottish Moralists on Human Nature and Society*, (1967), p. 44. Рус. пер.: Юм Д. Исследование о человеческом познании // Юм Д. О человеческой природе. — СПб.: Азбука, 2001. С. 130.

11. Джеймс Ашшер (1581–1656), ирландский англиканский архиепископ, богослов, одним из первых применил научный метод к исследованию библейской хронологии. — *Примеч. пер.*

не мог. Современный человек (*homo sapiens*) существует примерно в течении пятисот тысяч лет, а *homo erectus* возник около полутора миллионов лет назад, тогда как существа, которые могут или не могут быть классифицированы в качестве людей, но из которых почти наверняка человек эволюционировал, существовали несколько миллионов лет назад¹². И поэтому мы способны заполнить пробелы в позиции Смита. У нас есть принцип естественного отбора, механизм наследования и чрезвычайно длительный период, за который естественный отбор мог сыграть свою роль. Представление Смита о гармонии в человеческой природе больше не требует от нас постулировать существование божественного творца, и использование им слова «природа» стало необыкновенно уместным. Таким образом, гармония психологических склонностей человека должна рассматриваться как существование такой комбинации признаков, которая необходима для выживания, а не такой, которая приводит к «совершенству и счастью» человечества. Подобное направление исследований, в котором человеческой психологии придается генетическая основа, пользуется сегодня определенной поддержкой¹³.

Я не могу найти существенной разницы в воззрениях на человеческую природу, выраженных в «Теории нравственных чувств» и в «Богатстве народов». Разумеется, в «Богатстве народов» эта тема не рассматривается систематически и отношение Адама Смита должно быть определено по случайным замечаниям. Но себялюбие везде очевидно. Мы больше знакомы с тем воздействием, которое себялюбие оказывает на действия торговцев и производителей, но в действительности все люди, независимо от их занятий, почти одинаковы. Говоря об учителях, он отмечает: «В любой профессии старательность большинства тех, кто занимается ею, всегда соответствует необходимости для

12. См.: Philip V. Tobias, «Implications of the New Age Estimates of the Early South African Hominids», *Nature* 246 (1973), p. 79–83; Charles E. Oxnard, *Uniqueness and Diversity in Human Evolution: Morphometric Studies of Australopithecines* (1975).

13. Общий обзор проблемы см. в: Edward O. Wilson, *Sociobiology: The New Synthesis* (1975), p. 547–575. См. также: Robert L. Trivers, «The Evolution of Reciprocal Altruism», *Quarterly Review of Biology* 46 (1971), p. 35–57; *Idem*, «Parental Investment and Sexual Selection», in Bernard Campbell, ed., *Sexual Selection and the Descent of Man* (1972), p. 136.

них проявлять ее»¹⁴. О тех, кто «стоит во главе правительства», он говорит, что они «склонны вознаграждать как себя самих, так и своих непосредственных подчиненных в большей мере, чем это необходимо»¹⁵.

Себялюбие также проявляется в «преувеличенном мнении большей части людей о своих способностях» и «нелепой вере людей в свою счастливую звезду»¹⁶, что используется Адамом Смитом для объяснения того, почему люди, наряду с другими факторами, покупают лотерейные билеты, инвестируют в золотые прииски, становятся юристами, занимаются контрабандой, записываются в армию или отправляются в море. Может показаться странным, что результатом себялюбия иногда является причинение себе вреда, но причина этого заключается в том, что себялюбие приводит к самообману, а самообман приукрашивает наше восприятие перспектив альтернативных вариантов действий. Все это часть мнения Смита о том, что человек переоценивает разницу между одним обычным состоянием и другим. «Жадность преувеличивает различие между бедностью и богатством, честолюбие — различие между частной жизнью и общественной, пустая суетность — различие между неизвестностью и блестящей репутацией» (р. 149; рус. пер.: с. 152). Эта тема иллюстрируется обсуждением амбиций, и в частности случаем сына бедняка, который «наказан гневным небом честолюбием»:

Он старается отличиться на каком-нибудь трудном и тягостном поприще и без отдыха трудится, чтобы дарованиями своими затмить своих соперников. Он хлопочет о том, чтобы обратить на себя всеобщее внимание, он всеми силами добивается мест, где он будет у всех на глазах. Для достижения этой цели он старается снискать всеобщее расположение, служит тому, кого ненавидит, пресмыкается перед тем, кого презирает. Воображение его питается на протяжении всей его жизни мыслью об искусственном благополучии, которого он, может быть, никогда не достигнет и которому он жертвует действительным благополучием, находящимся в его распоряжении. Но если бы ему и удалось отвесть это искусственное счастье на закате дней своих, то он не на-

14. Smith, *Wealth of Nations*, p. 759. Рус. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов, с. 543.

15. Ibid., p. 866. Рус. пер.: там же, с. 618.

16. Ibid., p. 124. Рус. пер.: там же, с. 93–94.

шел бы в нем ничего, что могло бы сравниться с утраченной им скромной беззаботностью и невозмутимым спокойствием (р. 181; рус. пер.: с. 182).

Однако, хотя внутренние силы, движущие честолюбивым человеком, не делают его счастливым, остальные от этого выигрывают. Смит пишет: «И хорошо, что сама природа обманывает нас в этом отношении: производимая ею в нас иллюзия возбуждает творческую деятельность человека и постоянно поддерживает ее. Эта иллюзия побуждает возделывать землю, заменять лачуги домами, сооружать огромные города, создавать науки и искусства, которые облагораживают и облегчают наше существование» (р. 183; рус. пер.: с. 184).

Благожелательность не отсутствует в «Богатстве народов», но, так же как и в «Теории нравственных чувств», она поставлена на свое место. Рассмотрим утверждение Адама Смита о том, что «возделывание сахара и табака может вынести расходы по обработке земли рабским трудом», но это не так для возделывания хлеба. Он подтверждает это заключение, замечая, что «недавнее постановление квакеров Пенсильвании об освобождении всех их рабов-негров свидетельствует нам о том, что количество их не может быть очень велико. Если бы негры составляли сколько-нибудь значительную часть их собственности, такое постановление никогда не могло бы быть принято»¹⁷. Эта цитата показывает, какой вес Смит придает благожелательности. Освобождение рабов это, конечно, благожелательное действие, но едва ли его кто-нибудь предпримет, если ценой является личное разорение.

Артур Кол, рассмотрев подобные высказывания, приходит к выводу, что Адам Смит был «достаточно низкого мнения о человечестве в целом». Это, по его мнению, плохо согласуется с изображением Смита его биографами как «доброжелательного и щедрого» человека¹⁸. Я не считаю это проблемой. Смит рассматривал менее приятные качества человеческих существ как влекущие за собой благо. Собственный интерес способствует промышленности,

17. Smith, *Wealth of Nations*, p. 388. Рус. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов, с. 286–287.

18. Arthur H. Cole, «Puzzles of the „Wealth of Nations“», *Canadian Journal of Economics and Political Science* 24 (1958), p. 1, 5.

неприязнь сдерживает агрессивные действия со стороны других, тщеславие приводит к добрым делам и т. д. Кроме того, вряд ли кого-то могут расстроить действия людей, даже если они в некоторых аспектах неприятны, если он убежден в том, что люди не могут действовать иначе. Любой, кто хоть немного знает о кошках, не будет долго сожалеть об их бессердечном отношении к мышам.

Многие экономисты считали, что существует несоответствие между аргументацией Адама Смита в «Теории нравственных чувств» и в «Богатстве народов»¹⁹. Джейкоб Винер выражает эту проблему следующими словами: «Немцы, которые, похоже, в своей методичной манере обычно читали обе книги — как «Теорию нравственных чувств», так и «Богатство народов», придумали хороший термин, «Das Adam Smith Problem», чтобы обозначить трудности понимания, которые возникают из попыток использования одной для интерпретации другой»²⁰. Несоответствие, которое находит сам Винер, заключается в том, что в «Теории нравственных чувств» Смит предполагает существование естественной гармонии, тогда как в «Богатстве народов» он, кажется, отказывается от этого убеждения, как показывают ссылки на желательность действий правительства. Я думаю, что это мнение Винера вызвано непониманием этих двух книг. «Теория нравственных чувств» — это исследование человеческой психологии. «Богатство народов» — это исследование организации экономической жизни. Существование гармонии в природе человека не означает, что не требуется никаких действий правительства для достижения соответствующей институциональной структуры экономической жизни.

Однако большинство из тех экономистов, которые думали, что существует несоответствие между позициями Адама Смита в этих двух книгах, пришли к такому заключению по другой причине. В «Теории нравственных чувств» на действия человека оказывает влияние благожелательность. В «Богатстве народов» этот мотив, очевидно, отсутствует. Это мнение подкрепляется много раз цитировавшимся высказыванием: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить

19. См.: August Oncken, «The Consistency of Adam Smith», *Economic Journal* 7 (1897), p. 443–450.

20. Viner, «Smith and Laissez Faire», p. 120.

свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах»²¹. Но никогда не цитируется то, что Смит говорит ранее, в том же самом параграфе: «В цивилизованном обществе он [человек] непрерывно нуждается в содействии и сотрудничестве множества людей, между тем как в течение всей своей жизни он едва успевает приобрести дружбу нескольких лиц»²². Это совершенно меняет характер данного вопроса. Достижение столь обширного разделения труда, которое требуется для поддержания цивилизованных стандартов жизни, требует сотрудничества огромного множества людей, рассеянных по всему миру. Такое сотрудничество никак не может быть обеспечено при помощи благожелательности. Благожелательность или любовь может доминировать или в любом случае быть важным фактором внутри семьи или в наших отношениях с коллегами или друзьями, но, как отмечает Смит, она работает слабо или не работает вообще, когда мы имеем дело с незнакомыми людьми. Благожелательность исключительно индивидуальна, а большинство из тех, кто выигрывает от экономической деятельности, в которую мы вовлечены, нам неизвестны. И даже если бы они были нам известны, то обязательно они были бы привлекательны в наших глазах. Если бы незнакомцы полагались на нашу благожелательность для того, чтобы получить то, чем мы их снабжаем, то это означало бы в большинстве случаев, что они не получили бы ничего: «Человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения»²³.

Такая постановка проблемы делает аргументацию Адама Смита в пользу использования рынка для организации экономической активности гораздо более сильной, чем обычно считается. Рынок — это не просто хитрый механизм, подпитываемый своекорыстным интересом, для обеспечения сотрудничества индивидов в производстве товаров и услуг. В большинстве случаев это единственный способ, которым оно может быть осуществлено. Отсюда следует также, что

21. Smith, *Wealth of Nations*, p. 26–27. Рус. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов, с. 28.

22. Ibid., p. 26. Рус. пер.: там же, с. 27.

23. Ibid. Рус. пер.: там же, с. 27–28.

государственное регулирование или управление не представляет удовлетворительной альтернативы. Политик, который мотивируется благими побуждениями, будет, как правило, действовать в интересах своей семьи, своих друзей, членов своей партии, жителей своего региона или страны (и это не зависит от того, выбран ли он или нет демократическим путем). Подобная благожелательность не обязательно будет способствовать общему благу. В том же случае, когда политики мотивируются собственными интересами без примеси благожелательности, легко увидеть, что результаты могут быть еще менее удовлетворительными. Значительное преимущество рынка заключается в том, что он способен использовать силу собственного интереса для того, чтобы компенсировать слабость и пристрастность благожелательности и тем самым удовлетворить нужды тех, кто неизвестен, непривлекателен или неважен. Но это не должно привести нас к тому, чтобы игнорировать ту роль, которую благожелательность и нравственные чувства играют в обеспечении возможности существования рыночной системы. Рассмотрим, например, заботу о детях и их воспитание, которое осуществляется в основном в рамках семьи и поддерживается родительской привязанностью. Если любовь отсутствует и поэтому задача воспитания молодежи возлагается на другие институты, которые, очевидно, управляются преследующими собственными интересами людьми, то вполне вероятно, что эта задача, от которой зависит успешная работа человеческих обществ, станет выполняться хуже. По крайней мере, таково было мнение Адама Смита: «Домашнее воспитание есть установление природы, а общественное — человеческое изобретение. Нет нужды говорить, которое из них более мудро» (р. 222; рус. пер.: с. 219). Опять-таки, соблюдение нравственных норм должно весьма значительно снизить затраты на ведение дел с другими и тем самым должно способствовать рыночным сделкам. Как замечает Смит, «общество не может просуществовать долго, если в нем люди всегда готовы нанести друг другу обиду или вред» (р. 86; рус. пер.: с. 101).

Адам Смит допускает наличие большого количества глупости в человеческом поведении. Но это не приводит его к защите обширного вмешательства государства. Политики и представители правительства также являются людьми. Глупость частных лиц ограничена тем, что они лично страдают от ее последствий: «Банкротство, пожалуй, представ-

ляет собою величайшее и самое унижительное бедствие, какое может постигнуть невинного человека. Поэтому большая часть людей проявляет достаточную осторожность в целях избежания его»²⁴. Но, конечно, человек, действия которого привели к банкротству города или народа, не обязательно сам становится банкротом. Соответственно, Смит продолжает: «Великие нации никогда не беднеют из-за расточительности и неблагоразумия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительности и неблагоразумия государственной власти»²⁵. Он замечает позднее: «[Король и министры] сами всегда и без всяких исключений являлись величайшими расточителями во всем обществе. Пусть они наблюдают за собственными расходами и предоставят частным лицам заботиться о своих. Если их собственная расточительность не разоряет государства, отсутствие бережливости у их подданных уже во всяком случае не приведет к этому»²⁶.

Адам Смит был не слишком уверен в том, что разум человека регулирует его поведение. Обсуждая самосохранение и продление вида, Смит, в высказывании на которое я уже ссылался, говорит, что достижение этой «цели настолько важно, что выбор ведущих к ней путей вовсе не предоставлен медленным и сомнительным определениям нашего разума», но «непосредственному и первоначальному инстинкту» (р. 77–78; рус. пер.: с. 93). Якоб Винер также придерживался подобного мнения: «Для интерпретатора Адама Смита важно заметить, насколько незначительна... роль разума как фактора, влияющего на социальное поведение. Чувства [то есть инстинкты] присущи человеку от рождения... В нормальных условиях чувства не ошибаются. Разум же подвержен ошибкам»²⁷.

24. Smith, *Wealth of Nations*, p. 342. Рус. пер.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов, с. 252.

25. Ibid. Рус. пер.: там же.

26. Ibid., p. 346. Рус. пер.: там же, с. 255. Причины, по которым Адам Смит защищал ограниченную роль правительства, невозможно суммировать в единственном параграфе. Дж. Ральф Линдгрэн убедительно доказывает, что, по мнению Смита, институциональная роль сотрудника правительства неизбежно создает у него такое мироощущение, в котором преобладает «любовь к системе». См.: J. Ralph Lindgren, *The Social Philosophy of Adam Smith* (1973), p. 60–83.

27. Viner, *Role of Providence*, p. 78.

Было бы ошибкой считать, как это обычно делается, что у Адама Смита было представление о человеке как об абстракции, «экономическом человеке», рационально и целеустремленно преследующем собственные интересы. Смит не счел бы разумным трактовать человека в качестве рационального максимизатора полезности. Он воспринимал человека таким, каким он является в действительности: в нем действительно преобладает себялюбие, но присутствует и некоторая забота о других, он способен размышлять, но необязательно таким образом, чтобы прийти к правильному заключению, он видит результаты своих действий, но сквозь пелену самообмана. Несомненно, современные психологи многое добавили и кое-что исправили в этом представлении XVIII века о человеческой природе. Но можно согласиться с тем, что представление Адама Смита о человеке содержит если и не всю правду, то ее значительную часть. В этом случае осознание того, что его мысль имеет гораздо более широкую основу, чем это принято считать, делает его доводы в пользу экономической свободы более значимыми, а его выводы более убедительными.

Экономисты

Глава 8

Мать и отец Альфреда Маршалла¹

ДЖОН МЕЙНАРД КЕЙНС начинает свою знаменитую «Биографию Альфреда Маршалла» с необычного высказывания: «Альфред Маршалл родился в Клеппе 26 июля 1842 года, в семье Уильяма Маршалла, кассира в Английском банке, и Ребекки Оливер»². Необычным это высказывание делает то, что оно является шедевром умолчания.

Позвольте начать с матери Альфреда Маршалла. Кроме упоминания ее имени в первом предложении, больше во всей биографии о ней не говорится ничего, за исключением того, что она была жертвой деспотической воли своего мужа. Поскольку Маршалл считал, что «самый ценный капитал — это тот, который вложен в людей, а из этого капитала самой драгоценной его частью является та, которая составляет результат забот и влияния матери»³, можно было бы ожидать, что Кейнс уделит ей боль-

1. Перепечатано с разрешения издателя из *History of Political Economy* (Winter 1984). © 1984 by Duke University Press.

С удовольствием выражаю благодарность профессору Д. Е. Моггриджу, давшему мне разрешение воспользоваться папкой с перепиской о «Биографии Альфреда Маршалла» (ныне хранящейся в Библиотеке Маршалла в Кембридже), которая очень помогла мне при написании этой статьи. В последующих ссылках эта папка будет указана как *Keynes Memoir file*. Также я обязан *Liberty Fund*, профинансировавшему исследование, на котором основана данная статья.

2. J. M. Keynes, *Essays in Biography*, перепечатано в *Collected Writings of John Maynard Keynes*, D. Moggridge, ed. (London: Macmillan for the Royal Economic Society, 1972), 10, p. 161. [Русский перевод с сокращениями опубликован в качестве предисловия к «Принципам экономической науки» А. Маршалла. См.: Кейнс Дж. М. Альфред Маршалл, 1842–1924 // Маршалл А. Принципы экономической науки. — М.: Прогресс, 1993. Т. I. С. 5–44; Ссылки на русский перевод, там, где это возможно, даются по этому изданию. — *Примеч. пер.*]

3. Alfred Marshall, *Principles of Economics*, C. W. Guillebaud, ed., 9th variorum

ше внимания. Этого, казалось бы, в особенности требует одобрение Маршаллом мнения Гэлтона о том, что «влияние матери ярче прослеживается в семьях священнослужителей и людей науки»⁴. Об Альфреде Маршалле можно сказать, что он подпадает под обе эти категории. Как объясняет Кейнс, Маршалл был наделен «двойственной натурой». Он одновременно был пастырем и ученым, что привело его к попытке стать, по меткому выражению Эджуорта, «архиепископом экономической теории»⁵. Мать Маршалла, по мнению его жены, Мэри Маршалл, была «очаровательной женщиной, и Альфред был к ней привязан. Всякий раз, когда происходило что-нибудь приятное, например, когда он получил адрес по случаю своего восьмидесятилетия, он говорил: «Если бы только мама была жива, как рада она бы была»»⁶. Очевидно, что Маршалл был ближе к своей матери, чем к своему отцу, определенное значение имеет и тот факт, что его письма из Америки в 1875 году были адресованы матери, а не отцу. Тем не менее она отсутствует в биографии.

Причина, по которой Кейнс не мог сделать большего, чем просто упомянуть имя матери Маршалла, заключается в том, что почти все, что он знал о ней, даже ее фамилию, было нелегко получить. Мэри Маршалл писала Кейнсу при подготовке им биографии, чтобы сказать ему, что «у дальнего родственника нашлась родословная — и я рада увидеть, что в ней есть девичья фамилия матери Альфреда, которая, как я боялась, была утрачена»⁷. Как случилось, что вся информация о семье матери Альфреда Маршалла была утрачена? Объяснение содержится в письме, которое Уильям, племянник Альфреда Маршалла (вероятно, сын его старшего брата), написал Клоду Гуильбоду (также племяннику, сыну Мабель, сестры Альфреда Маршалла) после публикации биографии. Суть этого письма сообщила Кейнсу Мэри Маршалл: «Уильям, кажется, больше всех знает о матери Маршалла, и он говорит, что она родилась

ed. (London, 1961), p. 564. Рус. пер.: *Маршалл А. Принципы экономической науки*. — М.: Прогресс, 1993. Т. II. С. 270.

4. Marshall, *Principles of Economics*, p. 207. Рус. пер.: *Маршалл А. Принципы экономической науки*, т. I, с. 284.

5. F. Y. Edgeworth to J. M. Keynes, 30 August 1924, Keynes Memoir file.

6. Mary P. Marshall to J. M. Keynes, 14 January 1925, Keynes Memoir file.

7. Mary P. Marshall to J. M. Keynes, 26 July 1924, Keynes Memoir file.

в Мэйдстоне [*sic*], была дочерью аптекаря, и что семья Маршалла смотрела на это как на мезальянс, и она была вынуждена порвать связи со своей семьей»⁸. В действительности даже информация племянника Уильяма была ошибочной. Правда была гораздо хуже. Мать Маршалла, несомненно, родилась в Мэйдстоне, в Кенте, но была дочерью мясника, а не аптекаря, ее же мать, Ребекка Давенпорт (бабушка Маршалла), кажется, была дочерью сельского рабочего⁹. Ко времени ее брака семья отца Ребекки Оливер включала других мясников, несколько кожевников, по крайней мере одного фермера и трактирщика (предположительно, содержателя постоянного двора). Семья ее матери, Давенпорт, кажется, принадлежала к рабочему классу¹⁰. Неудивительно, что матери Маршалла пришлось порвать связи со своей семьей. Одним из последствий этого для Маршалла стало превращение, в отсутствие прямого знания, изучения «жизни рабочего класса» в исследовательский проект¹¹.

Перейдем теперь к месту рождения Альфреда Маршалла. Кейнс говорит, что им был Клэпем, а Бернард Корри в своей статье об Альфреде Маршалле в *International Encyclopedia of the Social Sciences* (1968) приукрасил его слова, назвав Клэпем «зеленым пригородом Лондона». В действительности Маршалл родился не в Клэпеме, очень респектабельном пригороде, а в Бермондси, гораздо менее привлекательном жилом районе. В Бермондси было расположено множество дубильных производств с сопровождающими их резкими запахами, так как в то время он стал центром кожевенной промышленности¹². К 1846 году Маршаллы переехали

8. Mary P. Marshall to J. M. Keynes, 14 January 1925, Keynes Memoir file.

9. Отец Ребекки Давенпорт, Томас Давенпорт, был аттестован в качестве «земледельца», очевидно, сельского рабочего, когда его сын, Томас, в 1786 году был послан в ученики к производителю бумаги.

10. Этой информацией, в основном основанной на переписи населения 1841 и 1851 гг., я обязан Морису Кларку.

11. В начале своих занятий экономической теорией Альфред Маршалл «решил ближе ознакомиться с практическим бизнесом и с жизнью трудящихся классов». Keynes, «Memoir», p. 181, n. 1. Рус. пер.: Кейнс Дж. М. Альфред Маршалл, с. 16.

12. В знаменитом деле о вреде для окружающих *Sturges v. Bridgman*, решение по которому было принято в 1879 г., судьи используют Бермондси как пример местности, в которой развита торговля или промышленность «шумного и неприятного характера», и добавляют комментарий: «То, что было бы вредом на *Белгрейв-сквер*, не обязательно будет таковым в *Бермондси* (Ch. D. 865 [1879]) [курсив добавлен]. Клэпем вполне мог бы

в Сиденхам, в Кенте, а примерно между 1846 и 1850 годом поселились в Клэпеме¹³. В то время, когда это произошло, возраст Альфреда Маршалла был больше трех лет, но меньше семи. Знал ли Маршалл, что он родился в Бермондси, а не в Клэпеме? Имеющиеся у нас свидетельства неопределенны. При переписи 1871 года Альфред Маршалл назвал местом своего рождения Суррей, графство, в которое в то время входили как Бермондси, так и Клэпем. Это склоняет меня к мысли, что Маршалл мог знать, что он родился не в Клэпеме, и хотел скрыть свое настоящее место рождения, но не хотел лгать.

Об отце Альфреда Маршалла, Уильяме, Кейнс говорит, что он ко времени его рождения был «кассиром в Английском банке». В действительности в это время он был клерком в Английском банке и зарабатывал 140 фунтов стерлингов в год, эту должность он занимал с 1830 года. До этого он два года работал клерком у своего дяди, биржевого маклера. Сверхштатным кассиром, зарабатывавшим 410 фунтов стерлингов в год, он стал только после 1870 года, примерно двадцать восемь лет после рождения Альфреда Маршалла, но он был кассиром при выходе на пенсию в 1877 году, а его заработная плата составляла 510 фунтов стерлингов в год¹⁴. В своем брачном сертификате от 1840 года отец Маршалла не указал своего занятия, а вместо этого назвал себя «джентльменом», что указывает на его желание избежать того, чтобы его причислили к низшим классам. Нет никаких свидетельств того, чтобы кто-нибудь из членов семьи Маршалла присутствовал на свадьбе. Единственными свидетелями были брат и сестра Ребекки Оливер. Трудно понять, как отец Маршалла, с его претензиями, допустил скомпрометировать себя такой социальной ошибкой, женившись на дочери мясника. Знакомство отца и матери Маршалла легко объяснить. Брат Ребекки Оливер, Эдвард, который был учеником фармацевта в Рамсгейте (возможно, именно это является источником убеждения в том, что

здесь заменить Белгрейв-сквер. Согласно свидетельству о рождении Альфреда Маршалла, он родился по адресу 66 Charlotte Row, в той части Бермондси, которая буквально называлась «Кожаный рынок».

13. Эта информация основана на свидетельствах о рождении младших сестер Альфреда Маршалла — Агнес (зарегистрирована в 1846 г.) и Мабель Луизы (зарегистрирована в 1850 г.).

14. Информация предоставлена Английским банком.

отец Ребекки Оливер был аптекарем), перешел с этой позиции в Английский банк на должность клерка. Понятно, что, посещая своего брата, Ребекка Оливер должна была встретить его товарища-клерка¹⁵. Ко времени их брака Уильяму Маршаллу было двадцать семь лет, а Ребекке Оливер только что исполнилось двадцать три года.

Соккрытие социального происхождения матери Маршалла, ошибка в определении места рождения Маршалла, а также искажение сведений о должности его отца в Английском банке — целью всего этого кажется повышение социального статуса семьи. И я не сомневаюсь, что оно было намеренным. Но я бы не хотел утверждать, что Кейнс ответствен за это утаивание. Почти невероятно, что эта биография, которая так прекрасно построена и в которой раскрываются столь многие аспекты жизни и мысли Маршалла, была написана примерно за два месяца. Маршалл умер 13 июля 1924 года, а статья появилась в *Economic Journal* в сентябрьском номере за 1924 год¹⁶. Таким образом, понятно, что Кейнс не мог проверить все предоставленные ему материалы. В биографии Кейнс выражает огромную благодарность Мэри Маршалл за помощь, которую он от нее получил. Изучение ее заметок из *Keynes Memoir file* показывает, что вся информация об истории семьи (или почти вся) была предоставлена Мэри Маршалл, а она должна была получить эту информацию от родственников Маршалла (со стороны отца). Очевидно, что ей не позволили бы узнать что-нибудь, что могло бы повредить социальному положению ее мужа.

Перейдем теперь к тому сокрытию информации, за которое Мэри Маршалл и Кейнс ответственны. Клод Гуильбод писал Кейнсу после публикации биографии следующее:

Я сожалею о том, что моя тетя заставила вас опустить одно или два нелестных высказывания о моем деде [отце Альфреда Маршалла]. Он был злым старым тираном, который, среди многих прочих злодеяний, долгие годы делал невыносимой жизнь моей бедной матери. Он отказался позволить ей выйти замуж за человека, которого она любила, — бедного

15. Ibid.

16. Биография была в гранках уже до конца августа 1924 г. (см.: F. Y. Edgeworth to Keynes, 30 August 1924). Выпуск *Economic Journal* за сентябрь был несколько задержан (см.: R. F. Harrod, *The Life of John Maynard Keynes* [London, 1951], p. 354, n. 1).

младшего офицера, — а когда она вышла замуж за моего отца, старый джентльмен ненавидел его и доставлял ему столько неприятностей, сколько было возможно, в основном потому, что он женился на моей матери. Он жил вместе с нами много лет до своей смерти, и одним из моих самых ранних и ярких воспоминаний является то, как мы вместе с братьями танцевали от радости и восторга, узнав, что он наконец умер. Вы могли бы, конечно, сказать гораздо больше, чем вы это сделали, не ошибившись в сторону преувеличения¹⁷.

Клод Гуильбод рассказывал мне подробнее об этом своем раннем воспоминании. Он и другие дети были в детской, когда кто-то вошел и мрачно объявил: «Дед умер». Сначала дети просто повторили то, что им было сказано, а затем поняли, что произошло. В спонтанном порыве радости они стали гикать, улюлюкать и бегать вокруг детской гуськом, выкрикивая все время: «Дед умер!».

Уильям Маршалл не был привлекательным человеком. Его самоуверенность и неуважение к мнению других должны были быть очень неприятны. Отец Клода Гуильбода был священником, и, когда он жил в его доме, отец Маршалла не стеснялся вмешиваться в церковные дела. Например, как рассказывал мне Клод Гуильбод, он занимался цензурой церковных гимнов. Одним из тех гимнов, которые вызывали его возражения, был «Вперед, христовы воины», поскольку слова «С крестом Иисуса, идущим впереди» отдают папством. Разумеется, Уильям Маршалл, изображенный Кейнсом в биографии, непривлекателен, но представляется, что это изображение более привлекательно, чем хотел Кейнс, и гораздо более привлекательно, чем оно должно было быть.

Нельзя точно сказать, что именно было опущено Кейнсом по желанию Мэри Маршалл. Один из моментов из ее заметок в *Keynes memoir file*, который не появился в биографии, касается обыкновения отца Альфреда Маршалла заставлять его заниматься учебой до 11 часов вечера (это в биографии упоминается), что имело обратное воздействие на его работу в школе. Мэри Маршалл в этих заметках пишет: «Альфред говорил о своем отце, что он был

17. C. W. Guillebaud to J. M. Keynes, 27 November 1924, Keynes Memoir file. Уильям Маршалл скончался в 1901 г., на восемьдесят девятом году жизни, а не девяносто втором, как утверждает Кейнс в биографии Маршалла.

любящим, но плохим педагогом. Обычно он делал вместе с Альфредом домашнюю работу для школы вплоть до 11 часов вечера. В результате Альфред очень мало занимался в школе. Он говорил, что если бы он не отлынивал в школе, то он бы не выжил».

Другая недомолвка касается того, как Уильям Маршалл обращался со своими братьями и сестрами, когда был мальчиком. Дед Альфреда Маршалла со стороны отца, вдовец, которого также звали Уильямом, умер в 1828 году, когда его дети еще не достигли совершеннолетия¹⁸. О них стал заботиться дядя, а Уильям, как самый старший (ему тогда было примерно шестнадцать лет), «строил из себя босса перед другими детьми и поддерживал порядок, шлепая их тапком»¹⁹. Как мы узнаем из письма, написанного Эджуортом, в гранках Кейнс назвал это «тапочной дисциплиной», но в опубликованной версии эта тема была опущена²⁰. Эта ссылка на «тапочную дисциплину» была, возможно, частью отрывка, в котором объяснялось, что отец Маршалла был сторонником строгой дисциплины. То, что он был именно таким, ясно из письма, написанного Альфредом Маршаллом Джону Нейвиллу Кейнсу о гувернантке, мисс Лакстон, которая должна была присматривать за детьми Гуильбодов и старшего брата Альфреда Маршалла, который также жил с отцом и матерью Клода Гуильбода:

Мой брат не склонен к очень строгой дисциплине, так же как моя сестра и ее муж, Гуильбоды. Но у моего отца весьма сильные убеждения в отношении этого предмета; и эти его убеждения понемногу усиливаются, что тревожит мою сестру. Мой отец необыкновенно бескорыстен и доброжелательно настроен. Но он не понимает, насколько трудной его крайне суровая дисциплина сделала бы жизнь для всех нас, когда мы были детьми, если бы не мягкость моей матери. Возможно, Вы не станете возражать намекнуть мисс Лакстон, что, по моему мнению, она найдет мою сестру более разумным советчиком по всем вопросам дисциплины, чем моего отца; но, поскольку он уже пожилой человек и его нелегко

18. Дед Маршалла женился в 1810 г. После этого он отправился в Южную Африку, где в 1812 г. родился отец Маршалла, а затем переехал на Маврикий. Конец жизни он провел в Лите, Шотландия.

19. См. Заметки Мэри Маршалл в Keynes Memoir file.

20. См.: F. Y. Edgeworth to J. M. Keynes, 30 August 1924, Keynes Memoir file.

убедить в чем-либо, в целом было бы лучше пропускать его предложения мимо ушей, а не активно противостоять им²¹.

Если мы обратимся к обычным нормам дисциплины в викторианской Англии, то трудно представить, что в таком контексте является «крайне суровой дисциплиной», или предположить, какой инструмент наказания занял место тапка в домашнем хозяйстве Маршалла. Альфред Маршалл писал, что его отец был «необыкновенно бескорыстен и доброжелательно настроен», но самому ему очень хотелось ускользнуть из-под контроля отца; когда он решил изучать математику, «его очень радовало, что отец ничего в этом не понимает», как говорит в своих заметках Мэри Маршалл и повторяет Кейнс. Отец Маршалла категорически возражал против его желания поступить в Кембридж, чтобы изучать математику, а не в Оксфорд для изучения классиков. Согласно заметкам Мэри Маршалл, отец Маршалла сказал, что «прекратил сопротивление кембриджской, а не оксфордской карьере только тогда, когда увидел, что беспокойство делает Альфреда больным». Такое высказывание звучит неправдоподобным из уст человека со столь необычайным отсутствием восприятия чувств других. Более вероятно, что отец Маршалла прекратил сопротивляться только тогда, когда стало ясно, что он не сможет помешать Альфреду отправиться в Кембридж. Как говорит Мэри Маршалл в своих заметках, «несмотря на противодействие семьи и несмотря на отсутствие средств», Альфред Маршалл «твердо решил поступить в Кембридж. Он занял деньги у дяди Чарльза и отправился в Кембридж, чтобы бороться с бедностью и лишениями, работая так много, насколько он считал себя способным». Дядя Чарльз, который помнил удары тапком, не любил отца Маршалла²², и ему, должно быть, доставляло большое удовольствие знать, что, помогая своему племяннику поступить в Кембридж, он также мешал исполнению желаний своего брата.

Выйдя на пенсию из Английского банка в 1877 году, Уильям Маршалл стал литератором. Согласно Кейнсу, его работы включали трактат «Права мужчины и обязанности

21. Alfred Marshall to John Neville Keynes, 4 August 1891, Keynes 1 (105) in the Marshall Library, Cambridge.

22. См. Заметки Мэри Маршалл в Keynes Memoir file.

женщины». Он отсутствует среди семи работ Уильяма Маршалла, перечисленных в каталоге Британской библиотеки; и, хотя это и не является решающим опровержением, необходимо поставить под сомнение факт написания им трактата под таким заголовком²³. В любом случае упоминания женщин в его трудах показывают, что если бы он действительно это сделал, то эта работа была бы ему близка по духу. Его труды, существование которых подтверждено документально, имеют три цели: направить человека к христианской жизни, разоблачить угрозу папства и восстановить английский язык таким, каким он был в IX веке: «Что за язык был английский во времена короля Альфреда»²⁴. Нам не нужно задаваться вопросом, как было выбрано имя Альфреда Маршалла.

Первой книгой Уильяма Маршалла была религиозная поэма «Локлире» (1877) о человеке, который после многих перипетий «предается Богу» и вступает в «христианскую жизнь». При этом он также пытается достичь другой своей цели, вводя в поэму древнеанглийские слова. Неудивительно, что это было высмеяно рецензентами, а их критика заставила его написать следующую книгу «Прошлое, настоящее и будущее языка Англии» (1878). Он соглашается с тем, что он, возможно, перусердствовал, используя древнеанглийский в «Локлире», но жалуется на то, что его воззрения не были восприняты серьезно:

Одобрили ли рецензенты литературную задачу поэмы?.. Сказали ли они, что дело, представленное нам автором «Локлире», достойно разбирательства в верховном суде популярной литературной критики?.. Наша грамматика представляет собой смешение грамматических систем, наш словарь — это результат смешения языков; между тем как исследования наших ученых мужей посвящены иностранным языкам, мертвым языкам и даже языкам нецивилизованных народов, или же научным проблемам, самые современные из которых принимают такие формы — не можем ли мы установить, что происходим от головастика, а не от Бога; или

23. В последних опубликованных им двух книгах Альфред Маршалл называет себя автором трактата, озаглавленного «Мария или Мадонна?», который отсутствует в списке Британской библиотеки. Фотокопии всех работ Уильяма Маршалла из каталога Британской библиотеки доступны в Библиотеке Регенштейна в Чикагском университете.

24. William Marshall, *Lochlere* (1877), p. vii.

такие — не должны ли мы заменить туманный свет старого христианства апостолов на сияющую темноту папских отцов; или такие — нужно ли предоставить избирательные права женщинам и тем самым позволить им, как более многочисленному полу, совершенно лишить мужества наши советы и поставить Англию Плантагенетов и Тюдоров, кавалеров и железнобоких²⁵ под власть женщин; более того, также и такие — не станет ли социальное преимущество английских женщин, презирающих, чтобы их возвышало почтение или направляла любовь мужчин, и предпочитающих не видеть за своим отвращением к бородам возвышенной мужественности, столь же значительным, как и великое политическое преимущество английских женщин, пренебрегших подчинением, предписанным им Богом и природой, и неистово устремившихся своим визгом заглушать парламентские дебаты и орать через рупор, вырванный для этого у исполнительной власти²⁶.

После этого он переходит к описанию достоинств «чистого английского языка времен короля Альфреда».

Следующей его работой была книга «Опасности и защита английского протестантизма» (1879). Представление об этом труде дает следующая цитата:

В этом мире существует только два основания христианства; одно из них — крепкая скала спокойного пуританства — поклонение Богу только в духе и истине; другое — цветистый, но болотистый луг переменчивого папства — поклонение Богу при помощи показных зрелищ и символов... Протестанты не могут переусердствовать, находясь на страже против этого религиозного эстетизма или чувственности, которая привносится теми, чья любовь к удовольствиям цветет в такой опасной близости к любви к Богу и кто устанавливает в своих церквях произведения искусства под благовидным предлогом того, что они отдают Богу самое лучшее. Эти сластолюбцы неизбежно поклоняются искусству при поклонении Ему... Разве великая задача Бога в Евангелии не состоит... в утверждении совершенной греховности человека, его совершенной низости и нечистоты; и разве она не проявляется в человеке, предстающем здесь перед Богом, прослав-

25. «Кавалеры» — сторонники короля в Английской гражданской войне, «железнобокие» — конница Оливера Кромвеля. — *Примеч. пер.*

26. William Marshall, *The Past, Present and Future of England's Language* (1878), p. 14–15.

ляющем самого себя в своих работах и считающем это прославление оказанной Богу почестью?²⁷

Поэма «Мечта Ринальфо» (1887) также была посвящена борьбе с соблазнами Римской церкви. Она лишена поэтических достоинств²⁸, так же как и еще три стихотворные книги, опубликованные при его жизни позднее, два издания «Аарберта» (1898, пересмотрено в 1899) и «Герберт» (1901). Это были в основном переработки «Локлире», в которых было сокращено применение англосаксонского языка, чтобы он не препятствовал религиозному посланию.

Во всех трудах Уильяма Маршалла я заметил только две отсылки автобиографического характера. Пожалуй, неудивительно, что обе они касаются инструментов наказания, которые использовались во времена его детства. Предпочитая устаревшее слово *swipe* современному *scourge* (в обоих случаях этот глагол может быть переведен как «бить», «ударять с силой» и т. п., в зависимости от контекста. — *Примеч. пер.*), он пишет: «В этом слове слышится сам звук взмаха трости для наказаний. Само это слово, мне кажется, я не слышал со времен моего детства, но сейчас я его, к счастью, припомнил в связи с моим добросовестным школьным наставником»²⁹. А закончив доказывать, что слово *tower* должно заменить *tanner* (кожевник), он добавляет: «Мальчиков в Шотландии в мои школьные годы обычно пороли кожаными ремешками, которые назывались „taws“»³⁰.

Очевидно, что Кейнс был мало знаком с работами Уильяма Маршалла. Он говорит, повторяя за Мэри Маршалл, что Уильям Маршалл был человек «весьма твердый и про-

27. William Marshall, *The Dangers and Defences of English Protestantism* (1879), p. 22–23.

28. Мне достаточно только привести в качестве примера одну из лучших строф из «Мечты Ринальфо» (William Marshall, *Rinalpho's Dream* (1887), p. 37):

А женщины-простушки тогда охочи были

Дышать церковной пылью.

Молитвы распевали, поклоны отбивали и, исповедавшись в грехах, Искусно упражнялись и в прочих пустяках.

(Пер. с англ. Д. В. Мельника)

29. Marshall, *England's Language*, p. 73. Поскольку его отец жил в Лите, Шотландия, Альфред Маршалл, возможно, учился в Литской грамматической школе.

30. Ibid., p. 84.

ницательный»³¹. Это не так. Он был весьма твердым человеком, но без всякой проницательности. Альфред Маршалл как ученый ничем не обязан этому узколобому человеку. Отец Маршалла был полностью убежден в правильности своих узких взглядов, обращал мало внимания на чувства и желания других и считал, что имеет право контролировать действия тех, кто находится в его власти, с помощью «крайне суровой дисциплины». Он был, как говорил Альфред Маршалл, «плохим педагогом». Следует ожидать, что строгий контроль, осуществляемый таким отцом над своими детьми, повлияет на их мироощущение в последующей жизни. И несомненно, крайняя чувствительность Альфреда Маршалла к критике (он испытывал, как рассказывал мне Клод Гуильбод, адские страдания, когда обнаруживал, что сделал ошибку), его уклончивость при самом малейшем несогласии, его неприязнь к полемике, а также другие особенности характера были в значительной степени результатом воспитания. Но не нужно также и забывать, что даже в юности его разум был свободен и, несмотря на сильное родительское давление, он сформировался и действовал в соответствии со своими собственными воззрениями; и, когда пришло время выбора карьеры, Альфред Маршалл проигнорировал отца и последовал за своей звездой.

31. Keynes, *Essays in Biography*, p. 162. Рус. пер.: Кейнс Дж. М. Альфред Маршалл, с. 5.

Глава 9

Предки и родственники Альфреда Маршалла¹

Я НАЗВАЛ высказывание, с которого начинается написанная Кейнсом биография², «шедевром умолчания» (см. восьмую главу этой книги). Местом рождения Маршалла там назван Клэпем, «зеленый пригород Лондона», как добавляет Бернард Корри³, тогда как на самом деле он родился в Бермондси, посреди кожевенных заводов. О матери Альфреда не сообщается ничего, кроме имени. Причина этого стала очевидна после того, как я выяснил,

-
1. Перепечатано с разрешения издателя из: Rita McWilliams Tullberg, ed., *Alfred Marshall in Retrospect* (Aldersholts: Edward Elgar Publishing Limited, 1990).

Информация, на которой основана эта статья, была собрана в течение длительного времени из самых разнообразных источников при содействии многих научных сотрудников. Переписка и заметки, относящиеся к данному исследованию, будут помещены в Библиотеку Регенштейна в Чикагском университете. Надеюсь, что они помогут тем, кто захочет продолжить исследование о предках и родственниках Альфреда Маршалла. Необходимость такого исследования очевидна. В истории, которую я расскажу, есть пробелы, а некоторые мои выводы основаны на весьма немногочисленных свидетельствах. Заметки Мэри Маршалл, на которые делаются ссылки в этой статье, можно найти в папке с перепиской Джона Мейнарда Кейнса, касающейся его «Биографии Маршалла», которая теперь хранится в Библиотеке Маршалла в Кембридже («*Keynes memoir file*»). Я в долгу перед *Liberty Fund* за грант, из которого была профинансирована большая часть исследований, на которых основана эта статья.

2. J. M. Keynes, *Essays in Biography*, перепечатано в *Collected Writings of John Maynard Keynes*, D. Moggridge, ed. (London: Macmillan for the Royal Economic Society, 1972), 10, p. 161. [Русский перевод с сокращениями опубликован в качестве предисловия к «Принципам экономической науки» А. Маршалла. См.: Кейнс Дж. М. Альфред Маршалл, 1842–1924 // Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Прогресс, 1993. Т. I. С. 5–44; Ссылки на русский перевод, там, где это возможно, даются по этому изданию. — Примеч. пер.]
3. Bernard Corry, «Marshall, Alfred», in D. A. Sills, ed., *International Encyclopedia of the Social sciences* (New York: Macmillan and the Free Press, 1968), 10, p. 25.

что она была дочерью мясника. О его отце Уильяме сказано, что ко времени рождения Альфреда он был кассиром в Английском банке, тогда как он был клерком. Действительно, он был назначен «кассиром» в 1867 году (около двадцати пяти лет после рождения Альфреда), но, как нам сообщили, присвоение этого звания в Английском банке обычно было наградой за «долгую и верную службу»⁴. В документах, касающихся его свадьбы, Уильям Маршалл назвал себя «джентльменом». Сделав это, он повысил свой социальный статус и скрыл свое реальное положение. Семья Альфреда Маршалла имела отдаленное отношение к дворянству, и для поддержания респектабельности правда о ее происхождении должна была скрываться. В результате социальный статус Альфреда Маршалла был преувеличен, а его достижения преуменьшены.

Во втором предложении в начале биографии говорится, что «Маршаллы происходили из клерикальной семьи с Запада» и мы почти слышим звон чайных чашек на газоне у дома викария. Как всегда в этой биографии, или почти всегда, в этом утверждении есть некоторая правда. Кейнс сообщает нам, что прапрадед Альфреда, Уильям Маршалл, был «полулегендарным, могучего сложения девонширским пастором» и что его прадед, Джон Маршалл, священнослужитель, женившийся на Мэри Хоутри, был директором средней школы в Эксетере. Это действительно так. Но Кейнс, после ссылки на «клерикальную семью с Запада», добавляет, что она «была основана в конце XVII века Уильямом Маршаллом, приходским священником Салташа, Корнуолл». Поскольку «девонширский пастор» родился в 1676 году в Корнуолле и у нас нет сведений о том, что его отец был священником, то представляется, что «приходской священник Салташа» был или придуман, или, что кажется мне более вероятным, «девонширский пастор» разделился в сознании семьи Альфреда на двух человек, в результате чего линия предков-священников удлинилась. Генеалогическая информация, которую Кейнс использовал при написании биографии, была составлена Эйнсли, до-

4. Утверждение о должности Уильяма Маршалла в Английском банке и значении звания «кассир» основано на письме (обнаруженном в Библиотеке Маршалла Ритой Мак-Уильямс Талберг), которое было написано Дж. М. Кейнсу мистером Нэном из Английского банка.

черью дяди Генри, брата отца Альфреда⁵, и неудивительно, что она знала только то, в чем ее хотела убедить семья. Действительно, среди родственников Джона Маршалла были и другие представители духовенства (Маршаллы), но по прямой линии у Альфреда Маршалла есть только два упомянутых предка-священника. Поскольку у каждого человека есть восемь прадедушек и прабабушек и шестнадцать прапрадедушек и прапрабабушек, было бы слишком рискованным обсуждать генетическое влияние, если не изучить все линии предков, и риск все равно останется, пока не будет исследована их ДНК. Несмотря на это, странно, что автор, который с таким энтузиазмом писал о «Великом роде Вильерсов»⁶, пренебрег влиянием наследственности. Тем не менее если начать строить такие догадки, то, как мы увидим, существуют более сильные кандидаты, чем Маршаллы и Хоутри (которых упоминал Кейнс), на роль поставщиков генов, которые способствовали созданию автора «Принципов экономической науки».

Обратимся к ближайшим родственникам Альфреда. После упоминания Джона Маршалла, прадеда Альфреда, следующий параграф биографии начинается со слов «Его отец...». Это озадачивает, поскольку очевидно, что Кейнс пропустил одно поколение. Действительно, в биографии совсем отсутствуют упоминания дедушек и бабушек Альфреда. В случае дедушки и бабушки Альфреда с материнской стороны это понятно, поскольку любое их упоминание приведет нас в среду рабочего класса. Но почему ничего не говорится о Уильяме Маршалле, деде Альфреда с отцовской стороны? Его биография, как мне кажется, это объясняет. Мэри Маршалл в своих заметках, которые она предоставила Кейнсу, сообщает о нем только то, что он служил флотским казначеем, также, несомненно, и на его могильном камне в Лите в Шотландии (где он скончался) он описывается как «бывший казначей, Королевский

5. Мне стало это известно из письма Мэри Маршалл «кузине Эйнсли», которое принадлежит профессору Чикагского университета Джорджу Дж. Стиглеру.

6. В эссе Дж. М. Кейнса «Великий род Вильерсов» рассматриваются проблемы наследственности на примере семейства английских государственных деятелей, родоначальником которого является Джордж Вильерс, первый герцог Бекингем (1592–1628). См.: Keynes J. M. The Great Villiers Connection // The Collected Writings of John Maynard Keynes. Vol. 10, 1972, p. 60–62. — *Примеч. пер.*

флот»⁷. Должно быть, обычно могильные надписи не содержат неправду, но факт заключается в том, что дед Альфреда Маршалла никогда не был флотским казначеем.

Я изложу историю деда Альфреда Маршалла настолько подробно, насколько я смог ее восстановить. У его отца, Джона Маршалла, директора средней школы в Эксетере было три сына, двое из них стали священнослужителями. Дед Маршалла был не таким, как все. Почему он рассматривался (или считал себя) неспособным к церковной должности, я не знаю. Моя гипотеза заключается в том, что его умственные способности не соответствовали такому занятию. Он родился в 1780 году, но я не нашел никакого упоминания о нем до объявления (в *Gentleman's Magazine*) о его свадьбе в 1810 году, когда ему почти исполнилось тридцать лет. В этом объявлении он был представлен как «помощник генерального казначея на мысе Доброй Надежды».

Точнее, эта должность, на которую он, очевидно, был только что назначен, была должностью помощника генерального казначея Капского гарнизона в Южной Африке; постоянная британская оккупация Капской колонии началась в 1806 году. Уильям Маршалл и его невеста отплыли 24 июня 1810 года и достигли Кейптауна 1 октября 1810 года. Он занимал эту должность несколько лет, за это время у них родилось четверо детей, двое из которых умерли в младенчестве. Одним из выживших был Уильям, отец Альфреда Маршалла. Судя по дому, в котором он жил, а также другим признакам, можно заключить, что прадед Альфреда принадлежал к верхнему слою британского общества в Капской колонии⁸. Тем не менее примерно после марта 1816 года он оставил свою должность и переехал на Маврикий. Ранее Маврикий был французской колонией и назывался Иль-де-Франс, но был захвачен британцами в 1810 году. С окончанием войны в 1814 году он стал британской колонией по Парижскому мирному договору.

7. Я должен поблагодарить мистера Дональда Разерфорда из Единбургского университета за то, что он предоставил мне информацию о деятельности Уильяма Маршалла в Лите.

8. См.: P. Philip, *British Residents at the Cape, 1795-1819* (Cape Town: David Philip Ltd, 1981), p. 267. Информация также предоставлена профессором Питером Уикинсом из Кейптаунского университета.

На Маврикии он сначала занял должность в комиссариате полиции⁹. Затем он ввязался в злополучное предприятие, купив на публичном аукционе в декабре 1817 года право на аренду *batelage* или эксклюзивной привилегии на два года на погрузку и разгрузку товаров в порту Сент-Луис. Через несколько месяцев Уильям Маршалл понял, что совершил серьезную ошибку. В докладной записке на имя исполняющего обязанности губернатора, датированной апрелем 1818 года, он объясняет, что не может внести второй взнос за предложенную на аукционе сумму и просит освободить его от ее уплаты. Его объяснение этого фиаско заключалось в том, что он заплатил за аренду слишком высокую цену, примерно в два раза больше той суммы, по которой она продавалась в прошлые годы. Он называет две причины, по которым он это сделал. Во-первых, он «предполагал, исходя из публичного отчета... что порт будет оставаться открытым до 1 марта 1820 года», тогда как он был закрыт 1 апреля 1818 года. Во-вторых, ставки на аукционе повышались небольшими суммами, что, как он думал, было «результатом честной конкуренции», вследствие этого он пришел к выводу «что, если любой другой человек мог позволить себе дать столько, [он] может сделать то же самое». Экономисты могут увидеть в этом вариант гипотезы эффективного рынка. Однако его претензия заключалась в том, что ставки выше 17,5 тыс. долларов Маврикия (он заплатил 23 тыс. долларов) делались не теми, кто хотел приобрести аренду, а правительственным аукционистом и, следовательно, заплаченная цена не была «результатом честной конкуренции». Кроме того, некоторые из его судов и часть инвентаря были уничтожены ураганом в марте 1818 года. В результате его расходы за первый год выросли до 60 тысяч долларов, тогда как сборы равнялись 40 тысячам долларов¹⁰. Стоимость доллара Маврикия (расчетная денежная единица) составляла примерно 4 шиллинга. Таким образом, сумма его первичного платежа и потерей первого года составила примерно 6 тысяч фунтов стерлингов (значи-

9. Информация предоставлена М. Ли-Тио-Фаном из Исследовательского института сахарной промышленности, Маврикий.

10. William Marshall, «The Memorial of William Marshall of Port Louis», 6 April 1818, Colonial Correspondence — Mauritius CO 167/145, Public Records Office (PRO), London; *Idem*, «The Memorial of William Marshall of Port Louis, Island of Mauritius», 31 December 1818, Colonial Correspondence — Mauritius CO 167/45, PRO, London.

тельная сумма денег в то время)¹¹ и это вместе с расходами на жизнь, видимо, практически исчерпало его капитал.

Очевидно, исполняющий обязанности губернатора соглашался переслать его докладную записку Государственному секретарю по делам колоний только в том случае, если он будет обосновывать свои претензии на освобождение от уплаты исключительно потерями от урагана. Тем не менее следующий исполняющий обязанности губернатора переслал докладную записку Уильяма Маршалла, оставив комментарий, что было бы «разумным... предоставить мистеру Маршаллу некоторое освобождение... в любом случае, кажется, нет никаких шансов, что мистер Маршалл будет способен исполнить свои обязательства». К этому он добавляет: «Мистер Маршалл представляется мне усердным, порядочным человеком, который стремился приобрести занятие, но, к сожалению, в то время был недостаточно информирован о точном объеме дел, в которые был вовлечен»¹². Складывается впечатление, что дед Альфреда был не слишком умен.

Как было решено это дело, я не знаю. Но в 1823 году бабушка Альфреда умерла и его дед покинул Маврикий со своими шестью маленькими детьми. Он поселился в Лите в Шотландии, где стал торговцем. Как, вероятно, и следовало ожидать, это деловое предприятие, кажется, не увенчалось успехом, поскольку к 1827 году он становится клерком¹³. Он умер в 1828 году, что характерно, не оставив завещания, был похоронен с неправильной надписью на могильном камне и был забыт. Несложно понять, почему семья Альфреда Маршалла не поддерживала память о нем.

Опека над детьми была поручена Джону Бенталлу, брату их матери, и они переселились в Тотнес в Девоншире, где, согласно Мэри Маршалл, о них стал заботиться дру-

11. Согласно Альфреду Маршаллу, средний доход на душу населения в Союдиненном Королевстве составлял примерно 15 фунтов стерлингов в 1820 г. (Marshall, *Principles of Economics*, [London and New York: Macmillan, 1890], 45–46fn; *Principles of Economics*, C. W. Guillebaud, ed., 2 vols., 9th variorium ed., [London: Macmillan for the Royal Economic Society, (1890) 1961], 2, p. 733).

12. Major General Darling to Earl Bathurst, 18 March 1819, Colonial Correspondence — Mauritius CO 167/45, PRO, London.

13. В Справочной книге Эдинбурга и Лита он представлен как «торговец» в 1823–1824 гг., затем, в 1824–1825 гг. как «торговец и клерк», а в выпусках за 1826–1827 и 1827–1829 гг. как «клерк».

гой брат. Что случилось с этими детьми, которые в будущем стали ближайшими родственниками Альфреда Маршалла? Старший — это его отец, а другие — тетя и четверо дядей. Мне нечего добавить к тому, что я уже рассказал в другой статье об этом крайне неприятном человеке, его отце. Но что стало с другими? О тете Луизе Мэри Маршалл говорит нам, что Альфред Маршалл ее «преданно любил... Она заботилась о своих братьях, и их семьи стали основным смыслом ее жизни». У Альфреда Маршалла был особый долг перед ней (а значит, и у нас), поскольку, по его убеждению, летние каникулы, которые он проводил у нее, спасали его жизнь после переутомления, до которого его доводил отец в оставшуюся часть года¹⁴.

Рассмотрим теперь его дядей и начнем с дяди Эдварда. В январе 1829 года, в возрасте двенадцати лет, Эдвард был зачислен в Королевский флот как волонтер первого класса. Через год после зачисления он стал мичманом. В 1833 году он был повышен до младшего офицера, а в 1843 году — до лейтенанта. Звание командера он получил в 1853 году, а капитана — в 1857 году. Он служил на многих военноморских базах, среди прочих на мысе Доброй Надежды, в Средиземном море, на восточном побережье Африки, а также на кораблях с такими красочными названиями, как *Thunderer* (Громовержец), *Thunderbolt* (Гроза), *Snake* (Змей) и *Devastation* (Опустошение), и даже на одном с несколько сомнительным именем *Sappho*. Три года командер Маршалл командовал кораблем *Virago* (Воительница) на тихоокеанской базе. Можно заметить, что его карьера похожа на карьеру Горацио Хорнблоуэра из романов С. С. Форрестера, и, по моему убеждению, единственной причиной того, что он так и не стал адмиралом, была смерть капитана Маршалла в 1862 году в возрасте сорока пяти лет¹⁵.

Рассмотрим теперь дядю Генри. О его ранней жизни мне ничего неизвестно, но ко времени его брака в 1854 году, когда ему было тридцать три, он был торговцем в Калькутте, Индия. В 1858 году он оставался торговцем в Индии, но вернулся в Англию в 1859 году, возможно, в результате Восстания сипаев. Он умер в 1880 году, и в его завещании

14. Pigou, *Memorials*, p. 2.

15. W.R. O'Byrne, *A Naval Biographical Dictionary* (London: O'Byrne Bros., 1861), p. 728; *Gentleman's Magazine* 33 N.S. (3862), p. 794; документы о его службе см. в: ADM 9/431/2588, PRO, London.

он представлен как лесопромышленник. Дядя Генри был бизнесменом.

Следующий дядя Торнтон. В подростковом возрасте он поступил учеником к фармацевту и изучал медицину в госпитале Гая в Лондоне. В конце 1843 года, в возрасте двадцати одного года, он подал заявление в медицинский департамент вооруженных сил и был назначен помощником хирурга. Он служил в Новой Зеландии и Австралии и в 1855 году был повышен до хирурга. О нем можно мало что сказать, так как он страдал от плохого здоровья и умер в 1861 году, в возрасте тридцати восьми лет¹⁶.

Теперь мы переходим к последнему члену этой «клерикальной» семьи, дяде Чарльзу, его единственного Кейнс упоминает в биографии, и это самый интересный из дядей Альфреда Маршалла. Он был, по словам Мэри Маршалл, «любимым дядей Альфреда». Несомненно, благодарность Альфреда Маршалла имела веские основания. Предоставив Альфреду заем, дядя Чарльз сыграл важную, возможно решающую, роль в том, чтобы стало возможным его поступление в Кембридж для изучения математики. Именно этот шаг в конечном итоге приведет его к тому, чтобы стать экономистом. Согласно биографии, дядя Чарльз также оставил Альфреду в наследство сумму, которая позволила ему посетить Америку в 1875 году. Когда я обнаружил, что в завещании дяди Чарльза отсутствуют распоряжения в пользу третьих лиц, у меня возникли сомнения в корректности утверждения Кейнса. Однако в Библиотеке Оксли в Брисбане мною было найдено письмо, написанное вдовой дяди Чарльза ее адвокату, в котором она жалуется, что дядя Генри (душеприказчик) выплачивает завещательные отказы из дохода. Очевидно, существовали неупомянутые в завещании распоряжения дяди Чарльза, которые, возможно, содержались в его письмах.

Учитывая важную роль, которую финансовая поддержка дяди Чарльза сыграла в жизни Альфреда, Кейнс добавляет, что:

16. A. Peterkin and W. Johnston, *Commissioned Officers in the Medical Services of the British Army, 1660–1960* (London: Wellcome Historical Medical Library, 1968), 1, p. 29; *A List of the Officers of the Army and the Corps of Royal Marines, on Full, Retired, and Half-Pay, 1859–1860 and 1862–1863*; *Gentleman's Magazine* 10 N.S. (1861), p. 588; WO 17/577, 17/586, 17/595, 17/604, 17/613, 17/630, 17/631, 17/640, 17/649, 17/658, 17/679, 17/689, 17/699, 17/709, 25/3931, PRO, London.

заслуживает быть записанной история источников богатства этого дяди, которую Альфред часто рассказывал... Дядя стремился составить состояние в Австралии и поселился там в период золотой лихорадки, но некоторая семейная эксцентричность заставила его выбрать косвенный путь к богатству. Оставаясь скотоводом, он, став предметом насмешек своих соседей, нанимал в свое хозяйство только таких работников, у которых есть те или иные физические дефекты, полностью укомплектовав свой штат хромыми, слепыми и увечными. Свою награду он получил тогда, когда золотой бум достиг своей высшей точки. Все трудоспособные рабочие эмигрировали на золотые прииски, и Чарльз Маршалл остался единственным хозяином, способным продолжать работу¹⁷.

Эджуорт думал, что этот отрывок должен быть опущен, потому что основанное на эксцентрисности поведение не имеет универсального значения¹⁸. По моему же мнению, он должен быть опущен, потому что в нем нет ни одного слова правды.

Попробуем восстановить реальную историю жизни дяди Чарльза и того, как он приобрел свое богатство. Мэри Маршалл в своих заметках для Кейнса пишет, что дядя Чарльз, «которому не нравилось быть под контролем своего брата Уильяма в Тотнесе... сбежал и стал юнгой». В биографии Кейнс заимствует эту фразу и метафорически применяет ее к Альфреду, который, по его словам, сбежал, «чтобы быть юнгой в Кембридже, подняться по вантам геометрии и смотреть в небеса». Но кажется вероятным, что рассказ Мэри Маршалл был правдив и что дядя Чарльз действительно сбежал и стал юнгой. Я утверждаю это потому, что во время переписи 1841 года, когда ему было двадцать лет, его занятие было указано как «моряк»¹⁹.

Я не нашел никакой достоверной информации о его деятельности между 1841 и 1849 годом, когда он был зарегистрирован в качестве владельца (вместе с Робертом Кэмпбелом) овцеводческой фермы Эллангован в Дарлинг-Даунс, Австралия²⁰. Согласно одному из сообщений, он прибыл

17. Pigou, *Memorials*, p. 4.

18. См.: F. Y. Edgeworth to J. M. Keynes, 30 August 1924, Keynes Memoir file, Marshall Library, Cambridge.

19. Это указывается в записи о доме Торнтона Бенталла, в городе и приходе Тотнес, перепись 1841 г.

20. Commissioner for Crown Lands, *Darling Downs Record Book, 1845-1852*,

в Австралию в 1847 году²¹. Как он приобрел капитал для покупки доли в этой овцеводческой ферме, мне неизвестно, возможно, в каком-то деловом предприятии за пределами Австралии или благодаря наследству. В воспоминаниях Джона Уатса, управляющего соседним владением, есть описание встречи с ним, которая произошла примерно в 1849 году:

У нас был конфликт с фермой Эллангован, в то время принадлежащей мистеру Чарльзу Маршаллу, который приобрел ее у Форбса... Когда мы прибыли в Эллангован, Маршалл только что приготовился к стрижке овец и собирался умыться в пруду. Около него мы его нашли, и он сказал: «Эй, заходите в дом и выпейте стакан грога, мы обсудим это, как только я здесь закончу». Через некоторое время мы встретились дома и договорились о том, что мы разрешим наше дело после того, как стрижка будет закончена, но прежде чем это произошло, мистер Маршалл продал ферму Дж. Гамми²².

После 1849 года можно составить достаточно подробный отчет о деятельности дяди Чарльза в Дарлинг-Даунс. В 1850 году он стал совладельцем Гленгаллана с Робертом Кэмпбелом²³. В том же самом году он был избран мировым судьей, что отражает его положение среди скотоводов в Дарлинг-Даунс²⁴. В 1852 году он стал единственным владельцем Гленгаллана²⁵, Гленгаллан был большой овцевод-

New South Wales State Archives (NSWSA), Sydney; Crown Lands Office (CLO)/13 Queensland. Chief Commissioner for Crown Lands, *Darling Downs Record Book*, Register of demands made for leases to pastoral runs, 1848–1865, Queensland State Archives (QSA), Brisbane.

21. См.: «Gooragooby» Dalveen, «Echoes of the Past: A Black Criminal», *Warwick Daily News* (Queensland), 26 March 1935.

22. John Watts, «Personal Reminiscences by John Watts», n. d., John Oxley Memorial Library, Brisbane, p. 24.

23. Commissioner for Crown Lands, *Darling Downs Record Book*, 1845–1852.

24. T. Hall, *The Early History of Warwick District and Pioneers of the Darling Downs* (Warwick, n. d.), p. 60; *Votes and Proceedings*, New South Wales Legislative Council, 1856–1871, 1, p. 916–926, John Oxley Memorial Library (JOML), Brisbane; Archives Office (AO)/3256, AO/3257, NSWSA, Sydney.

25. Hall, *Early History*, p. 45; S. G. Steele, *Conrad Martens on Queensland: The Frontier Travels of a Colonial Artist* (Brisbane: University of Queensland Press, 1978), p. 60–65; Rev. B. Glennie, «The Australian Diary of Rev. B. Glennie, Jan. 16th 1848–Sept. 30th 1860», JOML, Brisbane, 15. В книге Стилла можно найти множество репродукций карандашных набросков, которые были сделаны Мартенсом в Гленгаллане в 1853 г. Некоторые из картин Гленгаллана были заказаны у Мартенса дядей Чарльзом и дядей Генри.

ческой фермой, площадью примерно 60 тысяч акров, пригодных для выпаса примерно 1800 голов крупного рогатого скота и 20 тысяч овец²⁶. Преподобный Х. Беркли Джонс, опубликовавший книгу о своем путешествии в Австралию, так описывает свой визит в Гленгаллан в 1852 году: «Мистер М. владеет чрезвычайно важной станцией, и в течение нескольких лет он, с небольшим капиталом и неутомимой настойчивостью, накопил 100 тысяч рупий»²⁷. В 1854 году дядя Чарльз стал партнером Джона Дайхара. Дайхар был очень опытным животноводом; до того, как объединиться с дядей Чарльзом, он был управляющим фермой, принадлежавшей Абердинской компании. При помощи Дайхара Гленгаллан стал процветать, а его племенной скот прославился. Тем не менее у Дайхара был порывистый темперамент и он (но не дядя Чарльз) обанкротился. Партнерство было расторгнуто в 1869 году²⁸. В 1873 году дядя Чарльз вступил в партнерство с У. Б. Слайдом. Слайд также оказался замечательным животноводом, но дядя Чарльз умер в 1874 году и его доля в Гленгаллане перешла к его вдове. Когда она снова вышла замуж, фирма «Маршалл и Слайд» стала называться «Кнайтон и Слайд». Нет никаких причин сомневаться в том, что дядя Чарльз разбогател. В 1857 году он женился на Шарлотте Августе Дринг Дрейк, дочери генерала Уильяма Х. Дрейка, который в 1871 году получил рыцарский титул. Ко времени брака дяде Чарльзу было тридцать шесть лет, а Шарлотте — двадцать.

Как этот человек, сбежавший из дома, чтобы стать юнгой, приобрел свое богатство? Альфред Маршалл дает следующий ответ. У него была овцеводческая ферма, на которую он нанимал хромых, слепых и увечных («некоторая семейная эксцентричность», как говорится в биографии, хотя у нас нет свидетельств того, что ею обладали другие родственники Альфреда). Так или иначе, когда в Австралии было найдено золото, работники с других ферм отправились на прииски и только дядя Чарльз смог продолжить разводить

26. *Votes and Proceedings*, N.S.W. Legislative Council, 1854, vol. 2, and 1859–1860, vol. 3; Commissioner for Crown Lands, *Darling Downs Record Book*, 1848–1849; Darling Downs Pastoral District, *N.S. W. Government Gazette*, 1848, 945–946.

27. Rev. H. Berkeley Jones, *Adventures in Australia in 1852 and 1853* (London: Richard Bentley, 1853), p. 164.

28. Hall, *Early History*, p. 36–38, 45–47; D. B. Waterson, *Squatter, Selector, and Storekeeper: A History of the Darling Downs, 1859–1893* (Sydney: Sydney University Press, 1968), p. 283; Glennie, «Diary», 17; CLO/8, CLO/13, QSA, Brisbane.

овец, по крайней мере, в Дарлинг-Даунс. Этот рассказ абсолютно неправдоподобен. Задачи, выполняемые пастухами и другими работниками овцеводческих ферм, в основном таковы, что хромые, слепые и увечные не могут с ними справиться. Трудно себе представить, какую полезную работу может делать слепой, скачущий на своей лошади-поводыре по овцеводческой ферме площадью 100 квадратных миль. Но нет необходимости говорить об этом подробно. Существует много других причин считать этот рассказ выдумкой.

Во-первых, мы должны отметить, что к 1850 году дядя Чарльз уже имел некоторое состояние, тогда как первое выгодное месторождение для разработки золота было открыто только в 1851 году. Во-вторых, исторические свидетельства говорят, что все овцеводческие фермы в Дарлинг-Даунс продолжали работать и после открытия золота. На самом деле, число овец в Новом Южном Уэльсе, Виктории и Тасмании даже выросло в период золотой лихорадки и есть все основания полагать, что это произошло и в Дарлинг-Даунс (который в то время относился к Новому Южному Уэльсу)²⁹. Уотерсон сообщает, что в этот период «область испытывала расцвет — десятилетие с 1856 по 1866 годы было золотым веком»³⁰. Несомненно, многие работники отправились на золотые прииски, хотя, что достаточно забавно, в случае Гленгаллана единственное найденное мною упоминание такого движения относится к самому дяде Чарльзу. Немения Бартли посетил Туронские прииски в 1851 году и встретил там «Маршалла, сына главного кассира Английского банка и его друга из Вест-Индии, Дейвсона». Слово «сын» здесь, очевидно, использовано по ошибке, вместо «брат», а то, что отец Альфреда Маршалла назван «главным кассиром Английского банка», является еще одним примером «некоторой семейной эксцентричности», проявляющейся в преувеличении своего социального статуса. Бартли добавляет: «Собранный Маршаллом и Дейвсоном „дампфер“ был просто грандиозен, его клинья были подобраны один к одному и размельчали породу в пыль»³¹; из этого мы можем сделать вывод, что дядя Чарльз не был слабым человеком.

29. A. Barnard, *The Australian Wool Market, 1840–1900* (Melbourne: Melbourne University Press, 1958), p. 217.

30. Waterson, *Squatter*, p. 13.

31. N. Bartley, *Opals and Agates; or, Scenes under the Southern Cross and the Magellans* (Brisbane: Gardina Gotch, 1892), p. 52

Еще больше, возможно, рассказ Альфреда Маршалла опровергается его противоречием всему, что мы знаем о том, как этот жесткий бывший моряк обращался со своими работниками. Как работодатель он был лишен всяких сантиментов. В 1849 году, когда он еще владел Эллангованом, он обвинил Джорджа Мандея в Суде малых сессий в том, что он уклоняется от работы. Мандей отрицал, что он служил у дяди Чарльза, и дело было прекращено. В то же самое время Сэмюэл Бишоп предстал перед судом, чтобы ответить на обвинение дяди Чарльза в «пренебрежении обязанностями и дерзости». Было решено, что обвинение не доказано³². Более полное представление о настрое дяди Чарльза мы получаем из его переписки с новым партнером, У. Б. Слайдом, написанной в 1873 и 1874 годах во время его поездки в Англию и ныне хранящейся в Библиотеке Оксли в Брисбане.

В этой переписке дядя Чарльз предстает как справедливый человек, которого, однако, при найме работников более всего заботит то, что он выиграет от следования одному порядку действий, а не другому. Незадолго до смерти он отмечает, что количество нанятых рабочих рук представляется слишком большим для хранящегося на складе товара, и надеется провести значительное сокращение³³. Во взаимодействиях с людьми он проявлял сочувствие, но был настроен по-деловому. Вот пример:

Я часто задаюсь вопросом, сможете ли вы найти работу для старого Пью, после того как он закончит стричь шерсть. Я очень люблю этого старика и буду сожалеть, если он перестанет у нас работать. Обычно на него можно полностью положиться и рассчитывать на его помощь в сложной ситуации. <...> Хотя, конечно, если у вас нет для него работы, вы не сможете ему помочь³⁴.

Большая часть комментариев о работниках в его письмах относятся к нанятым им батракам из Океании (South Sea Islanders), срок контракта которых подходил к концу. Он хотел, чтобы с ними обошлись справедливо:

32. *Moreton Bay Courier*, 29 December 1849.

33. C. H. Marshall to W. B. Slade, 26 June 1874, Glengallen Estate, *Private Papers*, JOML, Brisbane.

34. *Ibid.*, 4 September 1873.

Когда я был в Брисбане, я встречался с иммиграционным агентом мистером Греем и мы договорились, что, когда вы отправите обратно этих батраков, по истечении срока их контракта, вы должны будете перечислить их заработок за три года, а он присмотрит, чтобы о них позаботились и чтобы их не обманули лавочники³⁵.

В другом письме он сообщает, что «обещал парням, что, если они будут хорошо себя вести, я дам каждому из них медаль»³⁶. У него было отчеканено восемь медалей с выгравированными на них именами. Он беспокоился о том, хорошо ли они сделаны, и хотел, чтобы их изображения были напечатаны в газете, «чтобы показать, что с парнями не обращались как с рабами»³⁷, но, судя по всему, решил не делать этого, поскольку это было бы похоже на «показуху»³⁸. Он комментирует: «Они будут счастливы получить свои медали за хорошее поведение, и я чувствую, что они заслуживают это»³⁹. Поскольку батраки из Океании были так полезны, он надеялся, что некоторые из них вернутся, а если они этого не сделают, то на их место будут наняты другие. На случай, когда Слайд соберется сделать это, дядя Чарльз дает некоторые советы: «отправляйтесь прямо... к прибывшему кораблю и выберите их сами. Если вы доверите забрать их агенту, то получите гораздо более худшую партию»⁴⁰. Очевидно, что он это предлагает для того, чтобы избежать найма «хромых, слепых и увечных».

Из этой переписки легко увидеть, почему дядя Чарльз смог разбогатеть. В своих письмах он беспокоится о каждой детали бизнеса, проявляет большую проницательность, а его целью всегда является увеличение прибыли фирмы. Так, он отмечает, что «важные документы и в особенности предьявительские векселя» должны отправляться «коротким путем через Бриндизи. Недельный процент на 1000 фунтов стерлингов составляет 0/8 от 8 процентов и, конечно, не идет ни в какое сравнение с разницей в почтовых ставках»⁴¹. Следующая цитата дает замечательный пример его образа мысли:

35. Ibid., 18 April 1873.

36. Ibid., 28 August 1873.

37. Ibid., 3 October 1873.

38. Ibid., 27 October 1873.

39. Ibid., 29 October 1873.

40. Ibid., 11 July 1873.

41. Ibid., 24 September 1873.

Я надеюсь, что вы не будете принуждены к значительно-му снижению поголовья овец в результате продаж. Настриг шерсти представляет настолько важный источник нашей прибыли, что мы должны не допустить, насколько это возможно, его снижения. Я начинаю думать, что выбраковка овец только на основе грубости шерсти представляет ошибку. За последние два года я заметил, что грубая шерсть оплачивается лучше, чем тонкая. Шерсть сорта С приносит почти столько же, и часто также много, сколько и сорта А (в основном за счет большей длины), а разница в весе настрига... гораздо выше у сорта С. Туша также, конечно, крупнее, а значит, стоит больше. Конечно, не нужно продавать баранов и расплывать племенное стадо, но я почти уверен, что из поголовья в целом овцы с длинной грубой шерстью будут оплачиваться лучше... и, конечно, наша основная цель в овцеводстве заключается в том, чтобы поддерживать такое поголовье, которое *оплачивается лучше*⁴².

Дядя Чарльз был хорошим бизнесменом, но он мог бы стать и хорошим ученым-экономистом. В мае 1874 года он сообщает, что *Hogarth Meat Preserving Company*, в которой он имел долю, потеряла деньги и в Австралию были отправлены инструкции прекратить работу. «По настоящим ценам запасов и консервированного [*sic*] мяса в Англии невозможно осуществлять заготовки мяса без потерь». Он убежден в том, что другие компании, заготавливающие мясо в Австралии, также прекратят работать. Из этого он делает вывод: «В результате цены на мясо в Англии не вырастут, поскольку Южная Америка наполнит рынок, но запасы должны сократиться [в Австралии]» Он добавляет, что говорит это Слайду для того, «чтобы вы действовали осторожно при покупке»⁴³.

Альфред Маршалл, обсуждая предложение производимых совместно товаров, говорит в «Принципах экономической науки» следующее:

...цена на баранину в районах Австралии, производящих шерсть, была одно время очень низка. Шерсть экспортировали, а баранину приходилось потреблять у себя в стране, но поскольку большого спроса на нее не было, то цена на шерсть должна была возмещать почти целиком все со-

42. Ibid., 15 April 1874 (подчеркивание в оригинале).

43. Ibid., 13 May 1874.

вмещенные издержки на производство и шерсти, и баранины. В дальнейшем низкая цена на баранину дала большой толчок производствам, консервирующим мясо для экспорта, и тогда цена на него в Австралии повысилась⁴⁴.

Мне кажется, что дядя Чарльз понимал эту проблему также хорошо, а возможно, и лучше.

Представляется очевидным, что дядя Чарльз составил свое состояние за продолжительный период времени за счет тяжелого труда, интеллекта, настойчивости и внимания к деталям. Кроме животноводства (которое давало ему основную часть дохода) у него были и другие деловые интересы в Австралии, например уже упомянутая компания по консервированию мяса. Также он вел дела с земельной собственностью, сдавал в аренду недвижимость в соседнем городе Уорик и инвестировал в австралийские горнорудные компании. Инвестиции в эти компании, кажется, были для него малоприбыльными, и он замечает: «Эта моя спекуляция подтвердила истинность „золотой максимы“, которой я всегда придерживался, — „никогда не инвестировать в то, что ты не понимаешь и никак не можешь контролировать“»⁴⁵.

Клод Гуильбод отмечал сверхъестественную способность Альфреда Маршалла определять ошибки в любом утверждении об экономических фактах. Почему же тогда он принял на веру, а затем сам стал повторять историю, которая столь невероятна на первый взгляд и, как мы теперь знаем, совершенно не соответствует поведению дяди Чарльза? Я думаю, что теперь знаю ответ. Даже до открытия золота в Дарлинг-Даунс ощущалась острая нехватка рабочей силы, и владельцы овцеводческих ферм ходатайствовали о возобновлении ссылки туда осужденных на каторгу, которая была остановлена в 1840 году⁴⁶. Ссылка действительно была возобновлена в 1849 году, и в 1850 году владельцы овцеводческих ферм в Дарлинг-Даунс были обеспечены трудом заключенных. Дядя Чарльз не колебался. В 1850 году у него было зарегистрировано семеро ссыльных, в 1851 году еще один и в 1852 году еще трое, включая

44. Marshall, *Principles of Economics*, 9th ed., 1, p. 389. Рус. пер.: Маршалл А. Принципы экономической науки, т. II, с. 77.

45. Marshall to Slade, 15 April 1874.

46. *Moreton Bay Courier*, 25 January 1851; *Sydney Morning Herald*, 3 February 1851.

одного, принятого Робертом Кэмпбелом в 1850 году. Кроме того, в 1851 году ему были переданы четыре паспорта для найма четверых «условно-досрочно освобожденных» и еще для двоих в 1852 году. Возможно, он также мог использовать тех «условно-досрочно освобожденных», которые ранее были приписаны к Роберту Кэмпбелу⁴⁷. «Свидетельство об условно-досрочном освобождении» (ticket-of-leave) представляло собой выдаваемый осужденному документ, который позволял ему работать по найму в частном секторе, готовясь тем самым к экономической самостоятельности после истечения срока наказания. Обычно осужденные не хотели рисковать этим статусом, например покидая свой округ без разрешения полиции.

В результате после открытия золота в 1851 году, когда отток местных рабочих должен был быть самым интенсивным, значительную часть рабочей силы, нанятой дядей Чарльзом в Гленгаллане, составляли заключенные. Это, по моему убеждению, и должен был скрыть рассказ о «хромых, слепых и увечных». На самом деле дядя Чарльз нанимал не хромых, а «связанных». Отсюда легко понять, почему работники дяди Чарльза не уезжали на золотые прииски. Знал ли Альфред Маршалл, что его рассказ был ложью? В этом нельзя быть уверенным, но я считал бы это весьма вероятным. Семья не хотела бы, чтобы стало известно то, что дядя Чарльз сделал свое состояние, плодами которого пользовался Альфред (и другие члены семьи), частично с помощью использования труда заключенных.

Самое забавное в этом сокрытии правды при помощи фальсификаций заключается, в случае семьи Альфреда Маршалла, в том, что правда не кажется мне позорной. Двое из его дядей были успешными бизнесменами — один из них очень успешным, а третий сделал безупречную карьеру на флоте. Четвертый дядя умер слишком рано для того, чтобы оценить его достижения, но у нас нет никаких причин сомневаться в том, что и в этом случае они могли бы быть в высшей степени заслуживающими уважения. Альфред Маршалл мог бы гордиться историей этих сирот — своих дядей, даже если среди них не было представителей духовенства. Я должен добавить что-нибудь о братьях

47. Commissioner for Crown Lands, Darling Downs Record Book, 1845–1852, Register of Exiles and Register of Ticket-of-Leave Holders.

и сестрах Альфреда Маршалла. Его старший брат, Чарльз Уильям Маршалл, стал управляющим *Bengal Silk Company* в Индии. Его сестра, Агнес, переехала жить вместе со старшим братом Альфреда в Индию⁴⁸. Его младший брат Вальтер умер, когда был студентом в Кембридже. Его сестра Мабель влюбилась в юного армейского офицера, но тиран-отец не позволил ей выйти за него замуж. В конечном итоге она вышла замуж за преподобного Е. Гуильбода. Наше чувство негодования этим своевольным поступком отца Альфреда Маршалла может быть несколько смягчено мыслью, что в этом браке родился Клод Гуильбод, ставший редактором пересмотренного издания «Принципов экономической науки».

Необходимо отметить еще один аспект этой истории. Поскольку все дяди Альфреда Маршалла проводили большую часть своего времени за границей, он очень мало с ними общался, в особенности когда он был ребенком. За исключением летних каникул у тети Луизы, у него не было никакого другого способа облегчить гнетущий контроль своего отца. То, что ему удалось выжить при суровом режиме своего отца и сохранить огонь своего гения, должно было иметь причиной некую внутреннюю силу, какое-то присущее ему качество. Сейчас я обращусь к его возможному источнику.

Кейнс очень поверхностно описывает происхождение Альфреда Маршалла и сосредоточивается в основном на родственниках из церковной среды его прадеда, Джона Маршалла, и семействе Мэри Хоутри. Пренебрежение предками матери Альфреда Маршалла легко объяснить. Но отсутствие упоминания о его деде, Уильяме Маршалле, привело, к сожалению, к тому, что была обойдена вниманием его жена, бабушка Альфреда Маршалла. Ее звали Луиза Бенталл.

Материальные выгоды, которые получила семья Альфреда Маршалла от своих родственников Бенталлов, очевидны. Джон Бенталл, биржевой брокер, брат Луизы, стал опекуном ее детей после смерти их отца в Лите. Они переехали жить в Тотнес к другому ее брату, по-видимому Торнтону Бенталлу, банкиру. Отец Альфреда Маршалла работал клерком у Джона Бенталла до того, как перейти в Английский банк. Несомненно, Бенталлы помогали отцу и дядям Аль-

48. Этой информацией я обязан Рите Мак-Уильямс Талберг.

фреда и другими, неизвестными нам способами. Но Альфред Маршалл мог получить от своего родства с Бенталлами и другие, гораздо более важные выгоды. Кажется вероятным, что он унаследовал от Луизы Бенталл те черты характера и умственные способности, которые позволили ему сопротивляться отцу и сыграть в дальнейшем важную роль в создании современной экономической теории.

На протяжении столетий Бенталлы выделялись своими деловыми способностями. Членом их семьи был Роберт Бернел, лорд-канцлер при Эдварде I, в XIII веке. Он был «человеком, добившимся успеха своими собственными силами, который... приобрел обширные земельные владения путем покупки, обмена, операций с займами и другими способами в ходе своей процветающей карьеры»⁴⁹. Это напоминает биографию дяди Чарльза. Одной из его покупок было поместье в Бентхалле, Шропшир. Очевидно, семейство (или часть его) приняло родовое имя Бентхалл, которое с течением времени превратилось в Бенталл. Отец Луизы Бенталл (прадед Альфреда) был банкиром. В настоящее время универсум *Bentall* в Кингстоне, рядом с Лондоном, а также компания *Bentall and Co*, занимающаяся сельским машиностроением, основаны членами семьи⁵⁰. Более близким примером является сэр Пол Бентхалл, сделавший успешную карьеру в Индии и ставший позднее председателем *Amalgamated Metal Corporation*, а также директором *Chartered Bank*, *Royal Insurance Company* и других финансовых концернов в Англии. Этот член семьи в 1934 году купил старый семейный дом в Шропшире, Бентхалл-Холл, а в 1958 году передал его Национальному фонду (*National Trust for Places of Historic Interest or Natural Beauty*)⁵¹. Но наследие Луизы Бенталл этим не ограничивается. Ее дедом был Джон Бенталл, виноторговец из Колчестера в Эссексе, а его женой была Елизавета Торнтон.

Семья Елизаветы Торнтон была еще более заметна в коммерческих и общественных делах, чем Бенталлы. Они были

49. A. R. Wagner, *English Genealogy* (Oxford: Clarendon Press, 1960), p. 223–224.

50. C. Herbert, *A Merchant Adventurer: Being a Biography of Leonard Hugh Bentall*, Kingston-on-Thames (London: Waterflow, 1936); P. K. Kemp, *The Bentall Story, Commemorating 150 Years Service to Agriculture, 1805–1955* (privately printed. Maldon, 1955).

51. National Trust, *Bentall Hall, Shropshire* (Plaistow: Curwen Press for the National Trust, 1976).

торговцами, банкирами, членами парламента, а некоторые из них были среди самых заметных членов Клэпемской секты. Экономисты сразу поймут, что это означает наличие родственных отношений между Альфредом Маршаллом и Генри Торнтоном, автором «Бумажного кредита Великобритании», о котором Фридрих Хайек сказал, что «в области денег основное достижение классического периода» принадлежало ему⁵². Альфред Маршалл и Генри Торнтон оба были потомками Роберта Торнтона, бывшего приходским священником в Биркине, Йоркшир, в XVII веке. Роберт Торнтон был прапрапрадедом Альфреда Маршалла и прапрадедом Генри Торнтона. Столь же отдаленное родство с Альфредом Маршаллом было у Ральфа Хоутри. Кейнс, в первоначально опубликованной версии биографии, заметил об этом родстве с Ральфом Хоутри — «не так уж и много в подлинной теории денег было создано вне этого единого рода». Насколько же более весомым могло бы быть это утверждение, если бы Кейнс знал, что Альфред Маршалл также в родстве и с Генри Торнтоном. Здесь надо добавить, что при переиздании биографии в 1933 году в «Биографических эссе» этот комментарий был Кейнсом опущен, причиной, возможно, было то, что ни Альфред Маршалл, ни Ральф Хоутри не находятся в родстве с автором «Трактата о деньгах» (который был опубликован в 1930 году). Родственные связи Альфреда Маршалла и Генри Торнтон имели и другое последствие. Э. М. Форстер был правнуком Генри Торнтон, и, таким образом, Альфред Маршалл был с ним отдаленно связан, а через него — с «попечителями цивилизации», Блумсберийским кружком (Bloomsbury Group)⁵³. Если бы Кейнсу было известно об этом родстве, то, я в этом уверен, он бы добавил к биографии страницу или, возможно, две, хотя я и не могу представить, как бы он его интерпретировал. Но не подлежит сомнению, что Кейнсу была бы чрезвычайно интересна истинная информация о предках Маршалла. Он мог быть очарован «Великим родом Вильерсов», но, как он сообщает нам в предисловии к «Биографическим эссе», настоящую

52. H. Thornton, *An Enquiry into the Nature and Effects of the Paper Credit of Great Britain*, F.A. Hayek, ed. (London: G. Allen and Unwin, [1802] 1939), p. 36.

53. «Попечителями цивилизации» Блумсберийский кружок, согласно Р. Ф. Харроду, считал Дж. М. Кейнс (Harrod, *The Life of John Maynard Keynes* [New York: Harcourt and Brace; London: Macmillan, 1951], p. 194).

гордость у него вызвала «общность и историческая преемственность высшей интеллигенции Англии»⁵⁴.

Исключение предков Альфреда Маршалла со стороны Бенталлов и Торнтонов из его семейной истории очень трудно объяснить. Его отец, его тетя и его дяди были в большом долгу перед Бенталлами за то, что они заботились о них в детстве и помогли начать жизненный путь, а родственные связи с Торнтонами должны были быть им известны, так как одного из дядей Альфреда звали Торнтон. В отличие от тесных отношений с Бенталлами, ближайшие родственники Альфреда Маршалла, кажется, мало общались с Хоутри и с Маршаллами из церковной среды, за исключением тети Луизы в Девоне, которая имела с ними связь⁵⁵. Единственное объяснение такого пренебрежения Бенталлами и Торнтонами, которое я могу дать, заключается в том, что оно является результатом стирания из семейной памяти деда Альфреда Маршалла. Я ничего не знаю о начале его жизни, но предполагаю, что он начал свою карьеру с капиталом, полученном от отца и жены, и промотал его в необдуманных коммерческих предприятиях, в результате чего закончил как клерк в Лите. Об этих неудачах не говорили в семье Маршалла, а в результате были утрачены все сведения о его жене, его семье и выдающихся родственниках.

В результате всех этих ошибок и опущений в описании Кейнсом семьи Альфреда Маршалла возникла весьма искаженная картина обстоятельств, в которых Альфред Маршалл воспитывался. Например, Скидельски пишет в недавно опубликованной биографии Кейнса, что «Маршалл был еще одним продуктом имеющих обширные связи клерикальных семей, которые колонизировали английскую интеллектуальную жизнь»⁵⁶. Альфред Маршалл не был членом

54. J. M. Keynes, *Essays in Biography*, reprinted in *Collected Writings of John Maynard Keynes*, D. Moggridge, ed. (London: Macmillan for the Royal Economic Society, [1933] 1972), 10, p. xix. [Кейнс использует русское слово *Intelligentsia*. — Примеч. пер.]

55. F. M. Hawtrey, *The History of the Hawtrey Family*, in 2 vols. (London: G. Allen, 1903), 1, p. 107. Мною найден только один другой контакт ближайших родственников Альфреда с Хоутри — когда Торнтон Маршалл претендовал на должность в госпитале Гая, он представил рекомендацию преподобного доктора Хоутри из Итона.

56. R. Skidelsky, *John Maynard Keynes: Hopes Betrayed, 1883–1920* (New York: Viking Penguin, 1986; London: Macmillan, 1983), p. 40.

культурной, приличной клерикальной семьи с обширными связями, в которой занятие его отца было исключением, как, кажется, предполагает Скидельски. Обстоятельства домашней жизни Альфреда были таковы, что большинство людей стали бы в таких условиях непригодны к серьезной научной работе. Кейнс сообщает в биографии, что Ю. Ч. Дермер, соученик Альфреда, вспоминал, что Альфред Маршалл в школьные годы «был маленького роста, бледный, плохо одетый, выглядел переутомленным... в мальчишеских играх участвовал мало, увлекался решением шахматных задач, был очень сдержан в установлении дружеских связей». Я не сомневаюсь в точности этого описания. Альфред Маршалл в письме, ссылаясь на «крайне суровую дисциплину» своего отца⁵⁷, страшно представить, что означали эти слова в викторианской Англии. Несомненно, эта «крайне суровая дисциплина» его отца оставляла после себя шрамы. Тем не менее, еще будучи мальчиком, Альфред Маршалл отверг фиктивную стипендию и отвращение к науке своего отца, настоял на своем и решил поступить в Кембридж, чтобы изучать математику. Когда он оказался в Кембридже, названном им «великой матерью сильных мужчин», он должен был показаться ему раем. В биографии ничего не говорится о студенческих годах Альфреда, за исключением того, что после их окончания он собирался посвятить себя изучению молекулярной физики. Мне представляется, что идеи, воздействию которых он подвергся, прибыв в Кембридж, должны были сыграть очень важную роль в формировании его взглядов на то, как должна вестись научная работа. Если это так, детальное изучение его студенческой жизни могло бы помочь лучше понять многие из основ его учения. Но независимо от того, так это или нет, в рассказанной мною истории меня поражает способность Альфреда Маршалла преодолеть весьма неблагоприятную семейную среду и оставить ее позади, хотя и не полностью, поскольку некоторые черты его характера не вызывают восхищения, но с неповрежденной силой интеллекта и с такой преданностью науке, которая может послужить примером для всех нас и которая, в его случае, сделала возможным создание «Принципов экономической науки».

57. R. H. Coase, «Alfred Marshall's Mother and Father», *History of Political Economy* 16 (1984), p. 523–524. [См. главу 8 этой книги.]

ПРИЛОЖЕНИЕ:
ЗНАЛ ЛИ МАРШАЛЛ
МЕСТО СВОЕГО РОЖДЕНИЯ?

Определение места рождения Маршалла не представляет проблемы. Гражданская регистрация рождений началась в Англии в 1837 году, а Маршалл родился в 1842 году. Поэтому каждый может получить копию его свидетельства о рождении. В этом свидетельстве указано, что он родился по адресу: 66 Charlotte Row, Bermondsey. Однако Кейнс в своей биографии Маршалла говорит, что он родился в Клэпеме, это примерно тоже, что сказать, что он родился в Уэстчестере, тогда как на самом деле в Южном Бронксе.

Знал ли Маршалл, что он родился не в Клэпеме, а в Бермондси? Если человек родился в Южном Бронксе, при этом хочет, чтобы считалось, что он родился в Уэстчестере, но не желает при этом лгать, то он, как мне кажется, скажет, что родился в штате Нью-Йорк. Вот почему, когда я обнаружил, что при переписи 1871 года Маршалл назвал местом своего рождения Суррей, графство в котором находится как Клэпем, так и Бермондси, это склонило меня к мысли, что «Маршалл мог знать, что он родился не в Клэпеме, и хотел скрыть свое настоящее место рождения, но не хотел лгать» (см. восьмую главу).

Однако после того, как восьмая глава была впервые опубликована, я получил запись Альфреда Маршалла при переписи 1881 года и обнаружил, что она содержит некую неожиданную информацию. Во время этой переписи Альфред Маршалл не назвал местом своего рождения ни Бермондси, ни Клэпем, ни даже Суррей. В качестве места его рождения назван Сиденхам (Кент). Родители Маршалла переехали в Сиденхам в Кенте из Бермондси и жили там до переезда в Клэпем. Трудно понять, почему это произошло. Более того, переписчик позднее зачеркнул Кент и заменил его на Девон, что означает некую неуверенность лица, предоставившего информацию, в том, где родился Маршалл. В 1881 году Маршалл был женат и занимал должность главы Университетского колледжа в Бристоле, а этим информатором была, вероятно, его жена, Мэри Маршалл, или шурин, живший с ними в это время. Кто бы это ни был, Маршалл

создал у нее (или у него) ложное представление о том, где он родился.

Перейдем теперь к переписи 1891 года. Тогда Альфред Маршалл жил в Кембридже, где был профессором политической экономии. В этой переписи местом рождения Маршалла назван Кройдон в Суррее. Кройдон расположен в десяти милях южнее Лондонского моста и в нескольких милях южнее Бермондси, Сиденхама и Клэпема. В этом месте, насколько я знаю, Альфред Маршалл никогда не жил. Во время переписи 1891 года вместе с Маршаллами не жил никто, кроме их служанки Сары. И поэтому я предполагаю, что информатором переписчика была Мэри Маршалл; эта догадка подкрепляется тем фактом, что ее занятие обозначено как «университетский преподаватель», что вряд ли бы сделал Альфред. Как Мэри Маршалл пришла к убеждению, что Альфред родился в Кройдоне, нам неизвестно. Но очевидно, что Альфред утаивал от нее реальное место своего рождения.

Знал ли Маршалл, где он родился? Мое собственное мнение заключается в том, что знал, а изменение места рождения в переписи 1881 и 1891 годов объясняется неопределенностью информации, которую он о нем предоставил своей жене. Изучение записей переписи 1901, 1911 и 1921 годов еще впереди, и можно ожидать, что они прольют больше света на этот вопрос (или, возможно, еще больше его запутают).

Глава 10

Назначение Пигу преемником Маршалла¹

В СВОЕЙ чрезвычайно интересной статье, посвященной участию британских экономистов в политических дебатах о реформе таможенных тарифов в 1903 году, А. В. Коутс утверждает, «есть основание полагать, что события 1903 года могли напрямую повлиять на выбор А. С. Пигу в качестве преемника Альфреда Маршалла в Кембридже, а это решение обеспечило преобладание экономической теории в ведущем центре британской экономической науки»². Ниже в своей статье он придает этому предположению форму гипотетического вопроса: «Не будет ли преувеличением предположить, что, если бы не дебаты о тарифах в 1903 году, в 1908 году был бы сделан другой выбор?»³ Похоже, что Г. С. Фоксвелл, который был кандидатом на кафедру Маршалла, полагал, что обстоятельства могли сложиться иначе⁴. Мое убеждение, однако, заключается в том,

1. Перепечатано из *Journal of Law and Economics* 15 (October 1972), p. 473–485.
© 1972 by the University of Chicago.

Мне бы хотелось выразить признательность и поблагодарить за помощь, предоставленную мне при проведении исследования, результаты которого отражены в этой статье, мистера Пьеро Сраффу (Piero Sraffa) и персонал Библиотеки Маршалла в Кембридже, мистера Джеймса Клэйдона (James Claydon) из Университетской библиотеки Кембриджа и мистера К. Карпентера (K. Carpenter) из Библиотеки экономической и деловой литературы Кресса в Гарвардской школе бизнеса. Я благодарен мистеру Полу Старджесу (Paul Sturges) из Лондонского института исторических исследований за то, что он привлек мое внимание к дневникам Дж. Н. Кейнса, ныне хранящимся в Университетской библиотеке Кембриджа. Я в долгу перед профессором Джорджем Дж. Стиглером и профессором Аароном Директором за их комментарии и критику черновика этой статьи.

2. A. W. Coats, "Political Economy and the Tariff Reform Campaign of 1903", *Journal of Law and Economics* 11 (1968), p. 181, 225.

3. Ibid., p. 228.

4. Такое мнение, которое, несомненно, принадлежало ее отцу, выражает Одри Фоксвелл, см.: Audrey Foxwell, *Herbert Somerton Foxwell: A Por-*

что в событиях, приведших к избранию Пигу вместо Фоксвелла в 1908 году, были относительно неважны их роли, сыгранные в полемике о тарифах. Я убежден в том, что решение о назначении Пигу не изменилось бы даже в том случае, если бы дебаты о реформе тарифов 1903 года вообще никогда не состоялись. Данная статья призвана объяснить, почему я придерживаюсь этого мнения.

Альфред Маршалл не мог голосовать в тех выборах на должность профессора политической экономии, но очевидно, что его мнение о том, кто должен был быть назначен его преемником, имело большой вес. На самом деле, Маршалл, несомненно, делал все, что в его силах, для того, чтобы обеспечить избрание Пигу. Я бы не стал утверждать, что участники этих выборов, предоставленные самим себе, не проголосовали бы за Пигу, — они вполне могли сделать это, — но активная поддержка Маршаллом Пигу значительно ему поспособствовала.

Маршалл, конечно, был серьезно обеспокоен будущим экономической теории, в частности кембриджской экономической теории, и, принимая во внимание его темперамент, трудно себе представить, что он не предпринял бы максимум усилий для обеспечения избрания такого кандидата, который, по его мнению, сделает больше для кембриджской экономической теории. Если мы рассмотрим отношения Маршалла с Пигу и Фоксвеллом, то мне кажется, что они не менялись и до 1903 года, и в последующие годы, а полемика о тарифах не оказала на них никакого влияния. Предпочтение Маршаллом Пигу было ясно определено еще до 1903 года. Если события этого года и оказали какое-либо влияние на Маршалла, то только укрепив уже сформировавшееся мнение.

Конечно, Фоксвелл был старым коллегой Маршалла в Кембридже (он даже был одним из участников выборов при назначении Маршалла на кафедру политической экономии в 1884 году). Пигу появился только в 1899 году. 11 декабря 1899 года Джон Невилл Кейнс записал в своем дневнике, что он и его жена (Флоренс) «ужиная с Маршаллами, встретились с Картером из Оксфорда, Райлсом и Пигу из Королевского колледжа». В то время Пигу был студентом, и впол-

не вероятно, что одной из задач Маршалла при организации этой встречи было привлечение внимания Дж. Н. Кейнса к Пигу. Этого Маршалл, несомненно, добился, но в других аспектах встреча была менее удачной. Дж. Н. Кейнс добавляет в своем дневнике (очень типичное замечание для его отношений с Маршаллом): «Маршалл самый несносный собеседник из всех, кого я знаю. Он не соглашается ни с чем, что вы говорите или утверждаете, и столь безапелляционен, что это приводит в ярость. Он сторонник буров и постоянно делал намеки, безуспешно пытаясь втянуть нас в спор по этому вопросу. Флоренс сказала, что она не согласна совершенно ни с чем, что он сказал за этот вечер».

Маршалл уже некоторое время чувствовал потребность в молодом преподавателе для чтения вводного курса по экономической теории. В письме Дж. Н. Кейнсу, написанном в начале 1899 года, после рассмотрения других проблем он говорит: «Помимо этого, самым насущным запросом на рассмотрение Совета, который может стать самым насущным из всех, является, по моему мнению, нужда в молодом преподавателе экономической теории, у которого есть время и силы на выполнение утомительной работы по обучению посредственных студентов. Я не могу этого делать, не пренебрегая другой, более важной работой; и это не делается. Если такой человек будет найден, я перестану читать общий курс и подготовлю более специализированные, углубленные курсы»⁵. Через три месяца после того злополучного ужина он обозначил свои намерения в отношении Пигу. В письме Дж. Н. Кейнсу он говорит:

Когда Совет по нравственным наукам обсуждал свои нужды на прошлом собрании, у меня сложилось чувство, что предложение о повышении профессорских дотаций по новому статуту колледжа Св. Джона до 200 фунтов стерлингов провалилось. Поэтому я стал требовать у Совета признать необходимость в другом преподавателе, кроме Фоксвелла. Но, к моему удивлению, я услышал вчера от казначея, что он перевел на мой счет 200 фунтов. Так что я сразу вернулся к моему старому образу действий, на свой собственный счет, который ранее я отложил⁶.

5. Letter from Alfred Marshall to J. N. Keynes, 2 February 1899. Папка в Библиотеке Маршалла, Кембридж: Keynes 1 (letter no. 115). Здесь и далее письма из Библиотеки Маршалла цитируются по названию папки и номеру письма.

6. Letter from Alfred Marshall to J. N. Keynes, 4 March 1900, Keynes 1 (116).

Здесь Маршалл имеет в виду, что вместо того, чтобы просить университет оплатить другого преподавателя, он сам будет выплачивать заработную плату преподавателю (что и в действительности Маршалл делал для ряда преподавателей на протяжении нескольких лет). Преподавателем, которого он имел в виду, был Пигу:

Теперь я склонен думать, что идеальный человек находится под рукой, — это Пигу. Но он вряд ли созреет для чтения лекций в 1900/01 учебном году: и я ему еще ничего об этом не сказал. У меня есть мысль попросить Боули прочитать курс примерно на десять лекций о статистике и статистическом методе, с особым упоминанием его собственного предмета — заработных плат в Великобритании. Его работа в этой области, кажется, растет в качественном и количественном отношении. Но поскольку наличность в моем кармане исчезает быстрее, чем за 24 часа, я не готов «не бросать слова на ветер».

Письмо заканчивается еще одним упоминанием Пигу: «Я имел в виду Пигу на последнем совете, но тогда я еще не смотрел его работы. С тех пор я просмотрел их большое количество, и я думаю, что он подходит как нельзя лучше».

Фоксвелл не одобрял намерение Маршалла попросить Пигу прочитать вводные лекции и, кажется, не слишком приветствовал чтение лекций Боули. В любом случае было трудно прийти к такому соглашению, которое устроило бы Фоксвелла. По-видимому, Дж. Н. Кейнс передал Маршаллу в своем письме возражение Фоксвелла по поводу предложенного Боули часа для чтения лекций, поскольку в это время сам Фоксвелл читал свои лекции. Маршалл ответил, попросив, чтобы его письмо было передано Фоксвеллу:

Выбор часов для лекций Боули был очень труден, он долго и часто обсуждался перед тем, как было принято окончательное решение. Двенадцать часов дня кажется лучшим решением для таких лекций, на которых, как и лекциях Боули, могут присутствовать те, кто не изучает экономику для подготовки к трайпосу⁷. В целом это время лучше всего подходит для студентов-историков, которые, по всей вероятности, сформируют самую большую группу присутствующих,

7. Трайпос (англ. *Tripes*) — традиционное название выпускных экзаменов в Кембриджском университете. — *Примеч. пер.*

и, если моя ненадежная память не сыграла со мной еще одну шутку, Фоксвелл согласился с тем, что лучше, если Боули будет совпадать с его двенадцатичасовыми лекциями, чем с одиннадцатичасовыми... Так что, хотя я и очень сожалею об этом совпадении, я не вижу, что можно изменить, не ухудшив ситуацию. Принимая все это во внимание, я не вижу причин думать, что решение, принятое с таким трудом, может быть когда-либо исправлено; а изменение сейчас будет злом само по себе⁸.

Письмо Маршалла (а также еще одно от Боули) было послано Фоксвеллу. Он ответил Дж. Н. Кейнсу: «Большое спасибо за беспокойство. Я не слишком надеялся на успех; Маршалл всегда принимает решения наилучшим образом и на основе бесконечных расчетов!» Но дальше в письме он обнаруживает опасение, что лекции Боули оттянут студентов с его собственного курса, а также ссылается на новый курс Пигу:

Совершенно верно, что я предпочел бы, чтобы Боули читал лекции в 12, а не в 11 часов в эти дни. Но это не тот случай, когда я получаю только начинающих на мои общие лекции; я бы предпочел самых способных новичков, но я почти уверен, что Маршаллу не хотелось бы, чтобы они пришли ко мне, так как у нас было множество разногласий по этим вопросам, которые привели к привлечению им Пигу для чтения вводного курса — человека, который, насколько мне известно, менее всего пригоден для такой аудитории, он такой педант!⁹

8. Letter from Alfred Marshall to J. N. Keynes, 6 October 1900, Keynes 1 (121).

9. Letter from H. S. Foxwell to I. N. Keynes, 6 October 1900, Keynes 1 (40). Неблагоприятное мнение Фоксвелла о Пигу так никогда, кажется, и не изменилось. В письме к В. Р. Скотту от 24 ноября 1926 г. (хранится в Библиотеке экономической и деловой литературы Кресса) Фоксвелл говорит, касаясь избрания Пигу в Британскую академию: «Что касается Пигу, то я обещал проголосовать за него, что во многом противоречит моим принципам, поскольку он последний из экономистов, которого я хотел бы видеть на любой позиции, где он мог бы влиять на изучение экономики. Он развалил его в Кембридже, где на него не прекращают жаловаться, вы, возможно, видели письмо Бенна в *Times*. Пусть его номинируют те, кто в него верит: мне и так достаточно плохо от необходимости голосовать против моих глубочайших убеждений.

«Письмо» (в действительности статья) сэра Эрнеста Бенна появилось в *Times* (Лондон) 17 ноября 1926 г. (с. 15–16), под заголовком «Преподавание экономики, примеры из Кембриджа, игнорируемые проблемы». Он жаловался на отсутствие интереса к факторам, определяющим производство, и утверждал, что преподавание сосредоточено на «рас-

Неудивительно, что когда потребовалось договориться о лекциях Пигу, то это вызвало еще больше сложностей, чем в случае Боули. Дж. Н. Кейнс записывает в своем дневнике 20 мая 1901 года: «Маршалл продвигает Пигу как преподавателя политической экономии, и его отношения с Фоксвеллом стали слишком напряженными. Я получаю очень пространные письма Маршалла по этому поводу. О характере этой переписки можно, я думаю, заключить по отрывку из письма, отправленного Маршаллом Дж. Н. Кейнсу через два дня после этой дневниковой записи:

Мое собственное мнение заключается в том, что совпадение лекций Пигу с лекциями Уарда наносит хотя и небольшой, но ущерб; тем не менее совсем нет никакого реального вреда в том, что они совпадают с курсом Фоксвелла. Но если я предложу это, то обо мне снова скажут, что я «его атакую». Со временем мое чувство обиды не ослабевает. Мне кажется, что это похоже на историю волка и овцы. Фоксвелл пятнадцать лет отказывался составлять бумаги, хотя и знал, что то, что он этого не делает, меня очень угнетает. Когда же я наконец устроил так, что могу (i) освободиться от неприятных обязанностей, (ii) предоставить лучшему разряду начинающих систематический общий курс, который смогут избежать те, кто предпочитает быстрое и действительно углубленное преподавание, и (iii) обеспечить условия для чтения действительно углубленных курсов, что раньше никогда не делалось, — то он немедленно вклинился перед Пигу и, предвосхищая дальнейшие события, стал дублировать часть курса, который, как ему известно, Совет по нравственным наукам утвердил и полностью одобрил еще год назад и к чтению которого готовился Пигу. Конечно, они

пределении, разделении, налогообложении и конфискации». Он писал, что университеты «вводят за нос социалисты». Это привело к гневному письму Пигу, отрицавшему политическую предвзятость (*Times* [Лондон], 19 ноября 1926 г., с. 15): «Когда человека назначают преподавать в Кембриджском университете, то его политические взгляды не подвергаются проверке... Его долг заключается в том, чтобы исследовать и преподавать истину... Когда в мнениях компетентных авторитетов существует различие, то он обязан сообщить об этом студентам и беспристрастно познакомить их с этими проблемами. Во всем этом заключается долг нашего Университета со времени его основания и дух науки. Поэтому неуместны обвинения постороннего человека в нарушении нашего порядка, с которым он не знаком, и нашего предмета, в котором он является любителем». Настолько, насколько это затрагивало коллег Пигу, обвинения признавались «ложными».

не будут дублировать друг друга. Пигу не может дублировать его, а он никогда не делал то, что, я надеюсь, Пигу наконец сделает. Пигу и я заботимся о студентах; и я полагаю, что могу сказать это искренне, о студентах только. Фоксвелл, кажется, не в состоянии понять цели такого рода и преследует свои собственные интересы¹⁰.

В свете этих событий 1900 и 1901 годов вряд ли можно датировать разрыв Маршалла с Фоксвеллом 1903 годом (датой полемики о тарифах). Дело в том, что концепция экономической теории Маршалла и его взгляды на преподавание экономики значительно отличались от представлений Фоксвелла, что он и объясняет в письме Фоксвеллу в 1906 году. Ранее Маршалл предлагал, чтобы Фоксвелл читал лекции по экономической истории, а Д. Х. Макгрегор забрал у него некоторые лекции по теории¹¹. На это, видимо, Фоксвелл ответил пространным письмом, в котором защищал свои методы и отверг предложенные лекции по экономической истории. Маршалл, ответил, в частности, следующее:

Я всегда знал вас как самого замечательного интерпретатора. Я слышал ваши выступления множество раз; и я считаю, что ваш метод, ваш стиль, ваша ясность изложения и ваша гениальность весьма привлекательны для ваших слушателей и очень эффективны с точки зрения тех принципов, которые вы отстаиваете. То же самое я слышал о вас и от других и раньше, и теперь... Конечно, наши идеалы в экономической науке различны. Я заметил, что когда вам очень нравится книга или памфлет, то вы называете ее «ученой» (scholarly), тогда как у меня никогда не вызывает энтузиазма то, что не представляется мне совершенно «научным» (scientific)... Я полагаю, что должно существовать значительное разнообразие темпераментов преподавателей, это очень важно для любого предмета, и в особенности для такого, прошлое и настоящее которого настолько бедно содержанием, а будущее настолько неопределенно, как в экономической теории... Мне кажется, что различия в наших характерах заставляет вас придавать больше внимания точности рассматриваемых фактов, а меня больше ломать голову над сложным анализом и аргументацией... Но мне кажется, что вы уделяете недостаточно внимания тому, что, по моему собственному частно-

10. Letter from Alfred Marshall to J. N. Keynes, 22 May 1901, Keynes 1 (124).

11. Letter from Alfred Marshall to H. S. Foxwell, 7 February 1906, Marshall 3 (48).

му мнению, одновременно является самой трудной, наименее привлекательной и самой важной обязанностью лектора. Это, насколько мне известно, *единственная* претензия, которую я когда-либо предъявлял к вашим лекциям. Я считаю ваши лекции самой важной частью нашей программы; и я воспринял бы как великое бедствие вашу замену на молодого человека... Я не хотел бы принуждать вас к чему-либо, что противоречит вашим склонностям. И я убежден в том, что мы можем в конечном итоге прийти к соглашению о некотором плане, который обеспечит чтение более полного введения в экономическую теорию для первокурсников и позволит вам делать только то, что вы хотите и в своей собственной манере, которую я вполне признаю замечательной в своем роде¹².

Маршалл не разделял антипатию Фоксвелла к теории¹³ или его энтузиазма по поводу исторического подхода в экономике. А специализация Фоксвелла, история экономической мысли, представлялась Маршаллу предметом второстепенного значения¹⁴. Пигу, с его аналитическим подходом к экономическим проблемам, его очевидными способностями и высоким потенциалом, рано или поздно должен

12. Letter from Alfred Marshall to H. S. Foxwell, 12 February 1906, Marshall 3 (49).

13. Замечание Фоксвелла об Эллине Янге (который отвечал за организацию покупки Гарвардским университетом его второй основной книжной коллекции, находящейся сейчас в Библиотеке экономической и деловой литературы Кресса), сделанное после смерти Янга в письме к В. Р. Скотту, дает пример его точки зрения: «Я редко встречал кого-либо, с кем я был больше согласен. Он, возможно, придавал большее значение чистой теории, чем это кажется мне необходимым: но было ясно, что его интерес к ней неуклонно сокращается».

14. См. письмо Альфреда Маршалла Дж. Н. Кейнсу от 15 декабря 1908 г. [Keynes 1 (137)], в котором он отмечает, что Кейнс, возможно, придерживается «более высокого мнения о значении специализации Фоксвелла в Кембридже», чем он. Ранее в 1902 г. Маршалл выступал против обязательности подготовки работы по истории экономической теории для сдачи Трайпос по экономике: «Что касается значения работы по истории экономической теории, то теперь нет необходимости его обсуждать. В то время, когда она была введена, общая схема нашей науки еще только разрабатывалась. В Германии изучение истории экономической теории прекращено почти полностью даже теми студентами, которые готовятся к научной работе: это представляется мне противоположной крайностью. Но зная направления вашего ума, я уверен, что если бы вы прошли через то, через что я прошел за последние двадцать лет, то вы не захотели бы сделать ее обязательной». Letter to J. N. Keynes, 6 February 1902, Keynes 1 (126).

был привлечь внимание Маршалла. Принимая во внимание взгляды Маршалла и серьезность, с которой он их придерживался, трудно представить, что он смог бы предпочесть Фоксвелла Пигу в качестве своего преемника.

Выборы преемника Маршалла состоялись в 1908 году. Правом голоса обладали А. Дж. Балфур (который не принимал участие в заседаниях), лорд Куртни, Ф. И. Эджуорт, Дж. Н. Кейнс, Дж. С. Николсон, Р. Г. Инглис Палгрейв, В. Ч. Стентон и В. Р. Сорли. Некоторое представление о событиях, сопровождавших выборы, можно получить из дневниковых записей Дж. Н. Кейнса:

30 апреля 1908 года. Собеседование с Маршаллом по поводу выборов профессора политической экономии. Он весьма похвально отзывается о Пигу и явно очень обеспокоен его избранием. Он резко против того, чтобы был избран Фоксвелл. Как бы я хотел, чтобы у меня не было права голоса!

24 мая 1908 года (воскресенье). Выборы в следующую субботу ужасают меня.

27 мая 1908 года. Другое собеседование с Маршаллом о должности профессора политической экономии.

28 мая 1908 года. Палгрейв приехал и остановился у нас до субботы.

29 мая 1908 года. Сегодня приехал Николсон и останется до понедельника. Званный обед — Палгрейв, Николсон, доктор и миссис Таннер, мисс Джонс, доктор и миссис Бонд, Флоренс, Маргарет и я. Эджуорт (который остановился у Маршаллов) пришел в 9:30, чтобы обсудить завтрашние выборы. Мы решили, что он был послан Маршаллом. Николсона очень беспокоит то, что Маршалл, как он думает, несправедлив к Фоксвеллу.

30 мая 1908 года. V. C. [Вице-канцлер] 12–1.45 выборы на кафедру профессора политической экономии. Вице-канцлер, лорд Куртни, Палгрейв, Эджуорт, Николсон, Стентон, Сорли и я. Балфур не приехал. Кандидатами были Эшли, Кеннан, Фоксвелл. Был выбран Пигу. Я чрезвычайно сожалею о Фоксвелле. Все это меня очень взволновало. Мы обедали с Маршаллами. Николсон сказал мне, что Маршалл не говорил с ним весь вечер.

31 мая 1908 года. Палгрейв уехал вчера. Николсон останется до завтра. Мы были рады принять их обоих, а Маргарет восхищена Палгрейвом. Мне кажется, Палгрейв получил удовольствие от своего визита и даже наслаждался выборами, что ко мне совсем не относится... Николсон отправился повидать Фоксвелла. Он очень зол на маневры Маршалла, и я отнюдь не полагаю, что Маршалл правильно вышел из всей этой ситуации.

1 июня 1908 года. Фоксвелл выразил намерение прекратить чтение лекций в Кембридже. По просьбе Диккинсона и Пигу я пошел повидать его, чтобы попытаться убедить его пересмотреть свое решение. Но я, конечно, знал, что он этого не сделает. Это была одна из самых мучительных бесед, которые у меня когда-либо были. Он был настолько уверен в том, что будет избран, что даже начал писать свою вступительную лекцию. Он был достаточно сердечен со мной лично, но очень взволнован, и некоторое время я думал, что он не выдержит. Я чувствовал и до сих пор чувствую себя крайне огорченным по его поводу. Он очень жесток против Маршалла, и я этому не удивляюсь.

2 июня 1908 года. Фоксвелл сказал мне вчера, что Маршалл написал ему очень льстивое письмо. Фоксвелл, кажется, написал ему достаточно откровенный ответ.

14 июня 1908 года. Я немного устал. Возможно, я еще не восстановился после выборов на кафедру профессора политической экономии и всех событий, которые их сопровождали. Весь семестр как будто бы омрачен тенью черной тучи.

«Льстивое» письмо Маршалла было сохранено Фоксвеллом:

Мой дорогой Фоксвелл,

По моему мнению, пройдет не так много времени и Пигу, скорее всего, будет признан человеком необычайного гения: и я надеюсь, что он будет избран на профессорскую кафедру. Но только что я написал письмо Магистру Питерхауса, в котором я выразил свою признательность Совету по экономике в целом и ему в частности за их благожелательное отношение ко мне и за их последнюю весьма хвалебную резолюцию. Я должен добавить слово особой признательности вам, старейшему из моих коллег. Различие наших мнений значительно, а характеров, возможно, еще больше; в результате те вещи, о которых я очень заботился, казались вам неважными. Но если отбросить эти различия, в остальном

вы сердечно, искренне и великодушно поддерживали и содействовали моим убогим начинаниям; иногда ваше доброе товарищество даже заставляло вас пойти, возможно, несколько дальше в направлении, в котором я работал, чем это подсказывали ваши собственные беспристрастные суждения. За все это я всегда должен чувствовать себя вашим должником; наше сотрудничество навсегда оставит у меня приятные и признательные воспоминания.

Я уверен, что весь Университет питает чувство глубокого уважения за вашу беззаветную и очень плохо вознагражденную службу ему. Я еще не слишком много знаю: выборное заседание вчера между 12 и 14 часами проходило в абсолютной тайне; но я не слышал, чтобы хотя бы одному человеку, даже среди самых восторженных приверженцев претензий Пигу, не причиняла бы глубокое страдание сама мысль, что невозможно увенчать высокой наградой ваш долгий и честный труд.

Пожалуйста, не отвечайте на это письмо прямо сейчас: вы слишком опечалены. Но я хочу, чтобы вы знали, что хотя я и думаю, что выборщики, действуя в качестве попечителей, исполнили свой долг, я разделяю со всеми теми из них, с кем я говорил, глубокую скорбь о вас и теплую вам признательность.

Симпатизирующий вам,
Альфред Маршалл¹⁵.

После выборов Генри Хиггс, ученик и друг Фоксвелла, в то время занимавший пост в казначействе, внес предложение о необходимости увеличения финансирования, чтобы предоставить профессорскую кафедру Фоксвеллу. Об отношении Маршалла к этому предложению можно судить по следующему письму, которое он отправил Дж. Н. Кейнсу:

Дорогой Кейнс,

Переписка с Хиггсом была гораздо больше. Ее основными составляющими с моей стороны являются:

1) письмо от 9-го числа, обобщающее ту часть моих предыдущих писем, которая совершенно свободна от каких-либо личных отсылок и с упоминанием, что он может показать его кому угодно;

2) письмо в продолжение первого, написанное два дня спустя после того, как, обдумав это, я решил посоветовать ему вступить в прямой контакт с вами, на тех основаниях,

15. Letter from Alfred Marshall to H. S. Foxwell, 31 May 1908, Marshall 3 (56).

что «Кейнс, возможно, придерживается более высокого мнения о значении специализации Фоксвелла в Кембридже, чем я; он не связывал себя, как это делал я на протяжении последних сорока лет, мнением, что должно существовать правило, обязывающее профессоров уходить в отставку в возрасте шестидесяти лет: отчасти по той причине, что он не расценивает так высоко, как я, то зло, которое может последовать вследствие возникновения прецедента основания временной профессуры, принимая во внимание, что Фоксвелл должен быть избран на нее». К этому я добавил другие причины, связанные с вашими личными качествами и вашими формальными и неформальными отношениями с Советом;

3) несколько писем с отметкой «Личное», в которых я объяснил — в ответ на его постоянное стремление подчеркивать значение опыта и суждений Фоксвелла, — что, по моему мнению, особенностью кембриджского преподавания является развитие дарований, а суждения должны формироваться позднее и что преподаватель, который навязывает молодежи свои собственные суждения, действует вопреки лучшим кембриджским традициям.

[К этому я не добавил, что, поскольку всегда самонадеянные суждения Фоксвелла имеют свойство меняться каждые шесть месяцев, его суждения приводят меня в смятение. В частности, в области финансов, в одном из предложенных ему предметов, я считаю его суждения необыкновенно вредными. Кажется, он никогда не видит больше, чем одну сторону любого сложного вопроса.]

В своем последнем письме, но единственном из всех, где он почти спрашивает моего мнения, Хиггс пишет об опасности существования «двух королей в Брентфорде». На это я ответил, что — хотя я и не назвал Пигу — я уверен, в этом отношении с одной из сторон проблем не будет, но что недавние события заставили меня немного опасаться другой стороны. И я настолько поднял завесу, покрывающую те события, чтобы сказать: «Фоксвелл написал мне в июне, осуждая выборщиков, которые пренебрегли требованиями дружбы. Я содрогнулся. Я не ответил, но это было предвестником беды». При тех убеждениях, которых вы придерживаетесь, по моему мнению, вы были бы правы, приняв план Хиггса, при том условии, что его исполнение не будет противоречить ожидаемому воззванию Кембриджской ассоциации от имени Экономической школы. Но самое большее, на что я могу согласиться, это быть «благожелательно» нейтральным. Если же необходимость создания второй профессорской кафедры будет признана и встанет вопрос о том, кому она достанется — Клепэму или Фоксвеллу, то я должен буду высказаться за Кле-

пэма. Я знаю, что вы с ним мало знакомы и не разделяете моего пылкого восхищения им. Но до вас должны были дойти разговоры о его успехе в качестве лектора. Я же очень хорошо его знаю и всегда в первую очередь обращусь к нему за советом по любому самому сложному вопросу. Полагаю, что созданные им труды относятся к высшему разряду, полны индивидуальности и силы. Даже если бы Фоксвелл все еще был в расцвете своих сил, я сомневался бы поставить его на один интеллектуальный уровень с Клэпемом.

Теперь я оставляю вопрос в ваших руках. В память о «старом добром времени» моя академическая совесть будет настолько гибкой, насколько это возможно. Но она не слишком эластична. Может быть, это и к лучшему, что вы должны были узнать на ранней стадии, насколько далеко может пойти моя благожелательная нейтральность к предложению Хиггса. Мне очевидно, что я не могу его *активно* поддерживать в его настоящей форме.

Искренне ваш,

Альфред Маршалл¹⁶.

По причине ли отсутствия активной поддержки со стороны Маршалла, или же по каким-то другим соображениям кафедры для Фоксвелла так и не была учреждена.

До сих пор я сосредоточивался на взглядах и действиях Маршалла. Но, как я уже отмечал, кажется вероятным, что Пигу был бы выбран и в том случае, если бы Маршалл не предпринимал никаких «маневров». Если рассматривать

16. Letter from Alfred Marshall to J. N. Keynes, 13 December 1908, Keynes 1 (137). Мне неизвестно, что Фоксвелл знал об этих попытках и о мнении Маршалла, в особенности о его предпочтении Клэпема. Позднее Фоксвелл пытался поспособствовать избранию Хиггса в Британскую академию, и был, как это показывают нижеследующие извлечения из писем к В. Р. Скотту (из Библиотеки экономической и деловой литературы Кресса), разочарован тем, что ему это не удалось, и в особенности тем, что Клэпема предпочли Хиггсу: «Меня удивило известие о равнодушии по отношению к Хиггсу. Это самый блестящий из всех ныне живущих экономистов, нет никого, перед кем *английская экономическая наука была бы в большом долгу*» (Foxwell to Scott, 18 November 1927); «[Хиггс] является настоящим прирожденным ученым с признаками гения. То, что он должен был быть предпочтен такой посредственной и в некоторых отношениях неприятной личности, как Клэпем, является для меня сильнейшим ударом с тех пор, как Маршалл устроил мой провал в Кембридже, и это трудно понять. Мне кажется, что заслуги тех, кто действительно посвящает себя общественному служению и делает реальную работу, подвергаются осмеянию, и они зарабатывают только известность, которая питает презрение.

выбор между Пигу и Фоксвеллом, то у современного комитета по назначениям не было бы никаких сомнений¹⁷. Работы Пигу за период до 1908 года включительно (исключая статьи в непрофессиональных журналах и рецензии на книги) состояли из следующих статей, опубликованных в *Economic Journal*: «A Parallel Between Economic and Political Theory» (1902); «A Point of Theory Connected with the Corn Tax» (1902); «Some Remarks on Utility» (1903); «Pure Theory and the Fiscal Controversy» (1904); «Monopoly and Consumer's Surplus» (1904); «Professor Dietzel on Dumping and Retaliation» (1905); «The Unity of Political and Economic Science» (1906); «The Incidence of Import Duties» (1907); «Social Improvement in the Light of Modern Biology» (1907); и «Equilibrium under Bilateral Monopoly» (1908). В добавление к этому за указанный период Пигу были опубликованы следующие книги: *Robert Browning as a Religious Teacher* (1901); *The Riddle of the Tariff* (1903); *Principles and Methods of Industrial Peace* (1905); *Protective and Preferential Import Duties* (1906); и *The Problem of Theism, and other essays* (1908). За тот же самый период опубликованные работы Фоксвелла состоят из введения (всего на одной странице) к публикации письма Мальтуса к Рикардо в *Economic Journal* (1907) и статьи «The Goldsmiths' Company's Library of Economic Literature» в *Palgrave's Dictionary of Political Economy* (1908).

Дж. Н. Кейнс не говорит нам, каким было голосование разных выборщиков. Он молчит даже о своих собственных предпочтениях, и, хотя кажется вероятным, что он поддерживал кандидатуру Фоксвелла, нет никакой уверенности в том, что он в конечном итоге не проголосовал за Пигу. Пигу был близким другом его сына, Мейнарда Кейнса¹⁸, он

17. Процедура отбора обсуждается мною с точки зрения выбора между Пигу и Фоксвеллом, что и соответствовало, по моему убеждению, реальной ситуации. Однако современный комитет по назначениям нашел бы, что сильной кандидатурой являлся также Эдвин Кеннан. Его публикации, среди прочего, включали: *Elementary Political Economy* (1888, плюс два издания в 1897 и 1903 гг.); *The History of the Theories of Production and Distribution in English Political Economy from 1776 to 1848* (1893, плюс второе издание в 1903 г.); *The History of Local Rates* (1896); его издание «Богатства народов» Адама Смита (1904), а также многочисленные статьи в *Economic Journal* и других местах. Но Кеннан не был кембриджским человеком, а его интересы в экономической теории и его подход (не говоря уже о его связи с Лондонской школой экономики) не были бы одобрены Маршаллом, и я не думаю, что он серьезно рассматривался в качестве преемника Маршалла.

18. Именно по предложению Пигу Маршалл написал Мейнард Кейнсу

посещал его дом, и, хотя мнение о Пигу выражается только в одной дневниковой записи (от 25 марта 1905 года), оно хвалебно: «Вчера и сегодня я составлял вопросы по политической экономии для трайпоса по экономике. Пигу прислал мне свои вопросы, и я нахожу их замечательными»¹⁹.

Если отношение Дж. С. Николсона не было просто основано на раздражении попытками Маршалла повлиять на выборщиков, то оно означает, что он поддерживал кандидатуру Фоксвелла²⁰. Но в отличие от Николсона Ф. И. Эджуорт, очевидно, поддерживал Пигу²¹. Мне кажется, что

3 апреля 1908 г. о том, что он может вернуться в Кембридж, чтобы читать лекции по экономике. И одним из первых действий Пигу после назначения профессором политической экономии было приглашение Мейнарда Кейнса для преподавания. Это предложение было принято, и Пигу платил ему жалованье 100 фунтов стерлингов. В своем письме Маршалл выражался осторожно, поскольку Пигу тогда еще был только кандидатом на профессорство. Маршалл пишет, что предложение о назначении Мейнарда Кейнса может быть внесено в Совет по экономике («вероятно» 3 июня), т. е. после выборов. Он чувствовал себя обязанным добавить, что «необходимо сделать некоторую оговорку в зависимости от результатов выборов на профессорскую кафедру», т. е. на тот случай, если вместо Пигу будет назначен Фоксвелл. Осторожность Маршалла заставила Дж. Н. Кейнса сказать в письме от 23 апреля 1908 г.: «Не слишком ли расплывчато в некоторых аспектах письмо Маршалла? Я рад, что в настоящее время ты не связал себя никакими обязательствами». См.: *Collected Writings of John Maynard Keynes*, Elizabeth Johnson, ed. (1971), 15, p. 13–15.

19. Это резко контрастирует с упоминаниями Маршалла, которые одинаково неблагоприятны. Так, за месяц до упоминания Пигу мы находим запись (от 1 февраля 1905 г.), в которой комментируется собрание Совета по экономике и говорится: «У меня действительно нет времени присутствовать на Совете, членом которого является Маршалл». Этот антагонизм с Маршаллом необходимо учитывать при интерпретации отзывов Дж. Н. Кейнса о процессе выборов и об участии в нем Маршалла. Но было бы ошибкой полагать, что этот антагонизм распространялся на Пигу. Тем не менее я склонен считать, что отзыв Фоксвелла о голосовании, который дается в воспроизведенном Коутсом письме, соответствует действительности (см.: A. W. Coats, «The Appointment of Pigou as Marshall's Successor: Comment», *Journal of Law and Economics* 15 [1972], p. 493) и Дж. Н. Кейнс на самом деле поддерживал Фоксвелла.
20. На отношение Николсона к кандидатуре Фоксвелла могло повлиять его противодействие «Манифесту профессоров», если он играл важную роль при принятии решения, так как сам Николсон этот манифест подписал. Обсуждение «Манифеста профессоров» см. в: A. W. Coats, «The Role of Authority in the Development of British Economics», *Journal of Law and Economics* 7 (October 1964), p. 99–103.
21. Эджуорт был высокого мнения о Пигу как об экономисте. В своем обзоре книги Пигу «Тайна тарифа» он писал: «Умение, с которым он обра-

никто из членов отборочного комитета не смог бы пренебречь тем фактом, что профессора политической экономики, как в Оксфорде, так и в Кембридже, были согласны с тем, что Пигу должен быть назначен. Даже если бы Маршалл и не предпринял шагов для прояснения своего мнения, кажется невероятным, чтобы участники голосования не пожелали бы узнать, в чем оно состоит.

Дочь Фоксвелла в высказывании, на которое ссылается Коутс, говорит только то, что Фоксвелл «отчасти поэтому в результате [дебатов о тарифах] не был выбран преемником Маршалла»²². На самом деле у Маршалла было множество причин предпочесть Пигу Фоксвеллу и то, каковы были их позиции в дебатах о тарифах, должно было играть наименее важную роль. К. В. Гуильбод в своем некрологе Фоксвелла высказывает, по моему мнению, верную оценку ситуации: «Биметаллист и протекционист, антирикардиец, с большим недоверием относящийся к абстрактному экономическому анализу в классическом стиле, Фоксвелл противостоял многому из того, что составляло сущность позиции Маршалла. Поэтому вполне понятны причины, по которым Маршалл, покинув кембриджскую кафедру политической экономики, должен был предпочесть кандидатуру своего собственного ученика, А. С. Пигу»²³.

щается с инструментарием экономической теории, подает самые большие надежды. Один из рецензентов ранних работ Клерка Максвелла заметил, что «этот человек не может встать на ложный путь в физике». Если «физику» заменить на то, что Джесонс называл «механикой» промышленности и торговли, то эта цитата может без преувеличения быть применена к автору упомянутого нами анализа» (*Economic Journal* 14 [1904], p. 65, 67). См. также обсуждение Эджуортом некоторых положений Пигу в: F. Y. Edgeworth, «Appreciations of Mathematical Theories», *Economic Journal* 17 (1907), p. 221–226, перепечатано в: F. Y. Edgeworth, *Papers Relating to Political Economy* (1925), 2, p. 321–326. Остин Робинсон так описывал метод Пигу в своей книге «Принципы и методы промышленного порядка», опубликованной в 1905 г.: «В экономической теории он применяет метод философа, уточняет проблемы, вскрывает их и анализирует, пытаясь выяснить, как различные предположения о материале могут изменить выводы — аналитический метод применяется с большой точностью для преимущественно качественной аргументации» (цит. по статье об Артуре Сесиле Пигу из *International Encyclopedia of the Social Sciences* (1968), 12, p. 1). Легко понять, что умелое применение подобного подхода должно было заслужить высокую оценку Эджуорта.

22. Audrey Foxwell, *Herbert Somerton Foxwell*, p. 9.

23. *The Eagle* (St. John's College, Cambridge, 1935), 49 (218), p. 275.

Исследование того, почему Пигу, а не Фоксвелл, был избран преемником Маршалла, привлекает внимание к слабым сторонам Фоксвелла. Но следует принять во внимание, что если Фоксвелл и был антириккардианцем, то при этом он также был поборником Джевонса. Он обладал самым широким знанием экономической литературы. Благодаря его книжному собранию, которое составило основу Библиотеки Голдсмита в Лондоне и Библиотеки экономической и деловой литературы Кресса в Гарварде, все исследователи истории экономической мысли находятся у него в долгу. Фоксвелл не был незначительной фигурой. Время показало, что его сомнения в отношении Пигу имели некоторое основание. Мне кажется очевидным, что Пигу не оправдал высоких надежд, которые возлагал на него Маршалл²⁴. Во многих аспектах его влияние на развитие экономической теории было отрицательным. Кажется, он совсем не чувствовал, как работают экономические институты²⁵. Но это не означает, что предпочтение Пигу Фоксвеллу представляется мне ошибкой участников того голосования. Сложность, с которой они столкнулись при выборе преемника Маршалла, заключалась в том, что среди возможных кандидатур не было ни одной, сравнимой с Маршаллом.

Моя критика, направленная на то, что является второстепенным моментом в контексте статьи Коутса о политических дебатах о реформе таможенных тарифов, не затрагивает основную аргументацию Коутса и не умаляет значимость его результатов. Исследование Коутса показало, что вступление экономистов в полемику о тарифах не повысило качество этих дебатов, создало экономической науке сомнительную репутацию у публики, внесло рас-

24. Наличие у Маршалла сомнений в отношении характера работы Пигу показывают его комментарии о «Богатстве и благосостоянии». См. об этом: Krishna Bharadwaj. «Marshall on Pigou's Wealth and Welfare» *Economica* 39 (1972), p. 32.

25. Сравните с высказыванием Остина Робинсона о Пигу: «Как экономист, он никогда не мог быстро интуитивно оценить порядок величин и потенциальные опасности экономических сил, и он никогда не был таким человеком, к которому инстинктивно обращаются коллеги за советом из области разработки экономической политики» (Статья Робинсона о Пигу, *International Encyclopedia of the Social Sciences* 12, p. 4). Мою собственную критику Пигу см. в: R. H. Coase, «The Problem of Social Cost», *Journal of Law and Economics* 3 (1960), p. 28–42. (рус. пер.: Коуз Р. Проблема социальных издержек // Коуз Р. Фирма, рынок и право. — М.: Дело, 1993).

кол в научное сообщество и ослабило профессиональный *esprit de corps* (корпоративный дух) экономистов. Я согласен с ним в том, что «одним из основных уроков, который можно вынести из этого примера, заключается в том, что подобная квазиполитическая деятельность наносит урон экономической профессии». Также я вынужден согласиться, хотя мне этого и не хочется, с его предположением, что «немногие экономисты решат, что это слишком высокая цена за возможность оказывать влияние на формирование экономической политики», впрочем, для большинства экономистов «возможность», вероятно, следует заменить словом «иллюзия»²⁶.

26. Coats, «Tariff Reform Campaign», p. 229.

Глава 11

Маршалл о методе¹

КЕМБРИДЖСКИХ экономистов, работавших вместе в Кембриджском университете в период перед публикацией «Принципов экономической науки» Альфреда Маршалла, мы привыкли считать «маленькой группой братьев», а такие работы как «Предмет и метод политической экономии» Джона Невилла Кейнса — воплощением кембриджской точки зрения. Эта картина не соответствует действительности. Они не были «маленькой группой братьев». Они не разделяли общего мнения. Упоминания Маршалла в дневниках Джона Невилла Кейнса всегда неприязненны. Например: «Долгие рассуждения Маршалла очень утомительны»; «Маршалл сказал немало глупых вещей»; «У меня действительно нет времени присутствовать на Совете, членом которого является Маршалл»². Все это означает некоторое отсутствие симпатии по отношению к Маршаллу, и не только его манерам, но и его замыслам. И мы знаем из других источников, что этот вывод соответствует действительности.

В Библиотеке Маршалла в Кембридже хранится множество писем от Альфреда Маршалла Джону Невиллу Кейнсу, посвященных подготовке «Предмета и метода политической экономии» Кейнса. В этих письмах Маршалл выражает сомнения по поводу того, как Кейнс трактует

-
1. Перепечатано из: *Journal of Law and Economics* 18 (April 1975), p. 25–31. © 1975 by The University of Chicago. Эта статья является пересмотренной версией доклада, представленного на встрече *Midwest Economics Association* 6 апреля 1973 г. Я благодарен сотрудникам Библиотеки Маршалла в Кембридже и Кембриджской университетской библиотеки, которые, как всегда, делали все возможное, чтобы помочь мне в моих исследованиях.
 2. Дневники Джона Невилла Кейнса хранятся в Кембриджской университетской библиотеке. Цитаты приведены из записей от 8 октября 1900 г., 29 мая 1902 г. и 1 февраля 1905 г.

этот предмет. Поскольку мы не обладаем черновиками, которые комментировались Маршаллом, а также ответами Кейнса на его замечания, мы не можем определить различие в их взглядах настолько точно, как хотелось бы. Но очевидно, что это различие существовало, как показывает следующий комментарий Маршалла, сделанный после достаточно долгого обмена письмами: «Я нашел, что мы расходимся больше, чем я думал. Я выразил свое мнение свободно; боюсь, вы не будете убеждены»³. Но в этой переписке мы можем найти соответствующее тому времени изложение взглядов Маршалла, хотя они и не слишком отличаются от его взглядов в «Принципах», что неудивительно, поскольку обе книги — «Предмет и метод» и «Принципы экономической науки» — впервые вышли в 1890 году и должны были находиться в печати в одно и то же время. Однако при интерпретации Маршалла необходимо принимать во внимание, что при появлении даже намек на возможность разногласий и противоречий он становится несколько уклончивым, эту черту его характера я приписываю строгой дисциплине, которая осуществлялась его отцом в детские годы. В любом случае, независимо от причины, Маршалл часто выражает свое мнение так, чтобы свести к минимуму возможные разногласия.

В одном из ранних писем Маршалл так формулирует свою общую позицию:

Я принимаю крайнюю позицию в отношении *методов и предмета* экономической теории. В отношении *методов* в своей новой книге я просто заявляю, что экономика должна использовать те методы, которые известны науке. А в отношении *предмета* я говорю: «Экономическая наука занимается исследованием поведения человека в нормальных условиях жизнедеятельности, она изучает, как он получает свой доход и как он его использует».

Я расширяю понятие дохода настолько, чтобы включить понятие необмениваемых «благ»; обычно я никогда не обсуждаю линии раздела или разграничения и говорю только, что природа не устанавливает резких и строгих линий и что любое проводимое человеком разграничение служит лишь

3. Letter from Alfred Marshall to J. N. Keynes, Keynes 3 (70). Здесь и далее ссылки на письма из Библиотеки Маршалла даются по названию папки и номеру письма.

для удобства в той или иной ситуации, а такие линии никогда нельзя считать жесткими.

Поэтому я не могу судить о представлениях, которые порождены вашей более упорядоченной природой. Я просто отметил места, где мы различаемся. Но я не думаю, что это заставит вас обратить более пристальное внимание на мои слова. То, что говорит Николсон, вероятнее всего, будет вам гораздо полезнее⁴.

Здесь надо добавить, что Маршалл, кажется, не имел слишком высокого мнения о Дж. С. Николсоне.

Далее в переписке Маршалл развивает свои взгляды на соотношение индукции и дедукции, а также излагает свое понимание того, как экономическая теория должна подаваться студентам.

Мне кажется, что все контрасты у вас представлены слишком резко. Вы говорите об индуктивном и дедуктивном методах; тогда как я утверждаю, что они взаимосвязаны, но что историки всегда делают дедуктивные умозаключения и что даже самые дедуктивные авторы всегда, неявно по крайней мере, основываются на наблюдаемых фактах. Как следствие, *первоначально* вы применяете индуктивный метод просто и узко, в гораздо большей степени, чем я могу это допустить, а *затем* вы берете назад большую часть сказанного, утверждая, что любая дедукция предполагает индукцию и *vice versa*. Таким образом, в конечном итоге вы приходите практически к тем же результатам, что и я: но начинаете вы с вещей, которые я не могу признать истинными. Хотя это всего лишь вопрос формулировки, но по сути он представляется мне очень важным. Я думаю, что в правильном порядке *сначала* необходимо подчеркнуть взаимозависимость индукции и дедукции, а *затем* показать, в исследованиях какого типа экономист должен тратить большую часть времени на сбор, классификацию и комментирование фактов, а в каких — он занимается главным образом рассуждениями о фактах и пытается разработать общий анализ и общие теории, которые должны показать многое в одном и одно во многом.

Мое второе возражение заключается в том, что вы постоянно используете слово *теория* там, где я бы предпочел использовать слово *анализ*. Мне кажется, что это само по себе порождает путаницу, которая возрастает в результате того, что позднее вы исключаете современные факты из истории,

4. Letter from Alfred Marshall to J. N. Keynes, Keynes 3 (66).

но все же не говорите прямо, что они составляют часть теории. Если это так, то я согласен с вами, что изучение теории должно предшествовать изучению истории. Но сам бы я так делать не стал. По моему представлению, следует [и здесь Маршалл начинает, на мой взгляд, изложение того, как экономическая теория должна подаваться студентам]...

- i. Начать с анализа, который является неотъемлемой частью введения к исследованию любых фактов, относящихся ли к прошлому или настоящему времени, возможно с очень кратким историческим введением.
- ii. Далее напомнить студентам те экономические условия, в которых они живут. Показать соотношения, в которых они соответственно находятся друг к другу, и продолжить анализ, сделав его более реальным и конкретным.
- iii. Построить общую теорию или процесс рассуждения, применимый к ценности, деньгам, внешней торговле и т.д., особое внимание уделяя условиям, в которых живут студенты, указывая насколько и каким образом его можно применить к другим условиям.
- iv. Дать общий курс экономической истории.

[...]

- v. Рассмотреть экономические условия в отношении к другим аспектам общественной жизни.
- vi. Обсудить экономические аспекты практических вопросов вообще и социальной реформы в частности⁵.

Я пропустил шаг v. Об этом этапе, который у Маршалла назван «Возвратиться к экономической теории и развить ее дальше», он говорит, что он может быть применен почти везде, а для некоторых классов студентов совершенно опущен.

Тот факт, что от обсуждения метода Маршалл быстро переходит к достаточно конкретному рассмотрению вопроса о том, как следует преподавать экономическую теорию, на мой взгляд, достаточно показателен для его отношения. Он мало интересовался тем, что называл «философской экономикой». И в некотором смысле можно сказать, что у него не было собственного мнения о методе. Как отметил Пигу, Маршаллу «не было никакого дела до противоречий между дедуктивной, индуктивной или исторической шко-

5. Letter from Alfred Marshall to J. N. Keynes, Keynes 3 (74).

лами и т.д. Работа есть для всех, и он всех приветствовал. Он желал только конструктивной работы»⁶.

Общая позиция Маршалла заключалась в том, что в любой конкретный момент времени в одних частях экономической науки требуется больше дедукции, а в других — индукции, но в целом рост индуктивной работы требует большего применения дедукции и наоборот. Он признавал, что каждый конкретный экономист может быть более способен к одному или другому, но не думал, что можно быть хорошим экономистом, не применяя, в той или иной степени, как индуктивные, так и дедуктивные методы: «Любой настоящий исследователь экономики использует индуктивный метод и иногда аналитический, но почти всегда — оба метода вместе»⁷.

В письме к Г. С. Фоксвеллу Маршалл говорит: «Целью большинства замечаний, сделанных мною на корректуру „Предмета и метода“ Кейнса, было его сближение с взглядами Шмоллера. Некоторые были приняты. Но в отношении метода я по-прежнему придерживаюсь взглядов, которые расположены между позициями Кейнса + Сиджвика + Кэрнса и Шмоллера + Эшли»⁸. Хотя Маршалл претендует на то, что он занимает это промежуточное положение, и в некотором смысле это действительно так, исследование его высказываний, на мой взгляд, показывает, что он всегда подчеркивал значение индукции, сбора и накопления фактов и преуменьшал роль «теории», мы видели, что ему не слишком нравилось, когда это слово применяется к экономической науке. В самом деле, в одном из писем Фоксвеллу он отмечает, что в экономической науке «нет теории, о которой можно говорить»⁹. Частично это может, как говорит нам Джон Мейнард Кейнс, отражать отношение человека, который, получив математическое образование, сначала думал о работе в области молекулярной физики и считал экономическую теорию сравнительно несерьезным предметом. Маршалл, согласно Джону Мейнарду Кейнсу, «всегда чувствовал легкое презрение, с интеллектуальной и эстетической точки зрения, к достаточно жалким остат-

6. A. C. Pigou, ed., *Memorials of Alfred Marshall* (1925), p. 88.

7. *Memorials*, p. 309.

8. Цит. по: J. M. Keynes, «Herbert Somerton Foxwell», in *Collected Writings of John Maynard Keynes*, D. Moggridge, ed. (1972), 10, p. 271–272, п. 5.

9. Letter from Alfred Marshall to H. S. Foxwell, 25 January 1897, *Marshall* 3 (26).

кам элементарной алгебры, геометрии и дифференциальных исчислений, которые составляют математическую экономику»¹⁰.

Однако я думаю, что основной причиной, по которой Маршалл высказывался таким образом и подчеркивал значение индукции, могло быть то, что его задачей было понимание работы реальной экономической системы — системы, работу которой мы можем наблюдать на фабриках, на улицах и в домах обычных людей. Сам Маршалл был, конечно, великим собирателем экономических фактов, которые он черпал не только из правительственных отчетов, но и из своих посещений фабрик и опросов предпринимателей и рабочих. Очевидно, что его фактические знания были огромны. Его племянник, Клод Гуильбод, говорил мне, что Маршалл обладал безошибочным чувством величины экономических факторов и немедленно набрасывался на тех, кто в ней ошибался, в результате общение с Маршаллом могло обескуражить.

Сам Маршалл пришел в экономическую науку, потому что хотел помочь в устранении бедности и в повышении качества человеческой жизни. Изучаемая Маршаллом экономическая система всегда имела конкретный характер — это была система, которую можно было наблюдать, если оставить исследования в библиотеке. И Маршаллу было важно, чтобы человек смог с ней столкнуться напрямую, поскольку именно эта реальная система нуждается в объяснении. Это приводило Маршалла к оценке работы других экономистов исходя из весьма специфической позиции. Джон Невилл Кейнс использовал И.Г. фон Тюнена в своем «Предмете и методе» в качестве примера экономиста, применяющего «высокоабстрактный метод рассмотрения экономических проблем»¹¹. Маршалл восхищался фон Тюненом, но ему не нравился такой способ его представления. В переписке, на которую я ссылался, очевидно комментируя это высказывание, Маршалл пишет Кейнсу: «Вы знаете, что призванием фон Тюнена была аграрная реформа. Абстрактная экономика нужна ему только для этого. Она возникала в его глазах только в свете фактов о посевах ржи, удобрениях и т. п.»¹².

10. *Collected Writings*, Moggridge ed., 10, p. 186.

11. J. N. Keynes, *The Scope and Method of Political Economy*, 4th ed. (1917), p. 21.

12. Letter from Alfred Marshall to J. N. Keynes, Keynes 3 (67). Сравните

В отличие от современных экономистов, Маршалл не воспринимал экономику (economics) как экономическую теорию. Вот что он говорит в письме к Ф. И. Эджуорту:

По моему мнению, «теория» необходима. Без работы с ней невозможно достичь реального понимания экономических проблем. Но я не могу вообразить себе более пагубной концепции, чем представление о том, что абстрактная, или общая, или «теоретическая» экономика представляет собой «настоящую» экономическую науку. Она кажется мне существенной, но очень небольшой частью экономики в собственном смысле; а сама по себе она иногда даже является, скажем так, не слишком полезной тратой времени. Общие рассуждения существенны, но не меньшее значение имеет широкое и тщательное изучение фактов. Только сочетание двух сторон работы представляет собой *единственную* настоящую экономическую науку. Экономическая теория является, по моему мнению, вредным самозванцем, когда претендует быть настоящей экономической наукой, точно так же как и простое изложение истории без ее анализа¹³.

Подобное мнение Маршалл выразил также в письме к В. А. С. Хивенсу, директору Лондонской школы экономики, которое было написано в 1899 году, то есть через девять лет после публикации «Принципов»:

Мне кажется странным, когда меня спрашивают об изучении чистой экономической теории, так как это не тот предмет, о котором я способен говорить. Потому что я действительно никогда не был его сторонником; я отворачивался от него более четверти века. Еще в 1873 году (думаю, что это было тогда) Вальрас добивался, чтобы я что-нибудь написал об этом; я категорически отказался. На самом деле, я туповатый средний человек, который рассматривает экономическую науку как единое целое и относится к чистой теории (иными словами, отрасли математики или науки о числах) с таким же пренебрежением, как и к тому простому собиранию фактов и их интерпретации без помощи высокого ана-

с утверждением Маршалла о том, что фон Тьенен «был тщательным экспериментатором и исследователем фактов. Индуктивная сторона его мысли была развита настолько же полно, как и дедуктивная... Я предпочитал фон Тьенена всем другим моим учителям» (Pigou, *Memorials*, p. 360).

13. Pigou, *Memorials*, p. 437.

лиза, что иногда претендует быть частью экономической истории¹⁴.

Отношение Маршалла иллюстрируется теми его лекциями, которые он называл «продвинутыми». На этих лекциях он не занимался техническими или математическими проблемами, как это обычно делается в рамках современных подобных курсов. Такой курс читался в Кембридже, но его давал специалист в области естественных наук Артур Берри (который также писал об экономике), а позднее, я полагаю, Пигу. Сам Маршалл в своих «углубленных лекциях» занимался теми или иными реальными, но сложными экономическими проблемами. Я думаю, что именно подобную работу Маршалл имел в виду, когда писал:

К тому же функция анализа и дедукции в экономической науке состоит не в создании нескольких длинных цепей логических рассуждений, а в правильном создании многих коротких цепочек и отдельных соединительных звеньев. Однако это совсем не простая задача. Если экономист быстро и не задумываясь делает выводы, он будет неправильно выявлять взаимосвязи на каждом этапе своей работы. Ему следует внимательно применять анализ и дедукцию, поскольку только при их помощи он может отобрать правильные факты, надлежащим образом сгруппировать их и сделать пригодными для использования в качестве основы теоретического мышления и практических рекомендаций¹⁵.

Наконец, мнение Маршалла о том, как экономист должен изучать свой предмет, может быть проиллюстрировано его отношением к использованию математики в экономической науке. Общая характеристика его позиции дается Пигу:

Исходя из твердого убеждения в том, что основное значение экономической наука представляет не в качестве интеллектуальной гимнастики и даже не в качестве средства поиска истины самой по себе, а в качестве рабы этики и служанки правды, Маршалл стал решительно кроить свою работу

14. Letter from Alfred Marshall to W. A. S. Hewins, 12 October 1899, University of Sheffield Library.

15. Alfred Marshall, *Principles of Economics*, C. W. Guillebaud, ed., 9th variorum ed. (1961), 1 (app. C), p. 773. Рус. пер.: *Маршалл А. Принципы экономической науки*. Т. III. — М.: Прогресс, 1993. С. 212.

по шаблону, который соответствовал его идеалу. Будучи хорошо подготовленным математиком, он использовал математику очень умеренно. Он видел, что чрезмерная зависимость от этого инструмента может сбить нас с правильного пути, заставив гоняться за интеллектуальными игрушками и воображаемыми проблемами, которые не соответствуют условиям реальной жизни; а в дальнейшем может исказить наше чувство пропорций, заставив нас пренебрегать теми факторами, которые с трудом укладываются в математический аппарат¹⁶.

В молодости Маршалл был очень способным математиком. Ему, следовательно, были известны те преимущества, которые дает математический анализ проблем. В «Принципах» он пишет:

Подготовка в области математики полезна тем, что она позволяет овладеть максимально сжатым и точным языком для ясного выражения некоторых общих отношений и некоторых коротких процессов экономических рассуждений, которые действительно могут быть выражены обычным языком, но без равноценной четкости схемы. И, что гораздо более важно, использование опыта в работе над проблемами физики дает возможность, как никакой другой путь, постигнуть взаимодействие экономических изменений¹⁷.

Позднее (в 1906 году) Маршалл писал одному из своих любимых учеников, А. Л. Боули, статистику, о том, как следует использовать математику. Вот в чем заключается мнение Маршалла: «1) Используйте математику как краткий язык, а не как инструмент исследования. 2) Придерживайтесь ее до тех пор, пока работа не будет закончена. 3) Переведите на английский. 4) Затем проиллюстрируйте примерами, которые имеют значение в реальной жизни. 5) Сожгите математику. 6) Если вам не удалось (4), то сожгите (3). Это последнее я делал часто». Затем, в том же письме к Боули, он говорит: «Математика, которая используется в диссертации человеком, который не является математиком по своей природе — а я встречался с такими людьми достаточно часто [в наши дни он мог бы с ними встретиться еще чаще], — представляется мне чистейшим злом. Мне кажется, следует

16. Pigou, *Memorials*, p. 84.

17. Marshall, *Principles of Economics*, 1 (app. D), p. 781. Рус. пер.: Маршалл А. Принципы экономической науки, т. III, с. 225–226.

делать все возможное для того, чтобы люди не использовали математику там, где английский язык также точен и короток, как и математический»¹⁸.

Что именно в использовании математики, во всяком случае ее широком применении, вызывало у Маршалла возражения? Он полагал, что нам не хватает данных для поддержания любой, сколько-нибудь простой конструкции. Он боялся, что факторы, которые нелегко представить в математической форме, будут упущены. Но более всего он опасался того, что называл «математическими соблазнами», то есть того, что мы станем, как это определил Пигу, «гоняться за интеллектуальными игрушками и воображаемыми проблемами, которые не соответствуют условиям реальной жизни». Маршалл думал, это отвлечет наше внимание от реального мира, в котором бедность является причиной деградации и изучению которого, по его мнению, мы должны посвятить всю нашу энергию.

В наши дни, когда в экономической науке торжествует математический метод, можно спросить, насколько обоснованными были опасения Маршалла. Склонны ли мы строить «длинные цепочки рассуждений», не обосновывая их соответствующими данными? Пренебрегаем ли мы теми факторами, которым трудно придать математическую форму? Занимаемся ли мы теми задачами, которые ставятся реальным экономическим миром, а не анализом других экономистов? Разумеется, нельзя предъявить обвинение всему профессиональному сообществу экономистов — сейчас делается много хорошей работы, а некоторая часть этой работы выполняется при помощи математических методов. Более того, я уверен, что Маршалл бы с этим согласился. Но нельзя отрицать, что широкое применение математики привело именно к тем последствиям, которые он считал вероятными. Широкое применение математики, по мнению Маршалла, отвлечет нас от того, что он считал «конструктивной работой». И я очень сомневаюсь, что события последних лет заставили бы его поменять свое мнение.

Маршалл приветствовал все существующие методы, если они способствуют конструктивной работе, и математика здесь не является исключением. Отличительной особен-

18. Pigou, *Memorials*, p. 427.

ностью его позиции было, как мне кажется, то, что он был убежден в том, что мы не должны исследовать «воображаемые проблемы, которые не соответствуют условиям реальной жизни». Он думал, что мы должны начинать с реальной экономической системы, объяснение работы которой является нашим высоким призванием, и что мы должны интересоваться разными методами анализа только в той степени, в какой они помогают нам в достижении нашей основной цели.

Глава 12

Арнольд Планта¹

АРНОЛЬД ПЛАНТ родился в 1898 году в Хокстоне в Восточном Лондоне в семье муниципального библиотекаря. Он учился в школе Стрэнд, а окончив ее поступил в машиностроительную организацию, которая контролировалась доктором Вингфилдом, немецким инженером и изобретателем, переехавшим в Англию в 1902 году и после натурализации переименовавшем свою фамилию с Визенгрунд. Одна из двух компаний, подконтрольных Вингфилду, *Power Plant Company*, делала важную работу для Адмиралтейства, но обеспокоенность, связанная с его «неприятельским иностранным происхождением», заставила Вингфилда отказаться от участия в этой компании, при этом он сохранил контроль (вместе с партнером) над другой своей компанией, *Steam Fittings Company*. Вернувшись со службы в армии, Планта, который, очевидно, обнаружил большие деловые способности, работая в организации Вингфилда, был назначен в 1920 году управляющим *Steam Fittings Company* (в это время ему было всего двадцать один год).

Вильям (позднее лорд) Пирси посоветовал Планта, что ему следует изучить менеджмент, перед тем как заниматься управлением на практике. В детстве Пирси жил в Хоксто-

1. Первоначально опубликовано под заголовком «Профессор сэра Арнольд Планта: его идеи и влияние» в: *The Unfinished Agenda: Essays in Honor of Arthur Seldon* (London: Institute of Economic Affairs, London 1986), перепечатано здесь с разрешения Института. Статья была несколько пересмотрена для этой книги.

Я очень благодарен мистеру Роджеру Планта, который предоставил мне очень ценную информацию о карьере своего отца и его взглядах, а также позволил мне просмотреть бумаги своего отца; профессору З. Гурзински, подробно познакомившего меня с деятельностью Арнольда Планта в Университете Кейптауна; а также профессору Х. С. Эди, предоставившего информацию о работе Арнольда Планта в Лондонской школе экономики.

не и познакомился с семьей Планта. Окончив школу, Пирси занимался торговлей лесом, но, получив две стипендии на обучение по полной программе, стал в 1910 году, в возрасте двадцати четырех лет, студентом Лондонской школы экономики (LSE — London School of Economics), где специализировался по экономической истории под руководством Лилиан Ноулз. Получив диплом в 1913 году, он был зачислен в штат LSE, но в начале Первой мировой войны его приняли на государственную службу, а после ее окончания он начал свою блестящую карьеру в бизнесе. Эта карьера увенчалась его назначением в 1945 году первым председателем *Industrial and Commercial Finance Corporation*, и на этом посту он оставался до своего выхода на пенсию в 1964 году².

Нет ничего удивительного в том, что, следуя совету Пирси, Планта в 1920 году поступил в LSE, чтобы получить диплом бакалавра экономики — B. Sc. (Econ.); даже его решение специализироваться в области экономической истории Нового времени, которое может показаться странным для человека, преследующего цель — изучение менеджмента, совершенно очевидно было продиктовано влиянием Пирси. При этом существовала степень бакалавра коммерции (B. Com.), созданная после Первой мировой войны при активной поддержке Пирси и других представителей делового мира, и Планта, обучаясь в LSE, также посещал курсы на степень бакалавра коммерции в качестве вольного слушателя. Степень бакалавра коммерции была присвоена ему в 1922 году, а диплом бакалавра экономики с отличием первой степени он получил в 1923 году. Планта продемонстрировал, что существует возможность одновременного успешного освоения этих двух учебных программ, и в результате этого университетские правила были изменены так, чтобы подобное не повторялось в будущем. Планта наслаждался временем, проведенном в LSE, но он не воспринял ни протекционистских взглядов Лилиан Ноулз, ни социалистических воззрений Р. Г. Тауни и Гарольда Ласки. Преподавателем, оказавшим на него наибольшее влияние, был Эдвин Кеннан, профессор политической экономии, чьи взгляды

2. Планта (в соавторстве с Джоном Б. Кинроссом) написал некролог Пирси: *Journal of the Royal Statistical Society, series A (general)* 130 (pt. 2, 1967). Он также написал и некролог Вингфилда, другого человека, сыгравшего решающую роль в начале его карьеры: *Journal of the Institution of Electrical Engineers* 77 (July-December 1935).

и здоровый подход к экономическому анализу и экономической политике получили в дальнейшем отражение в собственных работах Планта.

Казалось, что на этом этапе Планта суждено вернуться к управлению бизнесом. До этого его карьера была весьма схожа с карьерой Пирси и, если бы он вернулся в бизнес, то, несомненно, достиг бы схожего успеха. Но этого не произошло. Примерно в это время в Университете Кейптауна, Южная Африка, было утверждено предложение о создании степени в области коммерции, а в 1923 году было решено учредить кафедру профессора коммерции. Когда об этой позиции было объявлено, Теодор (позднее сэр Теодор) Грегори, сказал Планта, что он будет дураком, если не подаст на нее заявление. Грегори в это время был преподавателем в LSE и работал под руководством Кеннана, но, подобно Пирси и Планта, свою степень бакалавра экономики получил в области экономической истории под руководством Лилиан Ноулз. В конкурсе на профессорскую должность участвовало 24 заявителя, но был выбран Планта — несмотря на недостаток преподавательского опыта и молодость (ему было двадцать пять) — несомненно, благодаря его управленческому опыту и высокому мнению о его способностях, проявленных в LSE.

Его назначение состоялось в 1924 году, и он с большой энергией приступил к исполнению своих обязанностей. Преподавание в области коммерции осуществлялось в основном Планта, и он читал удивительно широкий круг дисциплин, куда входили банковское дело и денежное обращение, страхование, промышленная организация и управление, финансы предприятия, административное управление и маркетинг, а также предметы, в которых рассматривались специфические проблемы Южной Африки, такие как Южноафриканские железные дороги. Только в 1928 году в помощь ему был назначен старший преподаватель, В. Г. Хатт. В этот период он должен был также заниматься сбором материала, который был им использован в главе «Экономическое развитие», написанной для тома о Южной Африке в *Cambridge History of the British Empire*³.

За время пребывания в Южной Африке он не написал много академических работ (что и не удивительно, учитывая сколько времени отнимали другие обязанности), и они

3. *Cambridge History of the British Empire* (Cambridge and London: Cambridge University Press, 1936, rev. ed. 1963), 8, p. 788–836.

были посвящены в основном банковскому делу в Южной Африке и таможенным тарифам. Единственной его южноафриканской работой, которую он решил переиздать в *Selected Economic Essays and Addresses*⁴, была статья, рассматривающая вопросы расовых экономических отношений — предмет, который вряд ли может быть проигнорирован исследователем, серьезно интересующимся экономическими проблемами Южной Африки. Эта статья, «Экономика туземного вопроса», была написана в 1927 году и опубликована в журнале *Voorslag* (май–июль 1927 года). В статье решительно атаковалась направленная на расовую сегрегацию политика южноафриканского правительства. План доказывал, что причиной этой политики было желание задушить конкуренцию со стороны коренных народов и что она наносит вред экономике Южной Африки. Эта конкуренция заставляла индивидов эффективно сотрудничать. Поэтому южноафриканское правительство должно стремиться, путем предоставления образовательных и других возможностей, помочь туземцам присоединиться к западному обществу. Неправильно оправдывать эту политику тем, что туземцы нецивилизованны, и не принимать при этом таких мер, которые позволили бы им стать частью западной цивилизации. Дух этой статьи выражают нижеследующие цитаты:

Прибежище, которое опустившиеся белые люди склонны искать в цвете своей кожи, считая ее основанием для привилегированного обращения с ними, является лишь частным проявлением всеобщего обыкновения ленивых и неэффективных хвататься за совершенно не относящиеся к делу характеристики своих конкурентов и стремиться убедить широкую публику в том, что они являются достаточным основанием для законодательства, устанавливающего ограничения для всего этого особого класса как единого целого. <...> Если конкурент является евреем, или замужней женщиной, или индусом, или туземцем, или не прошедшим ученичество рабочим, или представителем свободной профессии, не выплатившим премию за свою стажировку, то у широкой публики начинают шумно требовать введения законодательства, которое положит конец конкуренции. <...> Пока образование, предоставляемое туземцам, будет

4. Plant, *Selected Economic Essays and Addresses* (London: Routledge and Kegan Paul, in association with the IEA, 1974), p. 3-17.

оставаться столь же скучным, каким оно является сегодня, число туземцев, стремящихся приобрести социальные связи и по-настоящему сотрудничать с цивилизованными, хорошо образованными людьми, будет обречено оставаться небольшим. <...> Наша несостоятельность в предоставлении туземному населению возможностей для настолько полного сотрудничества, насколько каждый из туземцев индивидуально способен, приводит к экономически плачевным последствиям; а то, что многие европейцы пессимистически смотрят на туземный вопрос, означает, что не менее важны и неэкономические причины сожалеть о недостаточности нашего взаимодействия с коренными народами.

В 1930 году Плант покинул Южную Африку и вернулся в LSE, чтобы занять недавно созданную кафедру коммерции («с упором на деловое администрирование»). План стал отвечать за группу промышленности и торговли в бакалавриате коммерции, где его преподавание на лекциях и семинарах оказывало большое воздействие на его студентов. Он также с 1930 года преподавал в новом последипломном Департаменте делового администрирования, а в 1935 году стал его главой. После этого управление Департаментом делового администрирования стало занимать большую часть его времени и энергии. Этот департамент закрывался во время Второй мировой войны и возобновил свою работу после ее окончания, но, кажется, он так и не укоренился в LSE, и после того, как в 1965 году Плант вышел на пенсию, ему позволили тихо умереть, и в том же самом году стало легче открыть Лондонскую школу бизнеса.

Характер воззрений Плана и его стиль очень ясно проявляются в его лекции, прочитанной при вступлении в должность в 1931 году, «Тенденции в области делового администрирования»⁵. Совершенно ясно, что задачей этой лекции было, с одной стороны, обозначить то, что Плант считал важным, а с другой — смягчить тех, кто мог враждебно относиться к созданию в LSE профессорской кафедры, посвященной изучению бизнеса. Так, там говорится о работах Веббов, в которых проблемы бизнеса освещаются «под своим собственным особым углом», но не уточняется, в чем состоит этот «особый угол». Упоминается «нова-

5. Plant, «Trends in Business Administration», *Economica* 12, no. 35 (February 1932), p. 45–62.

торская» работа специалистов в области государственного управления из LSE, в которой сравнивается администрирование в общественном и частном секторе. Превозносится учение Грэхэма Уоллиса и Гарольда Ласки о том, что «беспрепятственное выражение нашей индивидуальности — самый ценный элемент свободы», но таким образом, что защита системы свободного предпринимательства кажется естественным развитием их взглядов.

Ведущая тема основной части лекции Планта заключалась в том, что бизнесмен не доминирует над экономической системой. Он «просто организующий агент того неумолимого контролера и нанимателя, которым является сообщество потребителей». Он должен предвидеть нужды потребителя и «чем точнее он интерпретирует невысказанное желание, тем больше вероятность, что он останется с прибылью, тем более способен он будет командовать капиталом и трудом, в которых он нуждается для производства и за контроль над которыми он непрестанно соперничает с другими бизнесменами, также служащими конечному нанимателю». Для достижения экономического прогресса «существует одно фундаментальное условие: сохранение... свободы изменять свое обычное поведение у индивида, будь то потребитель или производитель, всякий раз, когда посчитает, что изменение может быть для него выгодным».

Бизнесмены, конечно, стремятся освободиться от своего неумолимого контролера, потребителя, используя различные защитные приспособления: рекламу, скидки постоянным клиентам, сезонные билеты, купоны, отсроченные скидки, торговые бойкоты и т. п. Однако прямые атаки на конкурентов, скорее всего, не приведут к успеху. «Локальное снижение цен для устранения конкурирующих продавцов требует больших затрат, а новые конкуренты возникнут сразу после того, как будет предпринята попытка компенсировать потери за счет повышения цен». Но до тех пор, пока государство не было «интервенционистским в своем отношении к торговым практикам, пока оно ограничивалось защитой жизни и неприкосновенности, а также искоренением обмана и мошенничества, общество мало теряло от временных побед монополий, зато выигрывало очень много в результате напряженной конкурентной борьбы». Но государство этим не ограничивается. О «государственном вмешательстве, направленном на сохранение природных ресурсов — нефти, древесины и т. д.»,

Плант говорит следующее: «Здесь, очевидно, могут быть некоторые области государственной деятельности, где проявления вмешательства более произвольны и менее надежно основаны на экономических принципах». В частности, в сфере предприятий общественного пользования государственное вмешательство вместо того, чтобы *предупреждать* монополию, стало ей *способствовать*:

Экономическая наука, пожалуй, до сих пор не решила вопрос о том, не ухудшают ли ситуацию попытки одновременно осуществлять контроль и предпринимать действия в общественном секторе; не лучше ли, в самом деле, посоветовать государству оставить свои усилия по ограничению частного управления и попытаться найти способы поощрить новые предприятия и стимулировать конкуренцию в этой сфере.

Существование прибыльности любой монополии обусловливается отсутствием альтернатив и субституттов. Общественный контроль, как над назначенными ценами, так и над использованием полученных доходов, накладывает на измученную монополию путы, которые, при возникновении свободной конкуренции, препятствуют ее борьбе за существование. В результате возникают достаточно обоснованные претензии на защиту от конкуренции, и государство оказывается вовлеченным на стороне монополии в деятельность, которая препятствует получению потребителями выгод от внедрения новых изобретений и новых процессов.

Как видно из приведенных цитат, Плант не считал, что основная задача исследования делового администрирования — изучение того, как управлять бизнесом. Он исследовал деловые практики для того, чтобы понять, почему они существуют. Сегодня область его интересов была бы названа, как мне кажется, теорией отраслевых рынков (*industrial organization*). Его аналитическая система обладала силой, хотя и не была сложной. По его мнению, потребитель является конечным нанимателем, а конкуренция — механизмом, с помощью которого он осуществляет свой контроль. Существование монополии ему казалось временным и не имеющим особого значения. Легитимная функция государства заключается в обеспечении закона и порядка, а также в предупреждении обмана и мошенничества. Но государственное вмешательство обычно осуществляется под давлением групп с особыми интересами, способствует монополии, а не конкуренции, и навязывает такое экономическое регулирование, которое ухудшает положение вещей.

Это некоторые из идей, которые студенты выносили из общения с ним. Сейчас они более распространены среди ученых-экономистов, чем это было тогда.

Постоянным интересом Планта были проблемы собственности и связанной с ней экономической свободы. Он говорил, что этот интерес был вдохновлен чтением рассуждений Давида Юма об этом предмете⁶. Несомненно, это было так, но трудно не заметить здесь, как и в других аспектах его работы, влияния Эдвина Кеннана. В любом случае этот интерес привел Планта к написанию статей, которые являются его самым важным достижением в экономической науке. В начале 1930-х годов он написал две статьи, одну о патентах на изобретения, а другую об авторском праве на книги⁷. В этих статьях он рассматривает необходимость установления прав собственности в сфере патентов и авторском праве. Редкость не была причиной возникновения этих прав, напротив — создание монополии породило редкость. Он подчеркивает, что британские авторы щедро вознаграждались американскими издателями, хотя их работы не были защищены авторским правом в Америке. Кроме того, множество изобретений в разных видах деятельности осуществлялись даже в тех случаях, когда полученные улучшения нельзя было запатентовать. Он предложил, что даже при сохранении существующего законодательства могут быть осуществлены изменения (такие как использование «права на лицензию» в качестве обычной практики) для улучшения ситуации. Сегодня его аргументация может показаться несколько неполной; но необходимо помнить, что именно Плант поднял эту тему, а его статьи поставили вопросы, которые до сих пор не получили удовлетворительного ответа.

После Второй мировой войны он вернулся к этой теме в своей прочитанной в 1953 году лекции памяти Стэмпа, «Новая торговля идеями и интеллектуальная собственность»⁸. В этой лекции Плант рассматривал проблемы, которые возникли в сфере авторского права и других мер

6. Ссылки Планта на Юма могут быть найдены в: Plant, *Selected Economic Essays and Addresses* (1974), p. 30–31, 35–36, 169.

7. Plant, «The Economic Theory Concerning Patents for Inventions» (p. 35–56), and «The Economic Aspects of Copyright for Books» (p. 57–186), in *Selected Economic Essays and Addresses* (1974).

8. Plant, «The New Commerce in Ideas and Intellectual Property», in *Selected Economic Essays and Addresses* (1974), p. 87–116.

защиты в связи с последними технологическими изменениями, такими как звукозапись и телерадиовещание. Это интересная лекция, но ей не хватает остроты статей начала 1930-х годов и она мало что добавляет к их анализу. Очевидно, что после Второй мировой войны Планта не возвращался к своим исследованиям собственности и сомнительно, чтобы существовала рукопись об экономике собственности, о которой говорит Артур Селдон в своем предисловии к *Selected Economic Essays and Addresses*⁹.

Болезнь Планта (он страдал от диабета) была, несомненно, причиной сокращения объема его научной работы после Второй мировой войны. Другой причиной была его занятость в Департаменте делового администрирования. Тот же самый эффект должна была иметь его работа в правительственных комитетах. Планта служил в правительственных комитетах еще до Второй мировой войны. Он был, например, назначен в 1938 году одним из первых независимых членов Кинематографического совета по фильмам. Но после Второй мировой войны, возможно, потому, что его служба в военное время в качестве советника кабинета министров дала ему почувствовать вкус власти и влияния, Планта был, как это отмечает Артур Селдон, почти постоянно занят в правительственных комитетах. А поскольку его энергия была истощена болезнью, такая активность, в сочетании с его административными обязанностями в LSE, должна была отвлечь его от научной работы, что делает понятным, почему его исследование о собственности было отложено в сторону.

Но, возможно, была и еще одна причина того, почему это произошло. Планта был бывшим руководителем фирмы, который поступил в университет, чтобы больше узнать о менеджменте. Он видел в этом важную функцию университета, и она была особенно дорога его сердцу. Его вступительная лекция в Университете Кейптауна была озаглавлена «Университетское образование для коммерческой карьеры», а в LSE, как мы видели, он посвятил себя Департаменту делового администрирования. Многие годы Планта также был главой Бюро коммерческих степеней в Лондонском университете. Его низкая заинтересованность в развитии экономической теории была, несомненно, следстви-

9. Arthur Seldon, Foreword in Arnold Plant, *Selected Economic Essays and Addresses* (1974), p. vii.

ем его заботы о практическом применении экономической науки. Но, как мы это сейчас можем увидеть, развитие теории требовало проведения определенной полезной работы о правах собственности. В то время LSE была храмом истины, посвященным развитию экономической теории, но экономисты, за исключением, в некоторой степени, Хайека, не интересовались деловыми практиками, поэтому Плант не получил от них никакой помощи. Возможно, Плант чувствовал, что в своих статьях 1930-х годов он зашел в изучении прав собственности настолько далеко, насколько мог. Но для многих других целей теория, которой он обладал, теория конкуренции, была достаточно полезной. Вооруженный этой теорией, а также реалистичным представлением о том, что правительство хочет и может сделать, он мог поколебать многие широко распространенные взгляды и передать своим студентам такой подход к экономической политике, который ограждал их от гораздо более модных ошибок и позволял им разрабатывать политику на более прочной основе.

Арнольд Плант был хорошим учителем, который был глубоко заинтересован в своих студентах и заботился об их дальнейшей карьере. Работа его студентов, Артура Селдона и других, свидетельствует о том, что его влияние не умирает и не ослабевает.

Глава 13

Дункан Блэк¹

ДУНКАН БЛЭК, сын Шотландии, родился 23 мая 1908 года в Мотеруэлле, промышленном городе, расположенном примерно в двенадцати милях от Глазго. Его отец родился на западном острове Малл. Дед Блэка, кузнец, умер примерно через двенадцать лет после своего брака, и его вдова покинула Малл и вместе с детьми вернулась в свою родную деревню Тайваллих в Аргайле. Здесь, будучи подростком, отец Блэка работал на ферме, но позднее, когда его семья переехала в Мотеруэлл, он стал котельщиком.

Если со стороны отца предки Блэка были из горной страны, то семья его матери была из равнинной Шотландии. Его мать, Маргарет Браун Муир, родилась в Мотеруэлле, ее отец также был кузнецом. В возрасте двенадцати лет она была отдана в ученичество к галантерейщику. Эта умная женщина очень сожалела о том, что ей пришлось покинуть школу в столь раннем возрасте. Уроки Библии и музыки в церкви несколько заполнили для нее эту потерю. Незадолго до своего брака она открыла магазин одежды и шляп в Мотеруэлле и продолжала управлять им и в замужестве, вплоть до начала автобусного сообщения, которое, сделав доступными большие магазины Глазго для покупателей из Мотеруэлла, привело к спаду в бизнесе и продаже магазина в 1931 году. По мнению Альфреда Маршалла, «самый ценный капитал — это тот, который вложен в человека, а из этого капитала самой драгоценной его частью яв-

1. Эта статья была написана мною в качестве некролога для Британской академии после смерти Дункана Блэка в 1991 г. Она основана на моих собственных воспоминаниях о Дункане Блэке, на разговорах, которые у нас с ним были о его жизни, а также на биографических заметках, которые он мне предоставил. Она воспроизводит, с разрешения, биографию, которую я написал для *Toward a Science of Politics: Essays in Honor of Duncan Black*, ed. Gordon Tullock (1981), и которая была отредактирована и обновлена.

ляется та, которая составляет результат забот и влияния матери»². Он с одобрением ссылается на мнение Гэлтона о том, что «влияние матери ярче прослеживается в семьях священнослужителей и людей науки, поскольку серьезная мать приучает своего ребенка глубоко воспринимать великие идеи, вдумчивая мать не подавляет, а поощряет у ребенка любознательность, которая служит первой предпосылкой научной логики мышления»³. Кажется, Маргарет Блэк была именно такой матерью. Разумеется, Дункан Блэк не сомневался в том, что мать оказала доминирующее влияние на его жизнь.

Блэк учился в школах Мотеруэлла. Особенно важной для его интеллектуального развития была *Dalziel High School*, в которой тогда давалось очень хорошее образование. Многие ученики того времени поступили затем в Университет Глазго. Преподавание в этой школе было воодушевлено любовью к науке. Блэк рассказывал о своем учителе английского: «Казалось, что в наши руки даются все богатства цивилизации». Для Блэка школьная учеба была источником огромного наслаждения, языки и литература были его любимыми предметами, в которых он достиг наибольших успехов. Было бы естественным, если бы именно эти предметы он продолжил изучать в университете. Но когда он поступил в университет, то стал изучать математику. Поскольку диплом с отличием давался при обучении двум родственным предметам, он решил изучать математику и физику. Это решение, которое может показаться странным, учитывая его интересы, он объяснял тем, что рассматривал математику в качестве средства достижения истины, этого мнения он придерживался всю свою жизнь. Но он также добавлял и другую причину: тщеславие. Математика была трудным предметом, а значит, в случае ее успешного освоения он мог заслужить похвалу. Во всем этом нельзя не заподозрить влияние шотландского пресвитерианского воспитания, которое получил Блэк. Большинству из нас нравится, когда нас хвалят, но обычно мы выбираем для этого более простые способы.

2. Alfred Marshall, *Principles of Economics*, C. W. Guillebaud, ed., 9th variorium ed. (London, 1961), p. 564. Рус. пер.: *Маршалл А.* Принципы экономической науки. — М.: Прогресс, 1993. Т. II. С. 270.

3. Marshall, *Principles of Economics*, p. 207. Рус. пер.: *Маршалл А.* Принципы экономической науки, т. I, с. 284.

Блэку не нравилось, как математика преподается в Глазго. Математические курсы были разработаны для инженеров и не вдохновляли его. В этих курсах не содержалось новых материалов и ничего не говорилось о связи математики с формальной логикой. Лекции по физике больше соответствовали его вкусу, но он не интересовался физическими явлениями. Как следствие, он с нетерпением ожидал окончания этих курсов. Присуждение ему, в 1929 году, степени магистра искусств (высшая степень в Университете Глазго) с отличием второй степени не дало ему почти ничего, кроме похвалы. Затем Блэк решил изучать общественные науки с намерением поступить на государственную службу. Стипендия в 50 фунтов в год, а также аналогичная сумма, которую он зарабатывал в качестве лаборанта в лаборатории медицинской физики, позволили ему поступить в магистратуру по направлению политическая экономия и политическая философия. Обучение на эту вторую степень оказалось более близким ему по духу, чем его более раннее изучение математики и физики. Профессор политической экономии В. Р. Скотт был выдающимся ученым, автором работ о Френсисе Хатчисоне и Адаме Смите, а также трехтомной истории акционерных компаний. Основным интересом Скотта было отношение между философией и экономической наукой. Вопросы, которыми он занимался (могут ли работы философов обогатить экономическую теорию ценности или могут ли представления философов о стоимости выиграть от использования разработанной в экономике техники анализа), нашли отклик у Блэка. Другим учителем, влияние которого на его позднейшие работы представляется очевидным, был А. К. Уайт, преподаватель политики⁴. Уайт считал, что большая часть литературы по этому предмету имеет небольшую ценность, и, по воспоминанию Дункана Блэка, большую часть одного из семестров он посвятил обсуждению возможности создания чистой теории о политике. Блэк вспоминал также, что он цитировал, рассматривая его в качестве ключевого понятия, описание Мэри Паркер Фоллет того, как идея развивается при организации групп⁵. Но равное, или еще большее, влияние на него

4. См.: А. К. Уайт, *The Character of British Democracy* (Glasgow, 1945).

5. Mary Parker Follett, *The New State: Group Organization the Solution of Popular Government* (New York, 1918), p. 24-25.

оказали лекции по моральной философии и в особенности изложение и защита Ч. А. Кэмпбеллом идеалистической доктрины страсти⁶.

В 1932 году Блэк получил диплом магистра искусств в экономике и политике с отличием первой степени. За год до этого он был награжден (вместе с Алеком Керн-кроссом) почетной грамотой по социальной экономике. В 1932 году он был назначен младшим преподавателем в Школу экономики и коммерции в Данди. В 1934 году он стал преподавателем экономики в Университетском колледже Северного Уэльса, Бангор, где оставался до 1945 года (с перерывом во время войны, когда он был занят на гражданской службе). В 1945 году он стал старшим преподавателем экономики в Университете Куинс, Белфаст, но год спустя, в 1946 году, он вернулся в свою альма-матер, Университет Глазго, в качестве старшего преподавателя социальной экономики. В 1952 году Блэк стал профессором экономики в Университетском колледже Северного Уэльса, Бангор, и оставался на этом посту до выхода на пенсию в 1968 году.

Из всех этих позиций первая, в Школе экономики и коммерции, Данди, оказала наибольшее воздействие на его интеллектуальное развитие. Школа экономики была основана в Данди в 1931 году Джорджем Бонаром, ведущим представителем джутовой промышленности Данди. Ее первым руководителем был Джеймс А. Боуи из Манчестерского технологического колледжа. В планировании этой Школы было оказано содействие со стороны Лондонской школы экономики (LSE), в котором принимали участие ее директор, сэр Уильям Беверидж (позднее лорд Беверидж), ее секретарь, миссис Дж. Майр (позднее леди Беверидж), а также другие сотрудники LSE. Неудивительно поэтому, что первые назначенные преподаватели, Дж. К. Истхэм и Дж. К. Гилберт, были из LSE. В 1932 году персонал был пополнен двумя ассистентами. Одним из них был Блэк, другим — я. Я учился в LSE и был рекомендован на эту должность профессором Арнольдом Плантом. Гилберт был моим тьютором на первом курсе в LSE. Мы с Блэком, будучи младшими преподавателями, очень часто встречались, в результате чего возникла дружба, которая продолжалась до последнего времени. Истхэм, когда он был преподавателем в LSE,

6. См.: C. A. Campbell, *Scepticism and Construction* (London, 1931), p. 201–211.

изучал экономическую науку не только с Лайонелом Роббинсом, но и с Эллином Янгом, замечательным американским экономистом, который был назначен на кафедру экономической теории в LSE после выхода на пенсию Эдвина Кеннана. Гилберт, специализировавшийся в теории денежного обращения и банковского дела, прибыл в Данди со страстным стремлением развивать теории Робертсона, Кейнса и Хайека.

Я приехал в Данди после того, как провел год в США, получив стипендию Касселя на научные поездки, и моя голова, согласно Блэку, была полна идеями о фирме. Совершенно очевидно (как подтверждается письмом, которое я написал в октябре 1932 года), что в моей первой лекции, прочитанной по курсу организации предпринимательской единицы, содержались основные моменты, позднее появившиеся в моей статье «Природа фирмы». Черновик этой статьи был закончен в 1934 году, когда я все еще оставался в Данди. Публикация этой статьи только в 1937 году объясняется в основном нашим убеждением в том, что гораздо важнее понять, чем опубликовать. Мы четверо (Истхем, Гилберт, Блэк и я) постоянно дискутировали, и эти беседы были живыми и обстоятельными. Предметом наших дискуссий, за едой или в других местах, всегда была экономическая наука и в особенности те новые идеи, которые появлялись в 1920–1930-х годах, в основном в Англии и часто в LSE. Казалось, что все проблемы экономической науки близки к решению. И поэтому наши дни проходили счастливо.

Эти дискуссии оказали колоссальное воздействие на Блэка. Он приехал из Университета Глазго, где экономическая наука все еще рассматривалась, как это было во времена Адама Смита, в качестве части моральной философии. Когда Блэк прибыл в Данди, он интересовался философией и политикой, и этот интерес, возможно, превосходил его интерес к экономике. В Данди он познакомился с аналитическим подходом в экономической теории, который, под влиянием Эллина Янга, Лайонела Роббинса, Фридриха Хайека и Джона Хикса, доминировал в LSE. Он также посещал углубленные лекции Истхема по теории, что позволило ему познакомиться с новейшими теоретическими достижениями в экономической науке. Но если Блэк в Данди и пополнил свои знания в области экономического анализа, то проблемами, которые действительно

его поглощали, хотя я и не припомню, чтобы он обсуждал их с нами (что и не удивительно, поскольку мы, скорее всего, его бы не поняли), были именно те, которые захватили его воображение на лекциях Скотта, Уайта и Кэмпбелла в Глазго. Действительно, основной вклад Блэка в науку может рассматриваться как результат использования аналитического подхода LSE к решению проблем, которые возникли в его сознании под воздействием преподавания в Глазго. Точка зрения, которой он стал придерживаться, была лаконично выражена в статье, написанной много лет спустя. Это было его убеждение в том, что «когда мы в конечном счете придем к „адекватной“ политической науке, она будет иметь те же самые отличительные свойства, что и „Элементы“ Вальраса или „Учебник“ Парето — или, возможно, „Принципы“ Маршалла, со смесью строго формального и описательного изложения, но не будет похожа на существующие сейчас тексты по политике. А ядро этого изложения... будет состоять из набора формальных или математических утверждений»⁷. Поиску этого «набора формальных или математических утверждений» он и посвятил свою жизнь.

Выше я ссылался на Ч. А. Кэмпбелла в контексте тех влияний, которые привели к созданию теории комитетов Блэка, и это могло вызвать некоторое недоумение. Но такое влияние существовало на самом деле, и оно усилилось, когда на протяжении четырех лет в 1930-х годах они были коллегами в Бангоре, где Кэмпбелл занимал кафедру философии. На первый взгляд, обсуждение Кэмпбеллом идеалистической доктрины страсти не может дать многого для размышлений Блэка о комитетах. Но это не так. Кэмпбелл, согласно Блэку, стремился разрешить проблему того, насколько выбор и действия индивида соотносятся с его различными страстями. Действия индивида зависят от сочетания его страстей (некоторые из которых благоприятствуют, а другие противостоят каждому конкретному действию). Замените страсти на индивидуальных избирателей, и окажется, что к работе в комитетах формально может быть применен тот же самый анализ, что и к индивидам. Таким образом, хотя Блэк, при разработке своей теории комитетов, и не основывался на анализе выбора,

7. Duncan Black, «The Unity of Political and Economic Science», *Economic Journal* (September 1950), p. 506.

который делается индивидом, но подход Кэпбелла к человеческому выбору сыграл, несомненно, свою роль в развитии мысли Блэка. Я бы даже сказал, хотя я и не уверен, насколько бы здесь меня поддержал Блэк, что можно привести еще более сильную, чем предполагают эти замечания, аналогию между индивидуальным выбором и групповым. Замените страсти на гены, и можно будет легко увидеть, что выбор индивида между различными способами действий на самом деле определяется своего рода системой голосования. Если я прав, то теорию комитетов (или аналогичную теорию) можно прямо применить к анализу индивидуального выбора, а значит, мы не должны удивляться, если найдем непереходность или даже циклическое движение в индивидуальном выборе. Подобный подход, конечно, приведет к тому, что будет отвергнута предпосылка, которую обычно делают в экономической теории, о человеке, как о «рациональном максимизаторе полезности» и о том, что индивидуальный выбор последователен, но я бы, со своей стороны, приветствовал такое изменение мнения. Попытка использования аналитического подхода экономической теории для лучшего понимания политической системы может в конечном итоге привести к неожиданному результату, способствуя улучшению самого экономического анализа.

В 1934 году, покинув Данди и переехав в Бангор, Блэк начал серьезно работать над анализом политической системы с использованием экономических концепций. Хотя он и достиг определенного прогресса, он не чувствовал, что нашел решение этой проблемы, и в 1935 году активная работа над этой проблемой была отложена в сторону. В этой связи я должен сослаться на заявление, которое Блэк сделал в предисловии к своей книге «Теория комитетов и выборов»: «На самой ранней стадии в поиске основных линий развития исследования мне помогли дискуссии с моим коллегой, профессором Рональдом Г. Коузом, о его представлениях о природе фирмы»⁸. Это заявление слишком великодушно. Когда Блэк впервые начал применять некоторые аналитические инструменты экономической науки к проблемам политической системы, он, конечно, использовал концепцию транзакционных издержек для объяснения возникновения политических партий

8. Duncan Black, *The Theory of Committees and Elections* (Cambridge, 1958), p. xi.

и законодательных собраний, и на это повлиял мой подход к фирме. Но эта часть его работы никогда, насколько мне известно, не была опубликована. В буквальном смысле наши дискуссии с Блэком действительно были этапом на его пути к теории комитетов, но найденные им в конечном итоге решения беспокоящих его проблем не имели ничего общего с моей работой о фирме. Когда я обсуждал с ним этот вопрос, Блэк вспомнил, что рассмотрение фирмы привело нас к дискуссии о трактовке контрактов в «Математической физике» Эджуорта, и именно эта дискуссия помогла ему найти его путь. В этом он, возможно, был прав.

Отсутствие прогресса не было основной причиной того, почему Блэк прекратил после 1935 года активно работать над проблемой политической системы. Он не мог ничего опубликовать на эту тему, а объяснение отсутствия публикаций тем, что он работал над созданием чистой науки о политике, вряд ли поспособствовало бы карьере молодого экономиста. Поэтому он вернулся к студенческой работе, написанной под руководством Скотта в Глазго, «Сфера действия налогов на доходы». Работа над проблемами налогообложения была для него нетрудной, поскольку он читал лекции по публичным финансам в Бэгноре, а также приносила ему удовольствие, потому что он должен был еще раз вернуться к итальянским авторам, работами которых по публичным финансам он наслаждался в студенческие дни и которые имели то дополнительное преимущество, что они были близки к его настоящему интересу, чистой теории политики. Статьи о налогообложении были опубликованы им в 1937 и 1938 годах, а затем, в сентябре 1939 года, сразу после начала войны, Макмилланом была издана его книга «Сфера действия налогов на доходы». Книга послужила своей цели. Ее благосклонно приняли, и академическое положение Блэка было обеспечено. Фредерик Бенхэм закончил свою рецензию в журнале *Economica* следующим заявлением: «Хорошие книги по публичным финансам редки. Я очень рад, что к их числу добавилась еще одна». Книга была переиздана в 1961 году.

После того как началась война, Блэк был призван на гражданскую службу, но его разум не прекращал работать над интересовавшими его проблемами. Именно в этот период он нашел ключ для решения проблемы, над которой

он очень долго ломал голову. В предоставленных мне заметках он так описывает открытие, сделанное им в феврале 1942 года:

Примерно в полночь я дежурил в пожарной команде на случай воздушной атаки в Уорикском замке и находился в зеленой гостиной, одном из самых торжественных залов во всей Англии, хотя теперь украшенные доспехами средневековые стены здесь странно контрастировали с длинными узкими столами, уставленными по всей комнате и заваленными разными принадлежностями гражданской службы. Действуя практически наугад, я взял один из бланков гражданской службы, нарисовал на нем график с тремя пересекающимися кривыми и с удивлением осознал, что если рассматривать точки на горизонтальной оси как предложения, выносимые на рассмотрение комитета, и предположить, что предпочтения его членов в отношении этих предложений упорядочены в соответствии с этими кривыми с одним максимумом, то решение комитета, использующего процедуру простого большинства, должно соответствовать медианному оптимуму. Диаграмма показывала отношение, в котором решение комитета находится с предпочтениями его членов. Нарисовав еще два графика, я убедился в том, что теперь я могу высказать вещи, которые раньше только чувствовал и был неспособен сообщить или даже правильно сформулировать. Но не только это; была обнаружена, как будто случайно, техника, которая сделает возможным исследование деятельности правительства в соответствии с систематическим, достаточно четко разграниченными линиями. Так или иначе, этой ночью казалось, что передо мной простерлось будущее.

К этому он добавляет:

Продремав в моем сознании несколько лет, проблема, которой в свое время я уделял все свое внимание, изменила свою природу: она стала математической проблемой. Теперь возникающие вопросы могли быть поставлены как математические проблемы. Вы приходите к политической теории путем обратного перевода математических символов, так же как и в экономике и математической физике, в соответствии с тем правилом, которым чистая наука руководствуется с XVII века.

В октябре 1942 года, из-за болезни своего коллеги, Блэк вернулся к преподаванию в колледже. Это позволило ему начать серьезную работу над своей теорией комите-

тов. Вскоре он обнаружил существование непреходящей и, частично написав свою теорию, обратился за помощью к Р. А. Ньювингу, своему коллеге из математического департамента в Бангоре. Ньювинг предложил использовать матричную форму представления в случае конечного числа движений, а также был полезен и в других случаях. Блэк был обеспокоен теми осложнениями, которые возникают, когда предпочтения избирателей, относящиеся к одному вопросу, зависят от решений, которые были приняты по другому; и он сотрудничал с Ньювингом над поиском путей решения этой проблемы. В этом был достигнут значительный прогресс, но при этом объем математических выкладок казался непропорционально большим по сравнению с выводами, которые они давали для политической теории, и эта работа была отложена в сторону. Через некоторое время Блэк вернулся на гражданскую службу.

После того как война в Европе закончилась, Блэк был назначен старшим преподавателем в Университет Куинс, Белфаст, но преподавательская и административная работа, которой он занимался на этой должности, оставляла ему мало времени для научных исследований. Ситуация изменилась, когда, по приглашению А. Л. Макфи, он был назначен старшим преподавателем в Университет Глазго. Теперь он имел время для продолжения своей работы. Годы терпеливых размышлений над теорией комитетов окупались. Он быстро подготовил четыре статьи и в начале 1947 года отправил две в *Economic Journal* и две в *Economica*. Но проблемы Дункана Блэка не закончились. Все четыре статьи были отклонены. Блэк также пытался опубликовать свои идеи в форме книги. Черновик книги, озаглавленной «Чистая теория политики», был подготовлен к октябрю 1947 года. Заголовки глав этой книги дают хорошее представление о ее характере и масштабах:

1. Проблема исследования.
2. Некоторые определения и символическое представление движений.
3. Теория независимой оценки.
4. Решения комитета при использовании простого большинства.
5. Соотношение теории с реальностью.
6. Рассмотрение некоторых методов избрания кандидатов.

7. Решения комитета при использовании особо установленного большинства.
8. Природа международных соглашений.
9. Эластичность решений комитета при изменении размера большинства.
10. Эластичность решений комитета при изменении шкалы предпочтений его членов.
11. Единство политической и экономической науки.

Книга была отправлена в четыре британских издательства, но все они ее не приняли.

Тем не менее экономика — международная дисциплина, и Блэк через некоторое время отправил свои статьи в зарубежные журналы. Первый успех пришел к нему, когда его статья «Рациональность группового принятия решений» была принята для публикации в *Journal of Political Economy* и появилась в февральском выпуске 1948 года. Другая статья была опубликована на итальянском в выпуске от мая-июня 1948 года в *Giornale degli Economisti*. Наконец, две статьи были опубликованы в июльском выпуске 1948 года журнала *Econometrica*. Блэк продолжал распространять накопленные им материалы, и в марте 1949 года одна статья была опубликована в *South African Journal of Economics*, а в мае и августе 1949 года он опубликовал еще две статьи, на этот раз в *Canadian Journal of Economics and Political Science*.

В августе 1949 года Блэк вернулся в Бангор, чтобы провести некоторое время с Ньювингом, в надежде, что они смогут закончить работу, которую начали почти шесть лет назад. В результате трех недель интенсивной работы они добились успеха, и, используя геометрический метод, который, как надеялся Блэк, сделает их выводы более доступными для экономистов, они подготовили совместную статью. Они исследовали ситуацию, в которой предпочтения голосующих по любому данному вопросу зависят от того, какие решения были приняты до этого и, соответственно, что в достижении окончательного результата решающую роль играет порядок принятия решений. Статья была озаглавлена «Решения комитета трех». Анализ был ограничен комитетом, состоявшим из трех членов, это было сделано для облегчения его геометрической трактовки, так как авторы были убеждены в том, что распространение их выводов на более обширные комитеты должно иметь рутинный характер.

Статья, написанная в августе 1949 года, была доработана с помощью переписки, и окончательная версия была отправлена в *Econometrica* в ноябре 1949 года. Но после этого удача снова оставила Блэка. Журнал *Econometrica* не принимал решение о публикации в течение восемнадцати месяцев. Произошло ли это потому, что редакция должна была переправлять статьи, полученные от европейских авторов, от профессора Рагнара Фриша ответственному редактору в Чикаго, или по иной причине, я не знаю. Когда же решение было принято, то оно имело очень странный характер, как свидетельствует письмо ответственного редактора от 24 мая 1951 года. В письме говорилось, что он готов рекомендовать их статью к публикации, «если в статье будут четко обозначены взаимосвязи с последней монографией Эрроу». Монография Кеннета Эрроу «Коллективный выбор и индивидуальные ценности» была опубликована в 1951 году, незадолго до написания письма ответственного редактора. Очевидно, что это предложение Блэку и Ньюингу пересмотреть свою статью, которая была написана и отправлена для публикации в 1949 году так, чтобы связать ее с книгой, которая только что появилась в 1951 году (и которую они даже не видели), было совершенно неприемлемым. Они забрали свою рукопись из редакции *Econometrica*, и она была опубликована Уильямом Ходжем в 1951 году в виде брошюры в пятьдесят девять страниц под новым заглавием — «Решения комитета с дополнительной оценкой».

Блэк узнал, что Борда и Кондорсе во Франции XVIII века писали о теории выборов, и он использовал визит в Британский музей в конце 1948 года, чтобы выяснить об этом больше. Решив провести более глубокое исследование, он отправился в Париж весной 1949 года и собрал больше информации об этих французских авторах и о Лапласе, который также писал на эту тему. Естественно, что он попытался обнаружить, есть ли у него британские предшественники. Вскоре он натолкнулся на работы Э.Дж. Нансона. Его поиск английских авторов был вознагражден еще более щедро, когда в 1951 году он обнаружил тот вклад, который Льюис Кэрролл внес в теорию комитетов. Льюис Кэрролл проявил необыкновенное понимание анализа и умение с ним обращаться, ему было известно о существовании циклического большинства и проблемы дополнительной оценки, он даже применял матричное представ-

ление, которое Блэк использовал по совету Ньювинга. Методичное исследование Блэка привело также к открытию неизвестных ранее связанных с Кэрроллом документов.

Теория комитетов Блэка была разбросана по журнальным статьям, опубликованным в США, Южной Африке и Канаде. Чтобы сделать свою теорию доступной большому числу читателей и прояснить взаимоотношения между различными ее частями, он решил написать книгу, которая должна была объединить идеи, развитые в этих статьях. В 1958 году благодаря поддержке философа Р. Б. Брэйтуайта и экономиста Е. О. Робинсона его книга «Теория комитетов и выборов» была опубликована в издательстве *Cambridge University Press*. Эта книга также содержала вторую часть, в которой рассказывалось о трудах Борда, Кондорсе и Лапласа во Франции и Льюиса Кэрролла в Англии. Он также перепечатал три памфлета Льюиса Кэрролла, посвященных теории комитетов.

Британские ученые не были готовы воспринять взгляды Блэка. Мы видели, что когда он послал свои первые четыре статьи о теории комитетов в английские журналы, то они были отвергнуты. Он не смог опубликовать свою книгу 1947 года. Такая реакция отражала общее отношение. Я могу на основе своего собственного опыта свидетельствовать, что работа Блэка считалась эксцентричной и рассматривалась как попытка использовать математический анализ в таких областях, для которых он совершенно не подходит. Даже я был не более проникновенен, чем другие. Я разделял общий скептицизм. Только после того, как я, остановившись у Блэка в Северном Уэлсе, провел с ним вечер, во время которого он объяснил мне аргументацию брошюры, написанной им вместе с Ньювингом, я понял, насколько мощными были развиваемые им идеи. По причине моей недостаточной математической подготовки я никогда бы не приобрел такого понимания теории Блэка путем чтения его статей. Это указывает на другую причину, почему его коллеги в Британии не смогли осознать важность работы, которой он занимался. В своих работах Блэк не шел на уступки читателям и представлял свои теории в строгой форме, которая, хотя и могла показаться адекватной физикам, снижала их шансы оказать влияние на его британских коллег. Тем не менее именно приверженность Блэка сложным научным идеям, хотя

и сделала его несклонным потакать слабостям читателей, придала ему ту внутреннюю силу, которая позволила ему упорно стоять на своем, несмотря на отсутствие поощрения со стороны других.

Но и в этот раз Новый Свет был снова призван исправить ошибки Старого. В США работа Блэка вызвала гораздо больший интерес, чем в Британии. В 1962 году Блэк стал приглашенным профессором экономического факультета в Университете Виргинии, а в 1963 году — приглашенным профессором факультета политической науки в Университете Рочестера. После того как в 1968 году он вышел на пенсию с кафедры экономики в Бангоре, он много раз по разным поводам посещал Соединенные Штаты. Он был научным сотрудником в области права и экономики в Школе права Университета Чикаго в 1968–1969 годах, а в 1970–1971 годах — научным сотрудником Национального научного фонда (National Science Foundation) экономического факультета Виргинского политехнического института. Он был приглашенным профессором факультета политической науки Университета Чикаго в 1969, 1972, 1973 и 1976 годах, а также был приглашенным профессором факультета политической науки Университета штата Мичиган в 1971–1973, 1975 и 1976 годах. Эти назначения были для него неиссякаемым источником удовлетворения, что в особенности верно в отношении его визитов в Университет штата Мичиган, где он стал чувствовать себя совершенно как дома. Во всех этих учреждениях он нашел то, чего у него не было в Британии, — коллег, которые симпатизировали его работе, и заинтересованных в его подходе аспирантов, преподавание которым доставляло ему удовольствие. В 1981 году Центр изучения общественного выбора в Блэксбурге, Виргиния, издал в честь Дункана Блэка сборник статей под редакцией Гордона Таллока под заглавием «На пути к науке о политике» (Toward a Science of Politics). В том же самом 1981 году Дункан Блэк был избран почетным зарубежным членом Американской академии искусств и наук (American Academy of Arts and Sciences).

При всем том удовлетворении, которое доставляло Дункану Блэку его признание в США, отсутствие интереса к его работе в Британии несколько его огорчало. Поэтому источником чрезвычайного удовольствия для него стало избрание в 1989 году, в возрасте восьмидесяти одного года, в Британскую академию по только что созданной катего-

рии старших членов. До этого времени вновь избранные члены Академии не должны были быть старше семидесяти лет (за исключением почетных членов). Новая категория позволяла теперь избирать тех ученых, работа которых была недооценена, когда им было семьдесят, что совершенно верно в отношении Дункана Блэка в Британии. В объявлении Академии об избрании Блэка говорилось о его «пионерной работе в области сферы действия налогов» и его «ключевой роли как основоположника современной теории общественного выбора».

После выхода на пенсию Блэк переехал в Кембридж, где в 1977 году ему был нанесен жестокий удар смертью жены, Альмут, которая никогда не жалела усилий, чтобы оказать ему поддержку. Позднее он переехал в Пейнтон, Девон, где скончался в январе 1991 года. Дункан Блэк до самой своей смерти продолжал научную работу, посвящая большую часть своего времени чтению и письму, «одиноким разум, вечно блуждающий по неизведанному морю мысли»⁹. Плоды этой постоянной научной работы для нас не потеряны. Бумаги Блэка должны быть переданы на хранение в его альма-матер, Университет Глазго. Они станут источником по крайней мере для двух (а возможно, четырех) книг, которые будут опубликованы издательством *Kluwer Academic Publishers*. В первой книге будут переизданы «Теория комитетов и выборов» и «Решения комитета с дополнительной оценкой». В книге будут содержаться переработанные в соответствии с комментариями Дункана Блэка версии этих работ, а также несколько опубликованных и неопубликованных статей. Редактором будет Уильям Райкер из Университета Рочестера. Вторая книга будет содержать работу Дункана Блэка о Льюисе Кэрролле. Она будет редактироваться Иэном Мак-Лином из Университета Уорика. Кроме того, могут выйти и другие книги, основанные на ранее не публиковавшихся рукописях. Таким образом академический мир сможет осознать широту и мощь идей Дункана Блэка.

Я не могу закончить, не сделав несколько личных замечаний о своем старом друге. Он был человеком чрезвычайной простоты, скромности и совершенной честности, добросовестным и полностью посвятившим себя науке уче-

9. Строка из поэмы У. Вордсворта «Прелюдия». — *Примеч. пер.*

ным. Знать его — значило любить его. Большую часть своей жизни он провел в Англии, но неизменно сохранял свою любовь к Шотландии. В письме, которое я получил примерно за неделю до его смерти, он говорил о планах еще раз посетить Обан и старый туристический лагерь будущим летом. Если бы он узнал, что его бумаги будут храниться в Университете Глазго, он бы получил наивысшее удовольствие. У него была и другая любовь — крикет. В молодости Дункан Блэк был замечательным отбивающим и играл за крикетный клуб Мотеруэлла. Он сохранял большой интерес к этой игре до самой своей смерти. В своем завещании он оставил свою долю квартиры в Кембридже и дома в Пейнтоне, а также другую свою собственность крикетному клубу Мотеруэлла.

Глава 14

Джордж Стиглер¹

«ЕСЛИ БЫ я был знаком с Давидом Рикардо, то мне было бы проще понять написанные им труды», — так говорил Джордж Стиглер. Я встречался с ним множество раз по разным поводам, но хорошо познакомиться нам удалось только после того, как в 1964 году я вошел в состав преподавателей Чикагского университета. В результате я стал лучше понимать его труды и больше им восхищаться. Хотя я по-прежнему неспособен понять, как это ему удастся. Но это не имеет значения. Прочитируем Джорджа Стиглера еще раз: «Незаурядный разум и его плоды должны быть наиболее завораживающими научными объектами». И я был очарован. Мне бы хотелось иметь литературный талант, чтобы описать Джорджа Стиглера как человека: его приветливость и доброту, его честность и веселость — все те качества, которые накладываются на его внутреннюю серьезность, но не скрывают ее. В этом эссе я чувствую себя способным только на то, чтобы описать работу Джорджа Стиглера как экономиста, но и это немало.

Джордж Стиглер родился в 1911 году в Рентоне, пригороде Сиэтла, штат Вашингтон, но был, очевидно, предназначен для Чикагского университета. В своей автобиографии он рассказывает нам о том окольном пути, который привел его сюда. Сначала он поступил в Вашингтонский университет, где среди изучаемых им предметов были курсы по менеджменту, такие как принципы экономики недви-

1. Ранее опубликовано в: *Remembering the University of Chicago*, Edward Shils, ed. (Chicago: University of Chicago Press, 1991), p. 469–478. © 1991 by The University of Chicago. Здесь в значительной степени воспроизведена моя статья: «George J. Stigler: An Appreciation», *Regulation* (November–December 1982), и я благодарен Институту Катона за разрешение это сделать. Когда эта статья была впервые опубликована в 1991 г., было трудно себе представить, что еще до конца года Джордж Стиглер скончается. Но это случилось. В результате экономическая наука понесла тяжелую потерю, а жизнь тех, кто его знал, стала беднее.

жимости. Окончив университет в 1931 году, когда экономические условия давали ему немного шансов применить эти принципы на практике, он получил стипендию в Северо-Западном университете, где получил в конце года степень МВА. Вернувшись в Вашингтон на следующий год, он принял решение, которое открыло ему возможности для всех его последующих достижений: он поступил в аспирантуру Чикагского университета, поскольку его учителя в Вашингтонском университете сообщили ему, что в Чикаго работают такие замечательные экономисты, как Фрэнк Найт и Якоб Винер. Они были правы. Он учился у них обоих, но именно Найт, под руководством которого он подготовил свою диссертацию, оказал на него наибольшее влияние. Найт передал ему свое видение экономики и поспособствовал еще большему усилению того качества, которое у Джорджа Стиглера должно было быть врожденным, — его любви к науке.

Первое академическое назначение Стиглер получил в Университет штата Айова в 1936 году. В 1938 году он перешел в Университет Миннесоты и оставался там до 1946 года. События, последовавшие в 1946 году, не к чести руководства Чикагского университета. Экономический факультет предложил Джорджу Стиглеру профессорскую должность, но она должна была быть утверждена центральной администрацией. После встречи с президентом Эрнестом Колвеллом его кандидатура была отклонена, под тем предлогом, что его работы слишком эмпиричны. Колвелл был деканом Богословской школы. Даже если признать, что теология является дисциплиной, в которой осторожность и вера объединяются, чтобы воспрепятствовать эмпирической проверке доктрин, это решение Колвелла все же сложно понять. В результате Стиглер отправился в Университет Брауна, а затем присоединился к сильному экономическому факультету Колумбийского университета.

Отклонение кандидатуры Стиглера не стало совершенным провалом для Чикагского университета, поскольку оно сделало возможным назначение Милтона Фридмана на профессорскую должность. Пожалуй, администрация университета не согласилась бы с таким выводом, но, как высказывался сам Джордж Стиглер, поскольку это позволило Фридмену перейти в Чикаго, провал при назначении в 1946 году, возможно, может считаться «моей самой большой услугой Чикаго». Однако Джордж Стиглер не был

окончательно отвергнут Чикагским университетом, поскольку «неисповедимы пути Господа и дивны Его дела». В 1936 году Чарльз Уолгрин забрал свою племянницу из Чикагского университета, потому что он был проинформирован, что там преподают свободную любовь и коммунизм. Мне ничего неизвестно о преподавании коммунизма в университете, но, вероятно, мистер Уолгрин был бы успокоен, если бы узнал, что чикагский подход не предполагает существования такой вещи, как свободная любовь. По прошествии времени, однако, мистер Уолгрин убедился, что был неправильно проинформирован, и щедро компенсировал принесенный ущерб, учредив кафедру для изучения американских институтов. По неизвестным мне причинам эта кафедра много лет оставалась никем не занятой. Затем, в 1956 году, деканом Высшей школы бизнеса стал Аллен Уоллис, который учился вместе со Стиглером в Чикаго в 1930-е годы, был его близким другом и способным администратором. В 1958 году Уоллис предложил Стиглеру кафедру Уолгрина, и так он был в конечном итоге приглашен на свою духовную родину. Здесь он стал редактором *Journal of Political Economy*, учредил знаменитый семинар по теории отраслевых рынков, а позднее, в 1977 году, основал Центр изучения экономики и государства и стал его директором. В 1982 году ему была присуждена Нобелевская премия в области экономической науки.

Шведская академия наук обосновала награждение Стиглера Нобелевской премией его «новаторскими исследованиями промышленных структур, функционирования рынков, причин и результатов государственного регулирования». Это действительно так. Но эта цитата, с ее длинным описанием работы Стиглера, дает неправильное представление о характере его вклада в экономическую науку. Круг его научных интересов широк. Он одинаково чувствует себя как дома в области истории идей, экономической теории и исследования политики. Еще более примечательно разнообразие подходов, с помощью которых он анализирует проблемы; от упорядоченности высокой теории он переходит к афористичности и детальному статистическому анализу, в этом смешении методов он напоминает «утонченность и красочность» Эджуорта. Благодаря своей магии Стиглер приходит к выводам, которые одновременно являются неожиданными и важными. Даже те, у кого есть сомнения по поводу его выводов, найдут, что

изучение его аргументации расширяет их собственное понимание обсуждаемой проблемы и выявляет те ее аспекты, которые ранее были скрыты. Стиглер никогда не занимается предметом, одновременно не просвещая его. Свои взгляды он выражает в уникальном стиглерианском стиле, пронизательном, живом и приправленном остроумием. Его трудами легко восхищаться, их чтение приносит удовольствие, а имитировать их невозможно. Он человек *sui generis*². С возрастом бесконечное разнообразие Джорджа Стиглера не увядает и не лишается новизны.

В своем обосновании Шведская академия наук не упоминает исследования Стиглера в области истории экономической мысли, но и здесь он, по моему убеждению, проявил себя самым лучшим образом. Его первая книга «Теории производства и распределения» (1941), которая обнаруживает влияние его великого учителя, Фрэнка Найта, полностью посвящена этому предмету. В этой работе Стиглер высказывает критические замечания, которые, как он справедливо подозревает, кое-кто сочтет слишком критическими, о теоретическом анализе в работах великих экономистов, работы которых он исследует, но, разумеется, поскольку это Стиглер, он заканчивает собственным существенным вкладом в экономическую теорию. Этот интерес к истории экономической науки и к людям, которые ее развивали, сохранялся у Стиглера и в дальнейшем; такие статьи, как «Развитие теории полезности» или «Совершенная конкуренция: исторический ракурс» (перепечатанные в его «Эссе по истории экономической науки» [1965]), представляют пример мастерской трактовки своего предмета.

Свои обширные познания в истории экономической науки Стиглер также использовал для исследования более общих вопросов, в частности в попытке обнаружить силы, которые управляют развитием самой экономической теории. Поражает основное положение его эссе «Влияние исторических событий и политики на экономическую теорию» (оно также переиздано в книге 1965 года). Он доказывает, что «ни популярные экономические проблемы, ни героические события не оказывают большого влияния на развитие экономической теории... Доминирующее влияние на рабочее пространство экономистов-теоретиков оказывает на-

2. *Sui generis* (лат.) — единственный в своем роде, своеобразный. — Примеч. пер.

бор внутренних ценностей и неотложных проблем самой дисциплины». Подобным образом, в Таннеровских лекциях, прочитанных в Гарварде в 1980 году и опубликованных в работе «Экономист как проповедник и другие эссе» (1982), он доказывает, что «экономисты не склонны занимать те политические позиции, которые актуальны в настоящее время и часто обсуждаются... Типичная статья в профессиональном журнале не связана с государственной политикой, а часто кажется не связанной и с реальным миром. Мне неизвестно, растут или сокращаются объемы деятельности по политическому консультированию, но такая деятельность не составляет основной заботы профессиональных экономистов».

Утверждение о том, что на развитие экономической теории не оказывают существенного влияния текущие события в экономическом мире и что работа экономиста-теоретика не слишком связана с экономической политикой, может показаться, на первый взгляд, не совсем правдоподобным, но я убежден, что заключения Стиглера в основном верны. Хотя можно было бы предположить, что знания Стиглера в истории экономической науки в основном используются в его исторических исследованиях, они также всегда оказывают воздействие на его анализ, независимо от того, какой предмет рассматривается. В отличие от большинства современных экономистов, его исследования экономических проблем всегда обогащены знанием трудов предшествующих экономистов.

Большинство академических экономистов знают Стиглера прежде всего как автора очень успешного учебника, посвященного тому, что сейчас называется микроэкономикой. Он впервые появился в 1942 году под названием «Теория конкурентной цены», но в последующих изданиях заглавие было изменено на «Теория цены» (издание 1946 года и пересмотренные издания 1952, 1966 и 1987 годов). Несмотря на многочисленные изменения, переделки и замены от одного издания к другому, в своей основе книга осталась неизменной. Однако, должно быть, многие сожалеют об исчезновении иллюстраций, которые можно найти в издании 1946 года, такие как чрезвычайно занятное описание трудностей достижения эффективного ценового сговора между пекарями в Иллинойсе. Это непростой текст, но он очень хорошо подходит тем, кто серьезно намеревается изучить экономическую теорию. Учебник, однако, это не лучшее

место для демонстрации нововведений в экономический анализ, и, несмотря на то что там есть несколько очень стиглерианских отрывков, особенно в последних изданиях, Шведская академия, несомненно, была права, проигнорировав эту книгу при описании того вклада Стиглера в экономическую науку, за который была присуждена премия. В «Теории цены» рассматриваются те темы, наличие которых можно ожидать в учебнике по теории цены, и даже анализ, который там используется, является, во многих аспектах, достаточно общепринятым. Конечно, как и во всех его работах, изложение Стиглера живо и приправлено остроумием, но это не те качества, за которые присуждается Нобелевская премия.

Особенного поощрения, по мнению Шведской академии, заслуживают работы Стиглера в области теории отраслевых рынков и экономики регулирования. В экономической теории предметом теории отраслевых рынков является изучение рыночных процессов и отраслевой структуры. Однако по причинам, которые мне до конца не понятны, особое внимание в этой области уделяется «проблеме монополии», а конкретнее, в случае США, проблемам, которые ставятся администрированием антитрестовского законодательства. Последствия этого не слишком благоприятны для экономической теории. Концентрируясь на проблеме монополии при рассмотрении экономической системы, которая в широком смысле является конкурентной, экономисты направили свое внимание в неправильном направлении, в результате чего многие характерные черты нашей экономической системы остались необъясненными или получили весьма неполноценное объяснение. Результаты связи с администрированием антитрестовского законодательства были еще более плачевны, поскольку эта связь ввела в экономическую теорию тот неточный (если можно так выразиться) анализ, который изобилует в решениях судебных органов при рассмотрении антимонопольных дел.

Большая часть статей Стиглера по теории отраслевых рынков (переизданных в книге «Организация промышленности» [1968]) посвящена монополии и антимонопольной политике. Однако он преодолевает слабость основной части дискуссий по этой проблеме путем обширного использования эмпирических данных (как в статье «Экономические эффекты антитрестовского законодательства»), применения более точного и проникательного анализа (как

в статьях «Цена и неценовая конкуренция» или «Теория олигополии») и обсуждения интересных и важных проблем (как в статье «Разделение труда ограничено размерами рынка»). Тем не менее, хотя анализ осуществляется на более высоком уровне, чем обычно, все же затрагиваемые проблемы остаются теми же самыми, что и обыкновенно рассматриваются под заглавием «промышленная организация». Но Стиглер не похож на других. В книге «Теория отраслевых рынков» (*Industrial organization*) можно найти статью совершенно особого рода, которая, подобно горе, возникшей в результате извержения вулкана, стоит одиноко, контрастируя с окружающим пейзажем. Это — статья «Экономика информации», справедливо рассматриваемая как самый важный вклад Стиглера в экономическую теорию, неудивительно, что она была особо отмечена Шведской академией.

Стиглер начинает с того, что в любой данный момент времени существует разброс цен, запрашиваемых разными поставщиками за один и тот же товар или услугу. Те, кто пожелает определить самую низкую цену, будут вовлечены в процесс, называемый Стиглером поиск. Чем больше продавцов будет опрошено потребителем, тем меньшую цену он может ожидать заплатить. Но поскольку поиск связан с издержками и предельные выгоды от увеличения количества опрошенных продавцов стремятся к понижению, то должен существовать оптимальный объем поиска для каждого покупателя. Этот вывод не лишает силы и тот факт, что распределение цен будет зависеть от объема поиска, осуществляемого покупателями. Конечно, существуют способы сокращения затрат на поиск — с помощью локализации, рекламы, специализированных торговцев, фирм, которые собирают и продают информацию, и т. д. Этот анализ способствует значительному освещению функций подобных предпринимательских организаций и того, как работает конкурентная система. Особенно важно то, что он способствует лучшему пониманию роли рекламы как поставщика информации. Но этот анализ имеет еще более широкие последствия. Как подчеркивала Шведская академия, «таким явлениям, как жесткость цен, колебания сроков поставки, формирование очередей и недоиспользование ресурсов, представляющим собой характерные черты рыночного процесса, может быть дано строгое объяснение в рамках базовых экономических предпосылок». Эконо-

мисты начали изучать последствия, которые может иметь применение анализа Стиглера, и можно ожидать, что подобные исследования будут продолжены, что принесет значительные выгоды развитию экономической науки.

Хотя Стиглер уже писал о контроле ренты и о законодательстве о минимальной заработной плате в 1940-х годах, статьи по экономике регулирования он стал писать только в 1960-е годы, они были переизданы (вместе с некоторыми, ранее не изданными эссе) в книге «Гражданин и государство» (1975). Три статьи на эту тему появились в 1964 году. В конце этого года Стиглер сделал президентское послание Американской экономической ассоциации на тему «Экономист и государство». Его основной посыл состоял из двух частей. Во-первых, экономисты, являлись ли они сторонниками ограничения государственного вмешательства или его расширения, без колебаний высказывали свои мнения о том, какова должна быть роль государства в экономических делах, даже не пытаясь провести сколько-нибудь серьезное изучение последствий государственного вмешательства и не проводя сравнительного исследования результатов, которые могут быть достигнуты государственными и частными предприятиями. Во-вторых, теперь в нашем распоряжении есть количественные методы, чтобы исследовать подобные вопросы. «Эпоха количественных методов теперь в полном расцвете... экономическая теория вступила на порог своего золотого века». Сам Стиглер к тому времени уже выпустил обширное количественное исследование, свою книгу «Капитал и рентабельность в машиностроительной промышленности», опубликованную в 1963 году. В контексте своего президентского послания Стиглер призывал к изучению последствий регулирования с использованием количественных методов.

Не нужно далеко ходить, чтобы увидеть, что он имел в виду. Ранее в 1964 году Стиглер опубликовал результаты количественного исследования воздействия регулирования на тарифы на электроэнергию (написанного в соавторстве с Клер Фридланд). Исследование не смогло обнаружить наличия существенного воздействия. Кроме того, в том же самом году, в ходе рассмотрения доклада о регулировании рынка ценных бумаг, Стиглер сравнил результаты инвестирования в новые ценные бумаги до и после создания Комиссии по ценным бумагам и биржам (Securities and Exchange Commission). Существенной разницы обнаружено

не было. В последующие годы было проведено огромное количество подобных исследований, в которых изучались последствия регулирования самого широкого спектра различных видов экономической деятельности. На некоторые из них напрямую повлияли работы Стиглера. Другие, несомненно, были задуманы и выполнены независимо. Результаты этих исследований были одинаково удручающими. Либо, как в исследованиях Стиглера, не было обнаружено никакого воздействия регулирования, либо, когда такое воздействие было обнаружено, оказывалось, что оно приводит к ухудшению положения вещей. При наличии регулирования цены были выше, товары в меньшей степени соответствовали запросам потребителей, а конкуренция была ограничена.

Примерно двадцать лет назад большинство экономистов, под влиянием работ Пигу и других, считали, что правительство готово исправить положение в любом случае, когда результаты работы рынка несовершенны в том или ином отношении. Это приводило их к поддержке расширения государственного вмешательства. Исследования, которые были проведены после этого, показали, насколько губительны обычно бывают последствия регулирования. Стало трудно выдвигать правдоподобные доводы в пользу того, что болезни общества могут быть излечены государственным регулированием, что привело к соответствующему изменению воззрений большинства экономистов. Стиглер сыграл важную роль в процессе этого изменения мировоззрения.

Но Стиглер не удовлетворился простым исследованием воздействия регулирования. Он стал задаваться вопросом, почему регулирование именно таково, каково оно есть, и это привело его к анализу работы политической системы. Он использовал для этого экономический подход, рассматривая политическое поведение как направленное на максимизацию полезности, политические партии — как фирмы, поставляющие регулирование, а само регулирование — как то, на что есть спрос у тех групп (или коалиций), которые способны предложить более выгодные условия на политическом рынке. Предложение каждой группы зависит от того, насколько выгоды, которые доставляет регулирование, превышают издержки на организацию политического действия. На практике самая высокая цена будет, скорее всего, предложена теми, кто связан с регулируемыми отрас-

лями, и неудивительно поэтому, что обнаруживается, как это определяется Стиглером, что регулирование «разрабатывается и осуществляется в основном в их интересах». Исследованию взаимосвязи между политическим поведением и экономической системой очень помогло создание Джорджем Стиглером в 1977 году Центра изучения экономики и государства. В результате было опубликовано множество статей талантливых экономистов, ставших сотрудниками центра, которые впоследствии оказали значительное воздействие на представление экономистов о регулировании. Принятие подхода Стиглера (а его, или его вариации, стали разделять многие экономисты) изменит способ рассмотрения экономистами государственного регулирования, поскольку он означает, как это подчеркивает Шведская академия, что «законодательство является теперь не „экзогенной“ силой, которая воздействует на экономику извне, а „эндогенной“ частью самой экономической системы».

Но, на мой взгляд, существует проблема того, насколько политическое поведение может быть объяснено таким образом. Когда я вижу, что люди, которые вовлечены в политическую деятельность, путем ли голосования в парламентской системе или участвуя в политических (включая революционные) движениях, с энтузиазмом поддерживают такую политику, которая, по всей видимости, с очень большой вероятностью повредит их странам или даже их уничтожит, а возможно, нанесет вред им самим, то мне трудно поверить в то, что для такого поведения подходит описание в терминах максимизации полезности. Однако это не означает, что в некоторых областях, и в особенности в тех, которые представляют наибольший интерес для экономистов, подход Стиглера не может иметь значительной объяснительной силы. И я думаю, что он ее имеет. Шведская академия с осторожностью высказывается о его анализе причин регулирования: «Пока еще слишком рано оценивать конечную сферу его распространения». Но в любом случае мы не должны оценивать ценность вклада экономиста на основе определения того, будет ли в конечном итоге признана его правота профессиональным сообществом. Все теории будут со временем вытеснены другими, и все будут в конечном итоге считаться ошибочными (или неполными, или бесполезными). Имеет значение только то, способствовал ли этот вклад продвижению науки вперед, заставил ли он нас осознать те возможности, которыми ранее прене-

брегали, и открыл ли новые и плодотворные направления исследований. Очевидно, что вклад Стиглера соответствует этому условию.

В начале этого эссе я сказал, что, поскольку я знаком с Джорджем Стиглером, я лучше понимаю его труды. У тех, кто не был с ним знаком, есть способ исправить этот недостаток. В 1988 году была опубликована автобиография Джорджа Стиглера «Воспоминания нерегулируемого экономиста». В ней он рассказывает историю своего интеллектуального развития и с ясностью, честностью и шармом излагает свои основные позиции. Чтение этой книги — лучшая замена личному знакомству.

Маршалл определил классического экономиста как того, кто «формой или смыслом своих слов или действий... определил или указал идеи, имеющие определяющее значение для мысли или духа, которые в некоторой степени являются его собственными и которые, родившись однажды, никогда не умирают, но непрерывно делают свою работу во вселенной, будучи закваской нового». Если использовать определение Маршалла, Джордж Стиглер — это классический экономист.

Глава 15

Экономическая наука в LSE в 1930-е годы: личный взгляд¹

ЛАЙОНЕЛ РОББИНС, Фридрих Хайек или Джон Хикс могли бы полнее описать состояние экономической науки в Лондонской школе экономики (London School of Economics — LSE) в 1930-е годы. В конце концов, именно они в это время внесли основной вклад в развитие экономического анализа в LSE. Я же был студентом, а позднее младшим сотрудником и не в полной мере осознавал происходящее. Кроме того, хотя я и был назначен в департамент экономики LSE, но степенью, которую я получил, была степень бакалавра коммерции (B. Com), в студенческие годы и позднее я более тесно сотрудничал с Арнольдом Плантом, чем с Роббинсом. Я могу предоставить некоторую информацию о состоянии экономической науки в LSE в 1930-е годы, но мое описание неизбежно будет неполным.

Я был студентом LSE с 1929 по 1931 год, а промежуточные экзамены на степень бакалавра коммерции сдал экстерном еще в школе. 1931/32 учебный год я провел, по стипендии Касселя, на научные поездки в США, где моя работа курировалась Плантом. Этот год был засчитан мне как третий год пребывания в LSE, что требовалось для получения степени, но это правило интерпретировалось достаточно вольно. С 1932 по 1934 год я был младшим преподавателем в Школе экономики и коммерции в Данди, а в 1934–1935 годах — в Ливерпульском университете. Младшим преподавателем в LSE я был назначен в 1935 году. Хотя я и не работал в LSE с 1931 по 1935 год, моя связь с LSE никогда не прерывалась.

В США я работал под научным руководством Планта и во время моего там пребывания вел длинную и объемную

1. Перепечатано с разрешения из *Atlantic Economic Journal* (1982), p. 31–34. Эта статья была представлена на 11-й ежегодной конференции Атлантической экономической ассоциации (Atlantic Economic Association), проходившей 14–21 августа 1981 г. в Лондонской школе экономики.

переписку со своим другом и однокурсником Рональдом Фаулером, который был назначен в департамент коммерции и информировал меня о событиях в LSE. Когда я работал в Данди и Ливерпуле, то проводил свои каникулы в LSE, сотрудничая с Рональдом Фаулером при исследовании свиноводческого цикла, и имел общее представление о том, что происходило. Однако я не присутствовал на семинарах, которые проводились в LSE на протяжении периода 1931–1935 годов. Начиная с 1935 года я, конечно, напрямую участвовал в жизни LSE.

В конце 1920-х годах, когда я начал изучать экономику, исследователи использовали достаточно грубый, по современным стандартам, аналитический аппарат, хотя он и был вполне пригоден для обсуждения многих экономических проблем. «Спрос и предложение» Х. Д. Хендерсона и «Богатство» Эдвина Кеннана дают хорошее представление о том, что было в распоряжении студентов в то время. Однако даже авторитетным экономистам не хватало инструментов для решения многих проблем, как это демонстрирует дискуссия о теории цен в *Economic Journal* 1920-х годов. В 1930-х произошло значительное усовершенствование доступных экономистам аналитических инструментов. Я могу привести пример. Меня учили рассматривать предельные издержки как издержки предельной фирмы, и однажды, в 1931 году, я выразил Планту недовольство таким положением вещей. Он ответил, что возможно лучше думать об этом в терминах издержек дополнительной единицы выпуска всех фирм. Исходя из этого намек, мы с Фаулером построили графики предельных издержек и работали над их соотношением с графиками средних издержек. Затем, изучив приложения к «Экономической теории благосостояния», мы обнаружили, что Пигу сделал это первым. Однако, хотя в нашем распоряжении и была концепция предельных издержек, у нас не было предельного дохода.

Я помню, что, когда Фаулер рассказывал мне в письме 1932 года о лекциях, которые тогда Хикс читал в LSE, и ссылался на график предельного дохода, я не мог понять, о чем он говорит; равным образом загадочной мне показалась статья Теодора Интемы 1928 года (на которую он также ссылался). Разумеется, все это изменилось в 1933 году, с появлением «Экономической теории несовершенной конкуренции» Джоан Робинсон и «Теории монополистической

конкуренции» Эдварда Чемберлина, и у нас появилась возможность покрыть классные доски самой изощренной геометрией. Тем не менее эта история иллюстрирует относительно слаборазвитое состояние экономического анализа в начале 1930-х годов.

В LSE в 1930-е годы экономисты были очень восприимчивы по отношению к новым идеям. Этим мы во многом обязаны Хайеку. Сегодня он знаменит прежде всего такими своими работами, как «Дорога к рабству» и «Конституция свободы». Но в то время, когда эти книги еще не появились, важная роль, которую он играл в LSE в начале 1930-х, заключалась в поощрении точности нашего мышления и расширении нашего видения. Несмотря на свою скромность, Хайек оказывал значительное влияние благодаря своему глубокому знанию экономической теории, примеру, которые подавали его собственные высокие стандарты научной деятельности, а также силе его идей.

Чрезвычайно влиятельным также был Хикс. Роббинс рассказывает, что Хикс, назначенный в 1928 году, «три последующих года играл полезную, но не слишком выдающуюся роль в исполнении повседневных обязанностей по преподаванию студентам»². Этим Роббинс хочет сказать, что Хикс был неуспешным и неопытным преподавателем. Как студент, посещавший лекции Хикса, я могу подтвердить, что это было так. Сегодня кто-то может подумать, что причиной этого было то, что его лекции были слишком сложны для молодых студентов. Но это не так. Потому ли, что предметы, которые преподавались Хиксом, не слишком его интересовали, или по какой-то иной причине он не мог вдохновить свою студенческую аудиторию. Однако вскоре положение Хикса в LSE претерпело разительную перемену. В 1931 году, по настоянию Роббинса, частично потому, что у него была некоторая математическая подготовка, Хикс начал читать углубленные лекции по экономической теории, где он сразу же обнаружил свои выдающиеся способности как теоретик. Свой первый курс лекций по углубленной теории Хикс читал вместе с Р. Алленом. Аллен, который преподавал статистику и математическую экономику, будучи высококвалифицированным математиком, не отвергал тех, кто таковым не был, и он

2. Lionel Robbins, *Autobiography of an Economist* (London: Macmillan, 1971), p. 129.

сыграл важную роль в содействии движению к теоретической строгости в LSE.

Основными темами, которые рассматривались Хиксом в его курсе, были сравнение анализа Лозаннской школы с методами Альфреда Маршалла и изучение теории предельной производительности (очевидно, там он представлял свои идеи, которые позднее появились в «Теории заработной платы»). Несколько последующих лет Хикс читал лекции по теории монополии, экономике неравновесия, теории валютного курса, теории риска и страхования, теории ценности, экономической динамике, а также давал общий углубленный курс по экономической теории, которая описывалась как нематематическая трактовка теорий общего равновесия Вальраса и Парето.

Роббинс говорит, что если «Хайеку необходимо приписать привнесение австрийской и викселлианской мысли в Школу, то введение Вальраса и Парето должно быть связано преимущественно с Хиксом»³.

Неспособность LSE содействовать повышению Хикса и предупредить его переход в Кембридж в 1935 году была большой ошибкой, которая, согласно Роббинсу, была связана с «глупой враждебностью [сэра Уильяма] Бевериджа к чистой теории»⁴. После ухода Хикса лекции по углубленной теории читали Роббинс и Хайек, а также Абба Лернер и Никки Калдор, но значительная сила была утрачена.

Теперь я перехожу к самой влиятельной фигуре — Лайонелу Роббинсу. Эдвин Кеннан ушел с поста профессора политической экономии в 1927 году, а Эллин Янг, назначенный на его место, скоропостижно скончался в 1929 году. Роббинс был назначен, чтобы заполнить этот пробел при активной, которая возможно стала решающей, поддержке Хью Далтона, и так он стал профессором в LSE в 1929 году, том же самом году, когда я поступил в LSE в качестве студента. Назначение Роббинса встретило противодействие из-за его возраста — ему тогда было тридцать. Хайек был чуть моложе Роббинса, тогда как Хиксу в то время было двадцать шесть. Достижения LSE в 1930-е годы — результат труда группы очень молодых экономистов.

К сожалению, Роббинс в своей автобиографии очень мало говорит о развитии своих экономических воззрений,

3. Ibid.

4. Ibid.

хотя даже то небольшое, что там об этом сказано, имеет очень большое значение. В LSE Роббинс был учеником Кеннана, но очень рано его внимание привлекли труды континентальных и американских экономистов. Примечания в его работах этого периода показывают, насколько широким был круг его чтения. Назначение Хайека и поощрение Хикса отражали этот интерес к происходившему за пределами Британских островов развитию экономической науки.

Сам Роббинс способствовал развитию экономической науки в LSE при помощи своих лекций. В последующие за его назначением годы Роббинс прочитал множество курсов лекций по экономическому анализу, методологии и истории экономической мысли. Описание Роббинсом в каталоге Школы содержания и задач курса по сравнительной экономической теории раскрывает в значительной степени его собственное отношение:

В этом курсе в основном будут рассматриваться экономические теории предыдущих поколений, но мы попытаемся представить эти теории не как антикварный, но, скорее, как первичный материал, из которого в процессе уточнения и отсеивания развились современные экономические теории. Иными словами, его конечной целью будет подготовка путем отрицания к современному анализу.

Таким образом, в этом курсе Роббинс изучал экономистов прошлого не для того, чтобы у них научиться, а для того, чтобы понять, от чего в их работах следует отказаться, а что изменить для того, чтобы прийти к современному экономическому анализу. Чем современнее работы, тем они совершеннее.

Однако прямое влияние Роббинса на взгляды молодых экономистов в LSE осуществлялось через его курс «Общие принципы экономического анализа», который был в основном посвящен тому, что тогда называлось «ценность и распределение», а сейчас называется теорией цены или микроэкономикой. Кажется, Роббинс собирался опубликовать эти лекции, но, к сожалению, этого не произошло. В своей автобиографии Роббинс почти ничего не говорит об их содержании и характере. Поскольку экономическая теория не была моим основным предметом, я не посещал его лекций, за исключением одной или двух, на которых я присутствовал в основном для того, чтобы понаблюдать за преподавательским мастерством этого лектора. Одна-

ко я скопировал конспект этих лекций, который вела Вера Смит (позднее Вера Лутц), и так познакомился с тем, как Роббинс излагал материал. К сожалению, этот мой конспект был потерян, но Дункан Блэк также его скопировал и его копия сохранилась. Таким образом, у нас есть копия Дункана Блэка моей копии конспекта Веры Смит лекций Роббинса. Его фотокопия будет храниться в Библиотеке Регенштейна Чикагского университета.

Эти лекции представляют собой скорее не изложение собственной позиции Роббинса, а тщательное, элегантно и весьма систематичное описание идей других экономистов, которые Роббинс считал важными. Описание курса в каталоге Школы показывает, что после введения, посвященного эволюции экономической теории и характеру экономического анализа, Роббинс рассматривал статичное состояние экономической системы, начиная с теории ценности и обмена, затем переходил к теории производства и распределения, проводил сравнительное рассмотрение статичных состояний и заканчивал проблемами динамики.

Очевидно, что на структуру курса значительное влияние оказала книга «Риск, неопределенность и прибыль» Фрэнка Найта, хотя Роббинс, конечно, обсуждал работы гораздо более широкого круга экономистов, чем это делал Найт.

Стоит отметить, что двумя книгами, которые рекомендовались Роббинсом в качестве обязательного чтения, были «Здравый смысл политической экономии» Филиппа Уикстеда и «Риск, неопределенность и прибыль» Найта — весьма необычный выбор, который демонстрировал как независимость ума Роббинса, так и ясность его суждений. Эти две книги стали замечательной основой для формирования молодых экономистов в LSE, и, по моему убеждению, именно их тщательное изучение позволило нам так крепко держаться теории издержек, оставляя в стороне второстепенные факторы, что можно считать, как это подтверждает Джеймс Бьюкенен, особенностью подхода LSE.

Теперь я обращусь к вкладу Планта, о котором я могу говорить с некоторой уверенностью, поскольку был одним из его студентов. Плант был учеником Кеннана одновременно с Роббинсом, но не разделял восхищение Роббинса высокой теорией. Плант был прикладным экономистом, и основной круг его интересов включал то, что сейчас называется теорией отраслевых рынков. Те из нас, кто был с ним связан, проявляли большой интерес к экономиче-

ской теории, а значит, и к тем новым методам анализа, которые развивались в LSE и которые мы обсуждали с экономистами-теоретиками и между собой. Но главный наш интерес заключался в применении этого анализа для понимания работы реальной экономической системы. Исходя из этого, мне кажется, что Плант сохранил в своей преподавательской деятельности интерес Кеннана к институтам и его подход на основе здравого смысла, тогда как Роббинс работал в направлении, которое не имеет почти или вообще ничего общего с Кеннаном.

Плант интересовался проблемами собственности и провел важную работу по экономике патентов и авторских прав⁵. Возможно, самое важное воздействие Планта, насколько это затронуло меня, заключалось в том, что благодаря ему я осознал, что в деловой практике существует множество проблем, на которые у нас нет удовлетворительных ответов. У Планта было много способных студентов, среди них — Рональд Фаулер, Рональд Эдвардс, Артур Льюис, Артур Селдон и Базил Ямей, а его влияние было гораздо более значительным, чем это можно предположить на основе его собственных трудов или работы в LSE его современников. И это несмотря на то, что основным направлением работы LSE было развитие чистой теории, которая не входила в сферу интересов Планта.

Характерной особенностью LSE в 1930-е годы было то, что, хотя ее исследователи и придерживались твердых убеждений, у них не было даже намека на доктринерство, результатом чего была открытость к новым идеям. Новые идеи приходили в основном из Америки и с континента. Их происхождение не имело значения. Идеи быстро воспринимались и становились основой для дальнейшей работы, независимо от их источника. Экономисты в LSE не считали себя приверженцами Парето, Вальраса или австрийской школы, и, конечно, они не считали себя маршаллианцами. В Соединенных Штатах я слышал о том, что некоторые полагают, что до конца 1930-х годов английская экономическая наука ограничивалась в основном изучением Маршалла. В случае LSE это не так. Маршалл присутствовал в святцах, но лишь немногие из нас молились исклю-

5. Избранные статьи Планта, включая его работы о патентах и авторских правах, см. в: Sir Arnold Plant, *Selected Economic Essays and Addresses* (London: Routledge and Kegan Paul, in association with the IEA, 1974).

чительно ему. Маршалл был одним из многих изучаемых экономистов.

Как студент Планта я больше читал «Промышленность и торговлю», чем «Принципы», но нельзя сказать, что мы рабски принимали взгляды Маршалла. На самом деле, мы считали, что его представления об издержках непоследовательны, а его анализ деловых практик сомнителен. Достижение экономистов из LSE, прежде всего Роббинса, Хайека и Хикса, заключается в том, что они сыграли лидирующую роль в движении, которое, как мы это сейчас можем увидеть, было международным и которое стало началом, на счастье или беду, современной эпохи в экономической науке.

LSE была сообществом ученых. Интеллектуальная атмосфера там была исключительно благоприятной. Хотя учение Роббинса, Хайека и Планта побуждало студентов искать решения экономических проблем в частном предпринимательстве, в экономическом департаменте существовали и совершенно противоположные воззрения, которых придерживались, например, Абба Лернер, Бринли Томас и Эван Дурбин (мне кажется, что в то время Калдор еще не определился со своей позицией). Но в целом различие в политических воззрениях не препятствовало экономической дискуссии. Так, в 1930-е годы — годы массовой безработицы, годы, когда в России, Германии, Китае и других местах происходили кошмарные события, а самое страшное было впереди, мы проводили свое время в работе над нашей наукой, надеясь на ее улучшение.

Именной и предметный указатель

- Аллен, Р. Д. Д. (Allen, R. G. D.) 241
Амбиции 128
Американская революция (в интерпретации Смита) 104–109
Анализ издержки–выгоды 40–41
- Барнард, А. (Barnard, A.) 160
Бартер 10, 96
Бартли, Немения (Bartley, Nemeniah) 160
Beauharnis v. Illinois 76
Беккер, Гэри С. (Becker, Gary S.) 41, 46, 48–49
Бевридж, Уильям (Beveridge, William) 24, 215, 242
Бенталл, Джон — дядя Альфреда Маршалла (Bentall, John) 154, 166
Бенталл, Луиза — тетя Альфреда Маршалла (Bentall, Louisa) 155, 166–167
Бенталл, семейство 166–167
Бенхэм, Фредерик (Benham, Frederic) 219
Берри, Артур (Berry, Arthur) 198
Беспристрастный наблюдатель (Адама Смита) 30, 114–115, 118
Бишоп, Роберт Л. (Bishop, Robert L.) 25
Бог (в представлении Смита) 122–124
см. также *Природа*
«Богатство народов»
идея благожелательности в 129–132
об американской независимости 104–108
представление о человеческой природе в 127–128
разделение труда в 92–95
успех и влияние 89–91, 104
Благожелательность
в «Богатстве народов» 129–132
в «Теории нравственных чувств» 94, 116–119, 122, 129–132
в разделении труда 94–95
и собственный интерес 132
критика Смита идеи Хатчесона 121–122
упорядоченность в представлении Смита 116–119
Блэк, Дункан (Black, Duncan) 41, 216–225
Блэк, Маргарет Браун Муир — мать Дункана Блэка (Margaret Brown Muir) 212–213
Бонар, Джордж (Bonar, George) 215
Борда, Жан Шарль (Borda, Jean Charles) 223, 224
Боуи, Джеймс А. (Bowie, James A.) 215
Боулдинг, Кеннет Э. (Boulding, Kenneth E.) 39
Боули, А. Л. (Bowley, A. L.) 176–178, 199
Брэйтуайт, Р. Б. (Braithwaite, R. B.) 224
Бьюкенен, Джеймс (Buchanan, James) 41
Вест, Е. Г. (West, E. G.) 85, 89
Винер, Якоб (Viner, Jacob) 21–22, 39, 118–119, 123, 130, 133, 229
Выборов теория Дункана Блэка 216–225
Вэйзэй, Джон (Vaizey, John) 41
Гизелин, Майкл Т. (Ghiselin, Michael T.) 125
Гиббон, Эдвард (Gibbon, Edward) 40
Гилберт, Дж. К. (Gilbert, J. C.) 215
Гленни, Б. (Glennie B.) 158, 159

Государственная политика

взгляды экономистов на 54-73

воздействие экономистов

на 64-67, 72-73

на рынках идей и товаров 83-84

неэффективное проведение регулирующими организациями 70-73

См. также: *Государственное регулирование; Правительства роль*

Государственное вмешательство

на рынке идей и товаров 77-

78, 80, 84

условия, создающие спрос на 84-85

Государственное регулирование

анализ Смита контроля над ценами 58-59

в «Богатстве народов» 4, 58-59

вмешательство при помощи 236

возможности улучшения 71

возражения Адама Смита против 98, 101-102

исследования разработки 236-237

исследования результатов 70

исследования Ситглера о 235-236

как принятая политика 34

количественные методы исследования 67-69

образования 85

результаты 56-57

рекламы 75-76, 85

рынка идей 75, 85-86

рынка товаров 75

телерадиовещания 80-81, 85

Грегори, Теодор (Gregory,

Theodore) 204

Гуильбод, Клод — племянник Аль-

фреда Маршалла (Guillelbaud, Claude) 138, 142-143, 148, 164, 166, 188, 196

Гуильбод, Мабель Маршалл — се-

стра Альфреда (Guillelbaud, Mabel Marshall) 166

Далтон Хью (Dalton, Hugh) 242

Данди, Школа экономики (Dundee

School of Economics) 215-216

Данные

значение для экономического

анализа 49-50

необходимость для проверки

новой теории 27-28

нехватка 15

Даунс, Энтони (Downs, Anthony) 41

Демсец, Харольд (Demsetz, Harold) 3, 4

Деньги

в рыночной системе Адама

Смита 96

как измеритель 50

объяснение использования

с помощью транзакционных издержек 10-11, 96

Дермер, Ю. Ч. (Dermer, E. C.) 170

Децентрализация 4

Джевонс, У. Стенли (Jevons,

W. Stanley) 11, 64, 189

Джонс, Х. Беркли (Jones,

H. Berkeley) 169

Директор, Аарон (Director, Aaron)

76-78, 83

Дисциплины

объединяющие исследователей

факторы 39-40

определение границ 43-44, 46-47

Дружба

в отношении к кооперации

94-95

представление Адама Смита о 117-118

Дуглас, Уильям О. (Douglas,

William O.) 76

Дурбин, Эван (Durbin, Evan) 246

Жадность 128

Институты

управляющие процессом обме-

на 6, 10-14

экономическая теория как из-

учение 46

См. также: *Комитетов теория;*

Фирмы

Информации теория (Стиглера)

Истхэм, Дж. К. (Eastham, J. K.) 215

Калдор, Николас (Kaldor,

Nicholas) 24, 25, 242, 246

Кан, Ричард (Kahn, Richard) 23

- Кейнс, Джон Мейнард (Keynes, John Maynard)
 биография Альфреда Маршалла 137-144, 147-148, 149-150, 166
 о дяде Альфреда Маршалла Чарльзе 156-157
 отношение к Альфреду Маршаллу 195-196
 принятие теории 22-25
- Кейнс, Джон Невилл (Keynes, John Neville)
 Маршалл о его работе 191-192
 отношение к Маршаллу 175, 191
- Кейнсианская революция 22-25
- Кеннан, Эдвин (Cannan, Edwin)
 63, 88, 186, 240
 влияние 203-204, 209
 о контроле над ценами 60-61
 отставка 216
- Китч, Эдмунд (Kitch, Edmund) 57
- Кол, Артур Х. (Cole, Arthur) 129
- Количественные методы
 применение в общественных науках 45
 издержки применения 67
 воздействие на регулирование 68-70
 использование экономистами в других дисциплинах 45
 применение в экономическом анализе 29-30
 См. также: *Данные; Неколичественные методы*
- Комитетов теория (Дункана Блэка) 217-225
- Кондорсе, маркиз де (Condorcet, Marquis de) 223-224
- Конкуренция
 в интерпретации Планта 7-8
 в определении границ дисциплин 39-40
 в системе ценообразования Адама Смита 96-101
 развитие методов анализа 25-27
- Контроль над ценами, См. *Государственное регулирование*
- Корри, Бернард (Corry, Bernard) 139, 149
- Коуза теорема 12
- Коутс, А. В. (Coats, A. W.) 173, 187, 188-189
- Кун, Томас С. (Kuhn, Thomas S.) 14, 30-32, 33
- Кэмпбелл Ч. А. (Campbell, C. A.) 215, 217-218
- Кэрролл, Льюис (Carroll, Lewis) 223-224, 226
- Ланкастер Кельвин (Lancaster, Kelvin) 49
- Лаплас, Пьер Симон (Laplace, Pierre Simon) 224
- Ласки, Харольд (Laski, Harold) 203, 207
- Лернер, Абба (Lerner, Abba) 23, 24, 242, 246
- Линдгрэн, Дж. Ральф (Lindgren, J. Ralph) 133
- Линейное программирование 44-45
- Лондонская школа экономики
 вклад и влияние Планта 7-8, 206-211, 244-246
 вклад и влияние Роббинса 216, 239, 242-245
 вклад и влияние Хайска 21-22, 211, 216, 241, 242-243
 влияние Кеннана 203-204, 209
- Лутц, Вера (Lutz, Vera) см. *Смит, Вера* (Smith, Vera)
- Льюис, Артур (Lewis, Arthur) 245
- Макгрегор, Д. Х. (Macgregor, D. H.) 179
- МакКин Рональд Н. (McKean, Roland N.) 41
- Макфи, А. Л. (Macfie, A. L.) 114, 221
- Мандевиль, Бернард (Mandeville, Bernard) 89
- Маршак Дж. (Marschak, J.) 41
- Маршалл, Агнес — сестра Альфреда (Marshall, Agnes) 140, 166
- Маршалл, Альфред (Marshall, Alfred)
 активная поддержка Пигу 174-176, 178, 181, 188-190
 место рождения 139-140, 149, 171-172
 мнение о работе Дж. Н. Кейнса 191-193
 о влиянии матери 137-138, 212-213
 о воспитании детей 143-144

- о денежном измерении 50
 о предложении производимых совместно товаров 163-164
 о своем отце 143-144, 170
 о целях образования 144, 148, 170
 об инвестициях в человека 137, 212-213
 определение предмета экономической теории 46
 отношение к Фоксвеллу 178-181, 183-185, 188-190
- Маршалл, Генри — дядя Альфреда (Marshall, Henry) 151, 155-156
- Маршалл, Джон — прадед Альфреда (Marshall, John) 150, 151, 152
- Маршалл, Мэри — жена Альфреда (Marshall, Mary) 138, 141, 142-143, 144, 147, 149, 151, 154, 155, 156, 157, 171, 172
- Маршалл, Ребекка Оливер — мать Альфреда (Marshall, Rebecca Oliver) 138-139, 140-141
- Маршалл, Торнтон — дядя Альфреда (Marshall, Thornton) 156, 169
- Маршалл, Уильям — отец Альфреда (Marshall, William)
 как литератор 144-147
 личность 141-144, 166
 профессия 140, 150
 рождение и ранние годы 152-154
- Маршалл, Уильям — племянник Альфреда (Marshall, William) 138-139
- Маршалл, Чарльз — дядя Альфреда (Marshall, Charles) 156-165
- Маршалл, Чарльз Уильям — брат Альфреда (Marshall, Charles William) 166
- Маршалл, Эдвард — дядя Альфреда (Marshall, Edward) 155
- Математика
 использование в общественных науках 44-45, 47
 использование в экономической теории 16
 Маршалл об использовании 199-200
 См. также: *Анализ издержки-выгоды; Данные; Количественные методы*
- Майкл, Роберт Т. (Michael, Robert T.) 49
- Методы экономической науки в трудах Маршалла 198-199
 см. также *Неколичественные методы; Количественные методы*
- Мид, Дж. Э. (Meade, J. E.) 23
- Мильтон, Джон (Milton, John) 81-83
- Мишан, Е. Дж. (Mishan, E. J.) 45
- Найт, Фрэнк (Knight, Frank)
 влияние 229, 231, 244
 о качествах хорошего ученого 17, 37
 о контроле над ценами и государственной политике 61-62
- Нансон, Е. Дж. (Nanson, E. J.) 223
- Наттер, Уоррен (Nutter, Warren) 17-18, 31, 37
- Невидимая рука. См. *Ценообразование системы*
- Неколичественные методы в исследованиях воздействия регулирования 70
 ценность 67-69
- Николсон, Дж., С. (Nicholson, J. S.) 181, 182, 187, 193
- Нисканен У. А. (Niskanen, W. A.) 41
- Ноулз, Лилиан (Knowles, Lilian) 203, 204
- Ньюинг, Р. А. (Newing, R. A.) 221, 222
- Общественные науки 40-43, 45, 48-51
- Окснارد, Чарльз (Oxnard, Charles) 127
- Олсон, Манкур (Olson, Mancur) 41
- Организация промышленности
 интерес Планта к 244-245
 недостаток знания о 55-56
 трудности изучения 15
- Освальд, Ричард (Oswald, Richard) 105
- Патинкин, Дон (Patinkin, Don) 32-34
- Пейович, Светозар (Pejovich, Svetozar) 52
- Пельтцман, Сэм (Peltzman, Sam), 6, 29, 68, 69

- Первая поправка 74-80
 Пигу, А. С. (Pigou, A. C.)
 академические достижения 186
 воздействие теоремы Коуза на систему 11-12
 выбор в качестве преемника Маршалла 174-177, 181-183
 как друг Дж. М. Кейнса 186
 о методе исследования Маршалла 194-195
 положительное отношение к расширению роли государства 34, 64
 принятие кейнсианской теории 23
 публикации 186
 работа в качестве преемника Маршалла 189
 Пирси Уильям (Piercy, William) 202-204
 Питерс, Г. Х. (Peters, G. H.) 45
 Плант, Арнольд (Plant, Arnold)
 в Кейптаунском университете 204-206, 210
 как преподаватель 206-209, 211
 работа в Лондонской школе экономики 7, 204-211, 244-246
 рождение и образование 202-204
 Познер, Ричард А. (Posner, Richard A.) 41, 47, 48
 Полезности теория
 в экономическом анализе 49
 как украшение 99
 Политическая система 237
 Потребители
 на рынках идей и товаров 75-76, 84
 предполагаемая некомпетентность 85
 Права собственности
 в теореме Коуза 11-13
 интерес Планта к 245
 Правительства деятельность.
 См. *Государственное регулирование; Государственная политика*
 Правительства роль
 восприятие Адамом Смитом 101-103
 на рынках идей и товаров 77-79
 расширение 71-72
 сокращение 72-73
 Право и экономика 13, 36
 Правовая система
 влияние на анализ социальных издержек 12
 воздействие на работу экономической системы 12
 отношение к экономической системе 12-13
 подход к регулированию рынков 74-75
 Пресса
 защита свободы прессы 78-79
 о регулировании телерадиовещания 79-81
 Прест, А. Р. (Prest, A. R.) 45
 Природа
 в определении чувств человека 119-121
 представление Адама Смита о 122-127
 «Природа фирмы»
 значение 9
 концепция транзакционных издержек в 10-11, 14-15
 подготовка статьи 8-9, 216
 предмет 9
 «Проблема социальных издержек»
 использование государственно-го регулирования в 71
 транзакционные издержки в 12-13
 Производители (на рынках идей и товаров) 75-76, 83-84
 Разделение труда
 значение для мысли Адама Смита 92-95
 кооперация необходимая для 131
 Регулирование
 на рынках идей и товаров 83-85
 деятельности экономистов 36-37
 См. также *Государственное регулирование*
 Роббинс, Лайонел (Robbins, Lionel) 22, 24, 46-47
 вклад в исследования Лондонской школы экономики 216, 242-245, 246
 как сторонник теории Кейнса 24

- критика экономического анализа 5
о работе Дж. Р. Хикса в Лондонской школе экономики 241
Робертсон, Д. Х. (Robertson, D. H.) 23
Робинсон Е. А. Г. (Robinson, E. A. G.) 224
Робинсон, Джоан (Robinson, Joan) 23, 25-26, 240
Рынки
Адам Смит о поведении человека на 93-101, 131-132
как регуляторы 100-101
контроль экономической системы Адама Смита 88
определение при регулировании 74-75
преодоление провалов 84-85
см. также *Разделение труда*
Рэй, Джон (Ray, John) 91
Самообман 115, 128-129
Самоуважение 78
Самуэльсон, Пол Э. (Samuelson, Paul A.) 23, 35-36
Свобода прессы 78-81
Свобода слова 81-82
Свободный рынок (идей) 76-77
Себялюбие 115, 118-119, 127-129
См. также *Самообман*
Селдон, Артур (Seldon, Arthur) 210, 211, 245
Симпатия
в интерпретации Адама Смита 111-112, 115-116
внутри семьи: интерпретация Смита 116-118
см. также: *Дружба; Собственный интерес; Себялюбие*
Скидельски, Р. (Skidelsky, R.) 169-170
Скотт, В. Р. (Scott, W. R.) 104, 177, 180, 185, 214, 217, 219
Смит, Адам (Smith, Adam)
вклад в экономическую науку 91, 104
карьера 88-89
о государственном регулировании 57-49, 100-103
о природе и поведении человека 110-134
о разделении труда 92-95
о себялюбии и благожелательности 94-96, 111-114, 116-118, 121-122, 127-132
о системе ценообразования 96-100
об американской независимости 104-108
об образовании 132
транзакционные издержки как объяснение использования денег 10-11
См. также: *«Богатство народов»*; *«Теория нравственных чувств»*
Смит, Вера (Smith, Vera) 244
Собственный интерес
в интерпретации Нэттера 17
в обосновании американской независимости 105-107
в отношении к образованию 85
интеллектуалов 78
представление Адама Смита о 93-96, 110-113, 116-117, 129-130
преимущества на рынке 131-132
прессы 78-79
Сраффа, Пьеро (Sraffa, Piero) 26, 173
Стиглер, Джордж Дж. (Stigler, George J.) 12, 25-27, 35, 41, 69
вклад в науку 230-238
о политическом поведении 107
о теории государственной политики 64-65
о теории полезности 49
о формировании государственной политики 64-67, 73
об изучении экономической теории 46
теория цены 25-26
Стилл, Дж. Г. (Steele, J. G.) 158
Сус, Нил М. (Soos, Neal M.) 41
Таллок, Гордон (Tullock, Gordon) 41
Тарви, Ральф (Turvey, Ralph) 30, 45
Тауни, Р. Х. (Tawney, R. H.) 203
«Теория нравственных чувств»
идея благожелательности 94-96, 111-114, 116-118, 121-122, 127-132

- концепция беспристрастного наблюдателя 30, 114–116, 118
 концепция симпатии в 111–112, 115–116
 об американской независимости 107
 представление о природе человека в 127
 роль природы в поведении человека 119–120, 123–125
 Тироль, Жан (Tirole, Jean) 6
 Тобиас, Филип В. (Tobias, Philip V.) 127
 Томас, Бринли (Thomas, Brinley) 246
 Торнтон, Генри (Thornton, Henry) 168
 Торнтон, семья 167–169
 Трайверс, Роберт Л. (Trivers, Robert L.) 127
 Трансакционные издержки в механизме ценообразования 8–10
 в теории социальных издержек 12–13
 использование денег для сокращения 10–11
 Уайт, А. К. (White, A. K.) 214, 217
 Уатс, Джон (Watts, John) 158
 Уикстед, Филип (Wicksteed, Philip) 244
 Уилсон, Эдвард О. (Wilson, Edward O.) 127
 Уильямсон, Оливер И. (Williamson, Oliver E.) 3, 8, 9, 14–15
 Уинтер, Сидней Г. (Winter, Sidney G.) 8
 Уоллис, В. Аллен (Wallis, W. Allen) 230
 Уоллис, Грэхем (Wallis, Graham) 207
 Фирмы
 исследования деятельности 9–10
 политические партии как 236–237
 см. также «*Природа фирмы*»
 Фоксвелл, Г. С. (Foxwell, H. S.)
 мнение о Пигу 176–179
 научные достижения 186
 отношение Маршалла к 177–181, 182–185
 предпочтения в экономической мысли 189
 работы 186
 Фоксвелл, Одри (Foxwell, Audrey) 173, 188
 Фоллет, Мэри Паркер (Follett, Mary Parker) 214
 фон Тюнен, И. Г. (von Thunen, J. H.) 196
 Форстер, Е. М. (Forster, E. M.) 168
 Фаулер, Рональд (Fowler, Ronald) 240, 245
 Фридланд, Клэр (Friedland, Claire) 235
 Фридмен, Милтон (Friedman, Milton) 18–19, 21, 26–28, 30, 38, 55, 229
 Фуруботн, Эрик (Furubotn, Erik) 52
 Фэй К. Р. (Fay, C. R.) 104, 105, 108
 Хайек, Фридрих фон (Hayek, Friedrich von) 24, 168, 211, 216
 влияние и вклад в работу ЛШЭ 241–243, 246
 концепция рассредоточенного знания 10
 о принятии теорий 21–22, 25
 Халл, Т. (Hall, T.) 158, 159
 Хамермеш, Дэниэл С. (Hamermesh, Daniel S.) 41
 Харрод, Р. Ф. (Harrod, R. F.) 23, 141, 168
 Хатт, В. Г. (Hutt, W. H.) 204
 Хатчесон, Фрэнсис (Hutcheson, Francis) 89, 121
 Хаутри, Ральф (Hawtrey, Ralph) 168
 Хаутри, Ф. М. (Hawtrey F. M.) 147
 Хендерсон, Х. Д. (Henderson, H. D.) 240
 Хикс, Джон Р. (Hicks, John R.)
 влияние и вклад 241–243
 о кейнсианской теории 22
 Хитч, Чарльз Дж. (Hitch, Charles J.) 41
 Холмстром, Бенгт (Holmstrom, Bengt) 6
 Цен теории
 микроэкономика как 6
 Стиглера 25–26

Ценообразования система

Адама Смита 4, 96-100
 в «Природе фирмы» 9
 издержки использования 8-9
 регулирование 56-63, 98
 трансакционные издержки ко-
 ординации 8-10
 См. также: *Американская револю-
 ция*; *«Богатство народов»*

Человека поведение

представление Адама Смита о
 11-119
 собственный интерес в опреде-
 лении 11-113
 экономическая теория как ис-
 следование 46-48

Человека природа

в «Богатстве народов» 127-128
 в «Теории нравственных
 чувств» 127
 мнение Смита о 110-134
 мнение Юма о 126

Чемберлин, Эдвард (Chamberlin,
 Edward) 25-26, 240-241

Чен, Стивен (Cheung, Steven) 3, 11

Шульц, Теодор В. (Schultz,
 Theodore W.) 41

Шумпетер, Иозеф А. (Schumpeter,
 Joseph A.) 90, 93

Эдвардс, Рональд (Edwards,
 Ronald) 245

Эджуорт, Ф. И. (Edgeworth, F. Y.)
 138, 143, 157, 181, 187, 197, 219, 230

Экономическая система

Адама Смита 4, 88
 значение институциональных
 факторов 6

значение трансакционных из-
 держек для объяснения ис-
 пользования денег в 10-11
 инструменты исследования 51
 нерешенные проблемы 42
 отношение к правовой систе-
 ме 12-13
 пренебрежение некоторыми ас-
 пектами 5-6
 различные взгляды на 32-34

Экономическая теория

анализ конкуренции в 25-27
 в лондонской школе экономи-
 ки 211
 и общественные науки 46, 51-52
 изменения в восприятии 21-28
 использование трансакцион-
 ных издержек в 14-15
 исследование институтов в 6
 кейнсианская система в 22-25
 Коуз о развитии 232
 критерии выбора разных под-
 ходов 27-28, 33-34
 отношение Маршалла к 195-
 199
 развитие после Адама Смита 4
 расширение границ 40-48
 роль прогнозов 27-28
 Стиглер о развитии 231-232
 функции 19

Эрроу, Кеннет Дж. (Arrow,
 Kenneth J.) 223

Юм, Дэвид (Hume, David) 89, 126,
 209

Ямей, Базил (Yamey, Basil) 245

Янг, Эллин (Young, Allyn) 180, 216,
 242

Научное издание

РОНАЛЬД КОУЗ
ОЧЕРКИ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ
И ЭКОНОМИСТАХ

Главный редактор издательства ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор издательства АРТЕМ СМИРНОВ
Выпускающий редактор ЕЛЕНА ПОПОВА
Художественное оформление серии ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Корректор НАТАЛИЯ СЕЛИНА
Верстка СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Издательство Института Гайдара
125993, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1

Подписано в печать 22.10.15.
Формат 70×100/16. Тираж 2000 экз. Зак. 6023
Отпечатано в филиале «Чеховский Печатный Двор»
АО «Первая Образцовая типография». www.chpd.ru
Тел. 8(499) 270-73-59
142300, Чехов, ул. Полиграфистов, 1

РОНАЛЬД КОУЗ ОЧЕРКИ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ЭКОНОМИСТАХ

Вы ищете книгу экономиста, который действительно умеет писать и приводит множество убедительных доводов в пользу свободных рынков против государственного регулирования? Понравится ли вам такая книга еще больше, если изящная ирония автора заставит вас улыбнуться? Если да, то «Очерки об экономической науке и экономистах» Рональда Г. Коуза — это книга для вас ... Нобелевский лауреат вонзает нож в противоречия экономической науки и, страница за страницей, мастерски поворачивает его.

Дэвид Р. Хендерсон, Reason

Коуз владеет словом с таким изяществом, что немногие журналисты, не говоря уже об экономистах, могут с ним сравниться. В эпоху, когда экономисты, кажется, рассматривают качество своей работы как функцию от трудности ее понимания для интеллигентной публики, Коуз продолжает ясно и емко выражать свои идеи, часто пронизательно и глубоко оспаривая экономические догмы... В «Очерках об экономической науке и экономистах» Коуз проявляет себя с наилучшей стороны... Для тех, кто не знаком с работами Коуза, эта книга может послужить замечательным введением, а тем, кто уже знаком, она поможет лучше понять Коуза — человека и экономиста.

Аарон Стилман, Michigan Review

[Эти эссе] предлагают широкий взгляд на экономическую науку при помощи исследования жизни и работы важнейших представителей классической и неоклассической экономической теории.

Journal of Economic Literature

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

ISBN 978-5-9325-5430-2

9 785932 554302